

Византийский «круг земель» Orbis terrarum Byzantinus...

*Тезисы докладов
XXIII-й Всероссийской научной сессии
византинистов РФ*

Судак
24-30 октября 2022 г.

Национальный комитет византистов
Российской Федерации
Институт археологии Крыма
Российской Академии наук
Музей-заповедник «Судакская крепость»

Византийский «круг земель» Orbis terrarum Byzantinus...

*Тезисы докладов
XXIII-й Всероссийской научной сессии
византистов РФ*

Судак 24-30 октября 2022 г.

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2022

УДК 94(100)(063)
ББК ТЗ(0)я43
В42

Ответственный редактор С. П. Карпов

Редакционная коллегия: М. В. Грацианский, В. В. Майко

В42 **Византийский «круг земель»** Orbis terrarum Byzantinus... тез. докл. XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ, Судак, 24-30 октября 2022 г. / [отв. ред. С. П. Карпов, ред. коллегия М. В. Грацианский, В. В. Майко]. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», – 2022. – 192 с.
ISBN 978-5-907587-38-0

Издание содержит тезисы докладов XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ, проходившей на базе Института археологии Крыма РАН и музея-заповедника «Судакская крепость» 24-30 октября 2022 г. В докладах представлены научные темы и направления современного российского византиноведения.

Для специалистов и студентов, интересующихся актуальными подходами к изучению византийской истории.

На обложке:

На фоне картины К.Ф. Богаевского 1924 г. «Главные ворота Судакской крепости» византийские предметы, обнаруженные в ходе археологических раскопок М. А. Фронджуло, И. А. Баранова, В. В. Майко средневековой Сугдеи 1965, 1981, 2009 гг.

УДК 94(100)(063)
ББК ТЗ(0)я43

ISBN 978-5-907587-38-0

© Институт археологии Крыма РАН, 2022
© Редакционная коллегия, авторы, текст, 2022
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2022

И. В. Абдулманова

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

Учение Оригена в письмах Феофила Александрийского

В истории позднеантичной интеллектуальной мысли личность Оригена представляется крайне неоднозначной. С одной стороны, это выдающийся интеллектуал и духовный подвижник своего времени, с другой – человек, вокруг учения которого на протяжении нескольких столетий разрастались многочисленные споры, носившие как богословский, так и вполне светский характер.

В конце IV в. антиоригенистская полемика активно развернулась в письмах александрийского патриарха Феофила. Изначально Феофил, по видимому, не был противником учения Оригена, однако ряд социально-политических событий, участником которых он стал, а также ряд оригенистов его времени (в том числе «Долгие братья») заставили Александрийского патриарха пересмотреть свои взгляды на учение Оригена.

В работе будут рассмотрены некоторые положения учения Оригена в следующих работах Феофила: Синодальные послания (первое и второе), Праздничные послания (16–17), письма к монахам-оригенистам, письмо, написанное в Константинополе, трактат об Исаии.

Анализ учения Оригена Феофил начинает, опираясь на три крупных произведения александрийского мыслителя — «О началах», «О молитве» и «Увещание к мученичеству». В первом Синодальном письме Феофил выдвигает два тезиса, обвиняя Оригена в том, что, по его учению, душа существовала на небе раньше тела и что воплощенная жизнь есть наказание за прежний грех, совершенный на небе. По сути, это одна из первых попыток, связанных с желанием Феофила уличить Оригена в том, что тому не были чужды идеи предсуществования и переселения душ, за которые, как полагают некоторые исследователи, Ориген был предан анафеме на поместном и Вселенском соборах VI в. О том, что Ориген мог поддерживать реинкарнационные идеи, Феофил говорит и в 17-м праздничном послании от 402 г., в котором упоминается фраза «души перевоплощаются».

Во 2-м Синодальном послании Феофил, опираясь на трактат Оригена «О началах», отмечает ряд идей, которые он называет еретическими: 1) Сын есть истина по сравнению с нами, но ложь по отношению к Отцу; 2) Спаситель меньше Отца; 3) царству Христову придет конец; 4) дьявол будет спасен и восстановлен во славе; 5) Слово Божие не приняло человеческого тела; 6) Христос есть душа, сошедшая с небес; 7) Христос будет страдать за демонов.

Содержание 2-го Синодального послания позволяет в полной мере оценить отношение Феофила к Оригену, но не слишком раскрывает особенности учения последнего и не конкретизирует положения феофиловской критики. Эту задачу Феофил выполнил в 16-м праздничном послании, которое полностью посвящено Оригену, а точнее опровержению его ключевых доктрин. Первое, на что указывает Феофил, — это то, что Ориген считал, будто существует конец царству Божьему, и когда оно закончится, Христос будет лишен вечности¹. Вторым обстоятельством, с которым вступает в полемику Феофил, является представление Оригена о поклонении Христу. Феофил говорит: «Сказать: Я не знаю Господа — это то же самое, что сказать Оригену: Не надо молиться Сыну, ибо Ориген определенно признает Сына Господом. И хотя он раздражается таким открытым богохульством, все же следует молиться Сыну»².

Опровержение основных догматических положений учения Оригена Феофилом начинается со слов: «Утверждая это, он не думает о том, что мистические воды крещения освящаются приходом Святого Духа или что евхаристический хлеб, которым проявляется тело Спасителя и который мы преломляем для нашего освящения вместе со священной чашей, которая поставлена на алтарь Церкви и, несомненно, неодоушевлена, освящается призывом и приходом Святого Духа»³. Свои аргументы он выстраивает через демонстрацию противоречий в аргументации Оригеном образа Спасителя⁴: «Однако Ориген осмелился сказать, что это душа Спасителя опустошила себя и приняла форму слуги, так что Иоанна можно считать лжецом, когда он говорит: Слово стало плотью»⁵. Здесь также прослеживается желание Феофила назвать Оригена язычником и указать на его желание признать душу Христа равной душе человека.

Феофил усматривает в учении Оригена еще одну догматическую ошибку: Ориген ошибался, утверждая, что воскресшие тела умерших приобретают после смерти сферическую форму⁶.

Интересно, что в своем отрицании оригеновского учения, Феофил дошел до того, что стал отрицать аллегорический способ толкования, который был присущ не только Оригену, но и многим другим александрийским богословам. В трактате об Исаии Феофил использует фразу «туман аллегории»⁷. Не забывая отмечать преимущества аллегорического способа толкования, Феофил указывал, что последний уместен только в том случае, когда используется без искажения истины.

¹ См.: *Russell N. Theophilus of Alexandria*. London, Routledge, 2006. P. 103–104 (Sixteenth Festal Letter, 5)

² *Ibid.* P. 111 (Sixteenth Festal Letter, 14).

³ *Ibid.* P. 110 (Seventeenth Festal Letter, 13).

⁴ В «Письме, написанном в Константинополе» Феофил продолжает данную тематику.

⁵ *Russell N. Theophilus of Alexandria*. P. 129 (Seventeenth Festal Letter, 14)

⁶ *Ibid.* P. 142 (Letter written at Constantinople, 8).

⁷ *Ibid.* P. 160.

Отдельному порицанию подвергается учение Оригена о Серафимах, которые, по мнению Оригена, разумно славят Бога, покрывая его ноги и лицо. Феофил полагал, что они не могут «покрывать ноги и лицо Бога», так как Бог невидим.

В некоторых местах его писем проступает изначальная расположенность Феофила к Оригену, на которую указывают многие исследователи: «Но Ориген, этот столп истины, утверждает, что сила Бога ограничена и уступает человеческим способностям»⁸.

В заключении следует отметить, что в трудах Феофила мы находим рассмотрение учения Оригена исключительно с критических позиций, вследствие чего в IV в. Феофил считался одним из главных антиоригенистов. При этом, безусловно, часть упреков последнего в адрес Оригена носила вполне субъективный характер, что, впрочем, ничуть не умаляет ни роли последнего, ни роли самого Феофила в истории александрийского интеллектуализма.

А. И. Айбабин

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

**Влияние Византии на этнокультурные процессы
в Горном Крыму в V–XII вв. ***

Византинистов издавна увлекает своеобразный жанр региональной истории — политика Восточной Римской империи в приграничных регионах после раздела Римской империи между сыновьями Феодосия I в 395 г. В империи понимали важное геополитическое значение Крыма, в распространении ее влияния в Евразии. Восточная Римская империя всегда стремилась удержать в этом приграничном регионе плацдарм для военных операций, коммерческого и дипломатического обмена, наблюдения за этническими переменами в степи. Важнейшим аспектом стратегии империи было вовлечение в орбиту ее политики соседних народов, которые она заставляла служить своим целям, либо поддерживая мир на ее границах, либо ведя войны против общего противника. Комплексное изучение письменных и археологических источников позволяет воссоздать этнокультурные трансформации в крымских владениях Восточной Римской империи.

В конце V в. после захвата гуннами Боспора, правители которого были союзниками империи, возросло значение Херсонеса — единственной византийской крепости на полуострове. В правление императора Зинона

⁸ *Ibid.* P. 130–131 (Seventeenth Festal Letter, 16). В последующих частях рассматриваемого письма, Феофил продолжает уличать Оригена в ошибочности взглядов.

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

(474–491) усилилась роль византийских военных и гражданских чиновников в управлении городом. Учрежденная в Херсонесе еще при императоре Феодосии I (379–395) епархия с конца IV в. проводила целенаправленную миссионерскую политику обращения пограничных народов. В Горном Крыму готы и аланы начали осваивать греческий язык в результате политического и идеологического взаимодействия, а также торговли с Херсонесом и другими городами Восточной Римской империи.

Император Юстиниан I (527–565) присоединил к империи Боспорское царство и заключил союз с готами и аланами, населявшими область Дори в Юго-Западном Крыму, а на Южном берегу построил крепости Алустон и Горзубиты⁹. В годы правления Юстина II (565–578) и Тиверия II (578–582) Константинополь, реагируя на враждебные действия тюрков, учредили в Таврике новый приграничный округ — Херсонский дукат, в который включили Боспор и страну Дори. При Маврикии (582–602) территорию области Дори византийцы разделили на районы — архонтии или климаты с резиденцией архонта в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла.

В начале VIII в. имперская администрация сохранилась только в Херсоне, а в равнинном и горном Крыму свою власть установили хазары. В отображении происходившего в VIII–X вв. византийцы называли Климаты Херсона Готией и ее Климатами¹⁰. Хазары подчинили Климаты Херсона архонту Дороса, которому поручили сбор дани. В утраченном Горном Крыму Византия активизировала идеологическую и культурную экспансию. В созданном между 815 и 842 гг. «Житии Святого Иоанна Готского» сказано об уже существовавшей в 754 г. Готской епархии с кафедрой в Доросе.

Судя по текстам жития возглавлявшего антихазарское восстание Святого Иоанна Готского, переписки Федора Студита с архимандритом Готии и официальных церковных документов с момента создания Готской епархии греческий язык был единственным языком богослужения в храмах и монастырях Готии. Клирики и монахи способствовали распространению греческого языка у готов и алан. Со второй половины VIII в. на готских и аланских сельских кладбищах устанавливали надгробия с христианской символикой и эпитафиями на греческом языке с формулами, заимствованными из молитв.

В середине IX в. империя восстановила свое правление в Готии¹¹. После восстановления в 843 г. иконопочитания возросло влияние церкви во всех сферах общественной жизни византийской Готии. В X–XII вв. на

⁹ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). [Крым в истории, культуре и экономике России]. Симферополь, 2017. С. 300–302.

¹⁰ Айбабин А. И. О дате образования Крымской Готии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 5. С. 71–78 (здесь: С. 74).

¹¹ Айбабин А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 615–626 (здесь: С. 615–618).

территории Византии повсеместно сооружают квартальные однефные храмы. В результате археологических раскопок на плато Эски-Кермен и Бакла выявлена начавшаяся с X в. перепланировка всех городских кварталов для постройки квартальных храмов, принадлежавших одной семье или роду¹². Археологические раскопки выявили многочисленные свидетельства усвоения готами и аланами в поздневизантийский период греческого языка.

После захвата в 1204 г. крестоносцами Константинополя и раздела империи Херсон и ее владения в Юго-Западном Крыму подчинились Трапезунду. Рассмотренные материалы дают основание говорить о том, что к IX в. готы и аланы освоили греческий язык, а в IX–XIII вв. он в Готии доминировал.

Под влиянием византийской христианской цивилизации в результате многовекового ассимиляционного процесса на полуострове сформировалась горнокрымская народность. Она создала единую материальную культуру, впитав в себя аланский, готский и ромейский компоненты. Именно это население после гибели византийского Херсона в конце XIV в. оставалось основным носителем традиций греко-византийской культуры и православия на полуострове вплоть до его переселения в Приазовье в 1778 г., осуществленного по повелению Екатерины II.

Н. А. Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Византийская сфрагистика в Таврике: открытия последних лет

В последнее время новые находки памятников сфрагистики нередко дополняют сведения письменных источников, нарративных и эпиграфических памятников по истории Таврики, уточняя место и роль последней в контексте имперских интересов византийского государства и общества. Сегодня находки печатей происходят из разных частей Крыма, очерчивая ареал византийского влияния в регионе. Спектр находок последних лет по-прежнему достаточно широк и в хронологических границах, и в ассортименте адресантов корреспонденции. Он включает в себя как императорские буллы и моливдовулы имперских чиновников, так и печати придворных аристократов и священнослужителей.

К примеру, сегодня стали известны новые печати императоров Константина VII Багрянородного, периода регентства его матери Зои и Андроника III Палеолога из центрального Крыма¹³, а также Алексея I

¹² Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2020. Вып. 48. С. 310–326 (здесь: С. 323–324).

¹³ Алексеенко Н. А. Византия и Крым в контексте имперских интересов в Северном Причерноморье. Новые находки императорских моливдовулов в Таврике // АДСВ. 2019. Вып. 47. С. 121–139. № 1–2.

Комнина из округа византийского Херсона¹⁴. Их находки возвращают нас к отдельным узловым эпизодам крымской истории.

Пополнился и арсенал булл византийских аристократов. Моливдовулы паниперсеваста Алексея Враны-Комнина конца XII в.¹⁵ и Алексея Манаси начала XIII в.¹⁶ демонстрируют редкие примеры интереса высокопоставленной византийской элиты к Таврике в период, когда связи региона с империей уже не ощущались как надежные и прочные.

Расширилась и группа адресантов Херсона ранневизантийского времени за счет печатей VI–VIII вв.: референдаря Константина, хартулариев Феопемта и Феодора, комитов Феодора и Константина, асикрита Феофана, главного коммеркиария Феодора, сенатора-иллюстрия Сергия¹⁷ и, вероятно, епарха византийской столицы Иринея¹⁸. Примечательно, что ряд моливдовулов происходит из окрестностей Херсона, в очередной раз поднимая вопрос об адресатах корреспонденции.

Продолжаются находки булл представителей обширного бюрократического аппарата империи IX–XI вв. Среди них печати с несохранившимися именами стратигов фем Кефалонии и Армениака, диойкита Халдии Михаила, безымянного протонотария Пафлагонии, Великого хартулария стратиотиков Иоанна¹⁹ и моливдуул главного коммеркиария Понта Косьмы²⁰, который, видимо, следует связывать со средневековым городищем, располагавшимся на плато Тепсень. У последнего имелся и собственный порт в окрестностях современного поселка Коктебель, где и была найдена печать.

Не обойдены находками и церковные печати. В первую очередь это патриарший моливдуул Мефодия (843–847), найденный на городище Тепе-Кермен в Горном Крыму²¹ который, не исключено, может быть связан с церковными событиями, ознаменовавшими окончание иконоборческого

¹⁴ *Алексеевко Н. А.* Перспективы исследований византийских печатей в Крыму // БИ. 2020. Вып. 40. С. 158–170. № 1.

¹⁵ *Алексеевко Н. А.* Печать паниперсеваста Алексея Враны-Комнина из византийского Херсона // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 537–546.

¹⁶ *Алексеевко Н. А.* Моливдуул Алексея Манаси из крымской коллекции Н.П. Лихачёва в собрании Государственного Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. 2019. Вып. 99. С. 318–325.

¹⁷ *Алексеевко Н. А.* Ранневизантийское чиновничество в Юго-Западной Таврике в свете сфрагистических данных из Херсона и его округа // Вестник ВолГУ. 2019. Т. 24. № 6. С. 95–110.

¹⁸ *Алексеевко Н. А.* Ранневизантийский моливдуул из византийского Херсона с редким типом изображения // Ученые Записки Крымского Федерального университета. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 25–29.

¹⁹ *Alekseienko N.* Remarks on the Correspondence between Byzantine Cherson and Asia Minor: The Evidence of Seals // ТАКТИКОН. Proceedings of the International Workshop on the Administration and Prosopography of Byzantine themes / Ed. by O. Karagiorgou, P. Charalampakis, Ch. Malatras. Athens, 2021. P. 605–611. No 1–5.

²⁰ *Алексеевко Н. А.* Перспективы исследований... С. 162. № 3.

кризиса и официального восстановления иконопочитания в Византии в марте 843 г.²¹

Особый интерес представляют и печати X – рубежа XI–XII вв. трех широко известных монашеских центров: монастырей Апостолеон в Руфинианах (Пропонтида), Хрисиас Петра из окрестностей Амасии в Пафлагонии и Святой Троицы из предместья византийской столицы Борадиона на Босфоре²².

Удалось переатрибуировать и одну из ценных херсонских находок, свидетельствующих о связях города со священнослужителями Руси на рубеже XII–XIII вв.²³ Новая атрибуция моливдовула, отнесенного теперь к Никифору II, митрополиту *πάσης Ῥωσίας*, не только расширяет список корреспондентов византийского Херсона, но и является важным источником для церковной истории региона.

Как видим, новые находки византийских печатей и в византийском Херсоне, и на его периферии, и в других районах полуострова подтверждают ранее сделанные выводы и снова показывают достаточно широкий спектр связей византийской Таврики с окружающим миром, что в свою очередь дает возможность рассматривать роль региона в кругу имперских интересов в Северном Причерноморье в свете новых источников.

Т. Е. Белоруссова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Греко-латинское взаимодействие на Пелопоннесе во второй половине XIII в.: просопографический аспект*

Позднесредневековый Пелопоннес, где ромеи с начала XIII в. были вынуждены сосуществовать с франками и венецианцами, представлял собой яркий пример цивилизационного пограничья. Восстановление византийской власти в 1261 г. и вынужденная передача ахейским князем Гийомом II (1246–1278) трех пелопонесских крепостей в 1262 г. Византии радикально изменили геополитическую ситуацию на полуострове²⁴. Морея, благодаря своему географическому положению и тесному соседству с венецианскими владениями, приобрела важное политико-экономическое значение для

²¹ Там же. С. 161, 162. № 2.

²² *Алексеев Н. А.* Межцерковные связи византийской Таврики: традиции и новации (находки монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе) // БИ. 2019. Вып. 38. С. 225–241. № 2–4.

²³ *Алексеев Н. А.* Печать митрополита *πάσης Ῥωσίας* Никифора из византийского Херсона // АДСВ. 2020. Вып. 48. С. 270–289.

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

²⁴ См.: *Белоруссова Т. Е.* Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса после византийской реставрации 1262 г. // АДСВ. 2021. Т. 49. С. 240–253 (здесь: С. 243).

возрожденной Византийской империи²⁵. С этого времени ромеи и латиняне оказались вовлечены в постоянные военные столкновения с целью получить под свой контроль весь Пелопоннес.

Основным источником по истории позднесредневекового Пелопоннеса является Морейская хроника, в которой содержатся ценные сведения об акторах греко-латинского взаимодействия. Обращение к просопографическому анализу позволит выявить наиболее активные этапы этого взаимодействия и прояснит, как оно воспринималось его непосредственными участниками, каким они видели будущее и было ли в нем место соседям.

Подавляющая часть имен греков и латинян содержится в тех фрагментах хроники, которые были посвящены подготовке и ходу военных действий в Морее. Хроника сообщает о серии ожесточенных военных столкновений между франками и ромеями, случившихся вскоре после возвращения в 1262 г. ахейского князя и его соратников из византийского плена. Наиболее острой фазой греко-латинского противостояния стал период 1262–1267 гг., когда обе стороны стремились вооруженным путем устранить территориальных конкурентов и распространить свое влияние на всю Морею. К этому небольшому временному промежутку относится упоминание 26 латинских и греческих имен. Среди упомянутых в хронике пелопоннесских ромеев есть и знатные византийские военачальники, направленные из Константинополя, чтобы управлять морейскими крепостями: брат императора севастократор Константин²⁶, Иоанн Макрин²⁷, наместник Мистры Кантакузин²⁸ и ряд других должностных лиц, чьи имена остались не названными. Как и знатные франки, убежденные, что Пелопоннес принадлежит им «по праву завоевания»²⁹, византийские военачальники стремились вернуть под византийский контроль утерянные после 1204 г. территории, вытеснив потомков франкских завоевателей.

На следующем этапе — после включения Ахейского княжества в орбиту Анжуйской политики в 1267 г. и до смерти князя Гийома II в 1278 г. — характер греко-латинского взаимодействия претерпел некоторые изменения. После череды военных поражений ромеи стали избегать прямых военных действий, и конфликт принял затяжной характер. Княжество же

²⁵ *Matschke K.P.* Commerce, Trade, Markets, and Money, Thirteenth–Fifteenth Centuries // *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. A.E. Laiou. Vol. 2. Washington, 2002. P. 786–787.

²⁶ *The Chronicle of Morea (Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως): A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century* / Ed. by J. Schmitt. London, 1904. P. 306.4629–4639; *Nikephori Gregorae Historia Byzantina* / Ed. L. Schopen, E. Bekker. Vol. I. Bonn, 1829. P. 79.

²⁷ *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* / Hrsg. von E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. Wien, 1976–1995. Fasc. 1–12. № 16358.

²⁸ *Ibid.* № 10953.

²⁹ *The Chronicle of Morea...* P. 282–284.4256–4303.

франков погрязло в череде внутренних проблем. После 1267 г. в хронике почти отсутствуют упоминания греков: из 17 персоналий лишь 3 были греками. Имена знатных ромеев, живших в этот период, также встречаются значительно реже, что, возможно, было связано с переориентацией внешней политики Византии на другие направления.

К концу XIII в. относится ряд упоминаний контактов на уровне рядового населения полуострова, что демонстрирует значимость родственных и дружеских отношений между франками и греками Пелопоннеса, установившихся к этому времени. К последним двум десятилетиям XIII в. относятся упоминания о 10 латинянах и 7 греках.

Просопографический анализ позволяет понять, что межкультурное взаимодействие происходило на всех уровнях и принимало различные формы: от бытовых и земельных споров до участия в заговорах на стороне противника. И хотя в отношениях между латинянами и греками в этом регионе было много противоречий, их коммуникации характеризовались высокой интенсивностью, особенно в последние десятилетия XIII в., когда военные конфликты носили преимущественно локальный характер.

Н. Н. Болгов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Трансформация города и городского пространства в Восточном Средиземноморье IV–VI вв.

Процесс трансформации позднеантичного города охватывает время от начала его христианизации до изменений 1-й пол. VII в., в результате которых наступают «Темные века». Если последние достаточно хорошо изучены³⁰, хотя и не выработаны единые оценки, то основной процесс трансформации городского пространства в IV–VI вв. имеет пока скорее локальное измерение³¹.

Трансформацию позднеантичного города можно было бы назвать *византинизацией позднеантичного города* (в отличие от медиэвализации города «Темных веков» с VII в.). Схематично она выглядит следующим образом.

Города империи можно разделить на ранги:

1. Города имперского уровня.
2. Центры диоцезов, крупные региональные города.

³⁰ Романчук А. И. Византийский город периода «темных веков»: дискуссия в историографии второй половины XX в // Известия УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 120. № 4. С. 23–28.

³¹ Dunn A. The Transition from *polis* to *kastron* in the Balkans (III–VII cc): General and Regional Perspectives // Byzantine and Modern Greek Studies. 1994. Vol. 18. P. 60–81; Foss C. Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor. Norfolk, 1996; Foss C. Ephesus after Antiquity: A Late Antique, Byzantine, and Turkish City. New York, 1979.

3. Центры провинций.

4. Прочие.

Изменение топографии идет в зависимости от ранга города:

В имперских городах и центрах диоцезов строились и поддерживались императорские резиденции (дворцы), резиденции (претории) наместников (коми́та Востока) и др.

В столицах провинций функционировали резиденции губернаторов.

В церковных митрополиях имелись резиденции епископов.

Континуитет:

Сохранение основной сетки прежней античной планировки улиц и кварталов.

Сохранение административных резиденций, общественных зданий, улиц с колоннадами, площадей и мест для зрелищ (стадионы).

Изменение характера общественных зданий:

Изменяется характер зданий, не относящихся к правительственным службам, они приходят в запустение или перестраиваются. Перестают использоваться по назначению театры и гимнасии. Пространство между колоннами на улицах и агора застраиваются лавками, мелкими пристройками. Акведуки сменяются цистернами.

С улиц, площадей, из театров убираются статуи.

Возрастает роль торговой агоры в противовес общественной.

Рождение христианской топографии:

Появление захоронений в черте города.

Включение базилик в топографию города. Базилики могли строиться на месте языческих храмов или на новых местах.

Появлялись новые учреждения — городские монастыри, больницы, приюты, богадельни.

Уплотнение селитебных зон, приватизация общественного пространства. Смешение хозяйственных, жилых и общественных функций:

Частичная перепланировка ведет к измельчению кварталов, городских усадеб, домов.

Позднеантичный житель города нуждался в значительно меньшей жилой площади, чем его предшественники. Теперь гораздо больше людей могло жить на гораздо меньшей площади.

Идет усиление хозяйственной деятельности в городе, которая проникает в жилые кварталы; дом совмещается с мастерской, лавкой, складом, рыбозасолочными ваннами и др.

Идет приватизация городского общественного пространства: участки бывших общественных зданий становятся частной застройкой.

Части бывших общественных зданий или все они целиком превращаются в хозяйственные (лавки, мастерские, рынки).

Христиане должны были скорее жить в своей собственной семье, а не на улицах города. Христианизация является главной причиной элиминации общественной жизни города.

*Фортификация и сокращение территории города*³²:

Общая территория города сокращается в связи с уплотнением заселения и изменением характера обороны.

Изменение фортификации — от полиса к кастрону. Выделяется зона кастрона с новыми внутренними стенами и важнейшими зданиями. Часть важных общественных зданий при этом оказывается вне новых стен [Новый город в Антиохии].

Новые внутренние стены не являются истинными границами позднеантичного города, включающего значительные неукрепленные кварталы и предместья [Афины].

Старые стены исчезают не из-за христианизации. Города и империя в целом уже не имеют ресурсов для поддержания полного контура стен в эпоху миграций и набегов. Взамен появляются укрепленные деревни и сельские монастыри.

Сокращение площади, окруженной стенами, представляло собой признак не упадка городов, а их жизнеспособности.

Объекты христианской благотворительности:

Помимо храмов и богоугодных заведений важнейшей стороной христианского частного эвергетизма становится финансирование внутренних стен или крепости (кастрона) [Андрона в Сирии].

Новый характер новых городов:

Вновь построенные в VI в. города, как правило, лишены античных общественных зданий (для них нет ресурсов, а не по идеологическим причинам).

Некоторые новые города, построенные императорской властью в VI в., имеют как традиционные общественные здания, так и кастрон (внутренние стены акрополя) [Юстиниана Прима].

Новые города (места) могли возникать и процветать в Поздней античности благодаря своей специализации — торговле [Долихисте в Ликийи] или пурпуру [Аперлы].

Отношения с округой, регионом:

Сохраняется сложная система отношений с округой по снабжению водой, обмену, торговле, хозяйственной специализации. Возникают моноцентры с одной специализацией.

Процветание позднеантичного города неотделимо от процветания его сельской округи.

Негативные факторы:

Внешние набег и войны [Эфес].

³² Foss C., Winfield D. Byzantine Fortifications: An Introduction. Pretoria, 1985; Kirilov C. The Reduction of the Fortified City Area in Late Antiquity: Some Reflections on the End of the 'Antique City' in the Lands of the Eastern Roman Empire // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 2. Berlin; N. Y., 2007. P. 3–24.

Природные сейсмические катастрофы, оживление геологической активности (или их тщательная фиксация в христианской традиции).

Эпидемии, пандемия чумы.

Природные долгосрочные изменения — фактор упадка (заиливание рек, заболачивание, занесение песком, изменение линии берега).

Проблема процветания VI в.:

Процветание VI в. относительно и неравномерно, оно далеко от классических стандартов.

Разрушение прошлого с использованием *сполий* характерно даже для крупнейших городов, и это проявление не упадка городов, а особая, неклассическая эстетика; люди довольствовались строительством своих зданий из повторно использованных камней. Это не означает, что они стали грубее или беднее своих предшественников.

В целом VI век — это время начала фундаментальных и необратимых изменений.

А. М. Болгова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Кария как центр высшего образования в ранней Византии

Кария — важная историческая область юго-западной Малой Азии ранневизантийского времени. Ее северная часть маркируется долиной реки Меандр³³. Как и в других эгейских провинциях, здесь выделяется приморская, давно эллинизированная часть (бывшая Иония) с городами Милет, Галикарнас, Приена, Дидимы; и внутренняя, собственно Кария, с Афродисией, Миласой, Алабандой, Стратоникеей, Траллами.

Главный город провинции, о котором более всего известно, как о центре высшего образования — Афродисия³⁴. Некоторая информация сохранилась об обучении риторике в Афродисии³⁵.

Единственное имя, которое сохранилось из эпитафических документов IV в. — Евпейфий (Εὐπειφίος), статуя которого была установлена городом³⁶. Очень мало известно о нем, кроме того, что он имел имя, идеально подходящее для софиста («Тот, кто хорошо убеждает»). Надпись 33 Roueche (сер. – кон. IV в.) найдена в 1966 г. при раскопках Адриановых

³³ Thonemann P. The Maeander Valley. A Historical Geography from Antiquity to Byzantium. Cambridge, 2011.

³⁴ Cormack R. Byzantine Aphrodisias: Changing the Symbolic Map of a City // Proceedings of the Cambridge Philological Society. Vol. 36. 1990. P. 26–41; Болгов Н.Н. Афродисия в Карию ранневизантийского времени // Laurea. II. Харьков, 2017. С. 72–75.

³⁵ Cribiore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, 2007. P. 67.

³⁶ Roueche Ch. Aphrodisias in Late Antiquity. London, 1989. P. 57–58. No 33. Он включается в число софистов, но с некоторыми сомнениями.

бань Афродисии, в помещении к северу от тепидария. «Этот город изготовил и поставил каменное изваяние мудрого Евпейфия за все, напоминая, что именно после смерти воздается людям истинная хвала, сверх человеческой зависти». Евпейфий мог быть частным лицом, не обязательно афродисийского происхождения; возможно, что Афродисия была лишь одним из городов, которые чествовали его.

Ш. Руэш отмечает, что в интеллектуальных кругах того времени определенные имена повторялись в нескольких поколениях. Единственным известным по имени тезкой Евпейфия был афинский софист конца V в. (PLRE II, 442), сын Гегия, как считает Дамаский, более талантливый, чем его отец, но проживший «низменную жизнь» (PLRE II, 422; *Damasc. Fr.* 352, 354; *Suid.* E 3650). На этом основании Руэш, а вслед за ней и Р. Крибиоре, предполагают, что афинский Евпейфий мог быть родственником афродисийского. Этому аргументу противоречит то, что афинянин происходил из муниципальной знати своего города и вряд ли имел родственные связи с Афродисией. Однако то, что афродисийский Евпейфий был афинянином, недоказуемо.

Афродисия продолжает быть активным интеллектуальным центром в V в. Софист Евстефий был родом из этого места (PLRE II, 436–437), и это — единственный несомненно местный уроженец. Он был лучшим учеником афинского софиста и философа школы Сириана — Лахара (PLRE II, 652–653). Известен как автор мелетий (декламаций). Был видным членом христианской общины в Адротте (Адруте) в Лидии (*Suid.* E 3750).

В конце V в. в Афродисии существовала философская школа; в этот период есть ссылка на некоего Прокла как на «софиста» города» (*Zacharias. Vita Severi*, 39), подразумевая некую институционализированную интеллектуальную деятельность.

Таким образом, Афродисия определенно имела как риторическую, так и философскую школы, традиции которых сохранялись здесь в течение нескольких веков.

Значительно больший свет на состояние дел с философией и школами в Афродисии в конце V в. проливает «Философская история» («Жизнь Исидора») Дамаския и ряд надписей об Асклепиодоте³⁷. Надписи 53 и 54 *Roueche* должны относиться к местному гражданину Асклепиодоту Афродисийскому. Тот факт, что он имел почести (*Zacharias. Vita Severi*, 17), согласуется со ссылками в надписи 53 на привилегии, которые он смог получить для своего города. Слова о бессмертии Асклепиодота в надписи 54 весьма уместны для языческого философа; необычная форма памятника может также отражать философские претензии Асклепиодота.

В Афродисии жил и работал также более известный Асклепиодот Александрийский, несостоявшийся преемник Прокла по Афинской школе,

³⁷ Об интеллектуальной жизни в Афродисии в V в. на основании надписей: *Roueche Ch. Aphrodisias...* P. 85–93.

женившийся на дочери афродисийского тезки Дамиане. Дамаский называет обоих Асклепидотов двумя ведущими философами в Карию.

В этот период многие философы посещали Карию, в особенности Афродисию, непосредственно или проездом в другие места. Именно из Афродисии Дамаский и его коллега Дор посетили Гиераполь Фригийский. Исидор, ученик Асклепидота Александрийского, сопровождал его в поездке из Афродисии к святилищу Аполлона в Авлах, недалеко от Магнезии (Damasc. Epit. 116–117). Когда Иларий Антиохийский обратился к занятиям философией, он сначала отправился в Карию и Лидию для ознакомления с местной традицией (Damasc. Fr., 222).

Дамаский упоминает Карию вместе с Афинами как известный центр философии (Damasc. Epit., 207). Он также утверждает, что языческая религиозная деятельность процветала и даже усиливалась в Афродисии во время пребывания там Асклепидота. Афродисия действительно считается одним из последних влиятельнейших центров языческих культовых практик, продолжавшихся здесь еще в VII в.

Вместе с тем, здесь, как и повсеместно в империи, возникла кафедра христианского епископа. Среди участников Вселенских соборов упоминаются епископы этого престола — Аммоний в Никее в 325 г., Евмений в Константинополе в 381 г., Кир в Эфесе в 431 г., Критониан в Халкидоне в 451 г., Севериан в Константинополе в 553 г. и др.

О взаимоотношениях местной церкви и высших школ судить трудно. В Афинах до конца 20-х гг. VI в. в философской школе открыто практиковались языческие теургические культы, пока школа не прекратила свою деятельность. Хотя во 2-й пол. V в. храм Афродиты в Афродисии был превращен в церковь, язычество сохранялось здесь еще длительное время. Это позволяет поставить вопрос либо о более длительном, чем в Афинах, существовании языческой философской школы в Афродисии, либо о христианизации менеджмента школы и ликвидации языческих практик при сохранении в ней содержания образования, по типу Александрии.

С. Г. Бочаров, А. Ф. Кочкина

Севастопольский государственный университет

Самарский областной историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина

**Новая находка закладной плиты 1367 г. консула Каффы Калоджеро
Гризольфи в Самарской области**

При земляных работах во время строительства детской игровой площадки в центральной части села Шигоны Шигонского района Самарской области у здания некоммерческого фонда «Детский епархиальный образовательный центр при храме во имя Архангела Михаила» была найдена каменная плита с латинской надписью. В 2019 г. находка поступила в Самарский областной историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина.

Плита прямоугольной формы изготовлена предположительно из нумулитового известняка. Левая часть плиты утрачена, примерно 2/5 от первоначальной величины. Размеры сохранившейся части в длину от 106 до 108 см, в ширину от 74 до 76 см, при толщине от 18 до 20 см. Левый нижний угол плиты отколот. На лицевой стороне нанесены три герба. Первый слева — герб генуэзской ветви североитальянского нобильского рода Гизольфо (три противозубчатых пояса), второй слева — герб генуэзского рода, вышедшего из ремесленной среды, Кабелла (в верхнем поле герба изображен клиновидный пояс, в нижнем два горизонтальных пояса) и третий, расположенный в нижнем правом углу, — герб одного из четырех самых титулованных нобильских родов Генуи — Фьески (в поле герба три наклонных пояса)³⁸. Под гербами верхнего ряда и справа от герба, нанесенного в левом нижнем углу, размещена надпись на латинском языке в пять строк, выполненная готическим шрифтом, которая занимает почти всю свободную часть плиты. Сохранность надписи, как и плиты в целом, составляет около 3/5 первоначального текста и размера камня. В нижней части плиты сохранилась контурная рамка закладного камня (рис. 1).

Плита происходит из города Каффа (современная Феодосия, Республика Крым), центра генуэзских владений в Северном Причерноморье. Известны факты вывоза из османской Каффы в 1774 и 1783 гг. русскими военными генуэзских закладных плит и рельефов, используемых затем в декоративном оформлении садово-парковых комплексов³⁹. Шигонская находка могла происходить из ряда таких перемещенных древностей. Плита относится к периоду правления консула Каффы Калоджеро (Калоццо) Гизольфи (Calocio Ghrizolfi), консулат которого приходился на 1466–1467 гг.⁴⁰ Его имя указано во второй строке надписи на изучаемой плите **KAL[O]CI(O) GVISVLF**, а родовой герб — три противозубчатых пояса⁴¹ — украшал центральную часть плиты, в сохранившемся фрагменте он расположен у левого края и частично обломан (рис. 1).

В латинском тексте надписи знаком [.] отмечены лакуны, в которых возможно предположить число утраченных букв. Знаком [...] показаны утраты памятника, где точная конъектура невозможна. Буква в квадратных скобках является конъектурой. Буквами в круглых скобках отмечены реконструкции текста и расшифровки лигатур.

³⁸ Яровая Е. А. Генуэзская геральдика Крыма. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2010. С. 189–195.

³⁹ Вальков Д. В. Памятники генуэзской эпиграфики Крыма. М.: Издательство МГУ, 2009. С. 17–36; Тункина И. В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. С. 13–18.

⁴⁰ Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri // Atti della Societa Ligure di Storia Patria. Vol. VI. Genova, 1868. P. 477–478; Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и Конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. С. 346.

⁴¹ Яровая Е. А. Генуэзская геральдика... С. 87, 187.

Рис. 1

**+ H [A] N C • A Q V A M • I N • V S V M • S [V B • C O N S U]
 L I (S) • K A L [O] C I (O) • G V I S V L F I • C O N [S T R U I T]
 S V S T V D I O Q 3 (V E) • H V C V S Q 3 (V E) [• H U N C • F O N I
 T A M • F R A N C I S C V S • D [E] • F L [I S H C O • P R O]
 P R I O • Q V A D R A T O • L A P I D E • D E C O R A V [I T •
 M C C C C L X V I I]**

В тексте перевода в круглых скобках показаны различные варианты прочтения текста надписи.

Этот водопровод (эту воду) для общественных нужд (общественного пользования) при консуле Калоджеро (Калоццо) Гизольфи построил усердно (заботливо) доведя до этого фонтана (источника) Франческо де Фьески на собственные средства (из расхода своих (собственных) средств), квадратной плитой украсив (в год) 1467.

От времени правления Калоджеро Гизольфи известны еще две плиты. Первая плита хранится в Феодосийском музее древностей, датирована 1467 г. и сообщает о возведении в городе Каффа консулом Калоджеро Гизольфи крепостной стены и украшения фонтана⁴². Вторая плита так же хранится в Феодосийском музее древностей, датирована 1 сентября 1467 г. Надпись на втором камне информирует о том, что в консульство Калоджеро Гизольфи за собственные средства Гаспаре Джудичи были воздвигнуты участок крепостной стены и мост в городе Каффа⁴³.

⁴² Ретовский О. Ф. Генуэзская плита, найденная в г. Феодосии в 1890 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1891. Вып. 13. С. 75–76; Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée // Atti della Societa Ligure di Storia Patria. Vol. 56. Genova, 1928. P. 65; Вальков Д. В. Памятники... С. 94.

⁴³ Юргевич В. Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 164–165; Skrzinska E. Inscriptions latines... P. 67–68; Вальков Д. В. Памятники... С. 95–96.

В честь какого события и строительства была изготовлена плита? В первой строке текста упоминаются работы с водой (**AQVAM**). Из первой феодосийской надписи, датированной 1467 г. известно, что в городе была построена крепостная стена и оборудован новый городской фонтан. Вторая надпись 1 сентября 1467 г. сообщает, что участок крепостной стены и мост в городе за свои средства возвел Гаспаре Джудичи. Видимо, Франческо ди Фьески также за собственные средства построил комплекс сооружений, связанных с городским водоснабжением, — водопровод и цистерну или фонтан.

Несмотря на то, что та часть плиты, на которой была нанесена дата события, утрачена, датировку памятника можно установить достаточно точно как по сроку консулата Калоджеро Гизольфи, так и по датам на двух других сохранившихся плитах от строительных мероприятий, осуществляемых в городе Каффа в период управления этого правителя, и определить дату изготовления памятника в пределах 1467 г.

Сегодня плита принята на постоянное государственное хранение и внесена в единый музейный каталог Российской Федерации. Она представлена в постоянно действующей археологической экспозиции (рис. 2) Самарского областного историко-краеведческого музея имени П. В. Алабина в разделе, посвященном истории средневековья.

Рис. 2

Ю. В. Бузанаков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Святые Антиохийской Церкви в IV – первой половине VII в.

Антиохийский патриархат по праву считается одним из самых авторитетных в Ранней Византии. Одним из ярких показателей высокого положения Антиохийской кафедры является наличие в этой церкви святых — людей отмеченных особой Божьей благодатью.

Наиболее прославленными святыми, чья жизнь связана с Антиохией, являются Иоанн Златоуст, Симеон Столпник и Симеон Дивногорец.

Среди епископов и патриархов, руководивших Антиохийской кафедрой в рассматриваемый нами хронологический период, многие были прославлены Антиохийской Церковью в звании святителя. Как известно, так прославляют епископа за особенные заслуги в пастырском деле, и труд в церковном строительстве.

Целый ряд святителей Антиохии имел возможность потрудиться во славу церкви в богословских спорах, развернувшихся в ранневизантийской Антиохии. Успешно защищали православную церковь против арианства епископы Филогоний⁴⁴, Евстафий⁴⁵, Мелетий⁴⁶, Флавиан I Антиохийский. Участником несторианских споров в Антиохии был патриарх Иоанн Антиохийский. В ожесточенной борьбе между несторианами и евтихианами, принял участие антиохийский патриарх Флавиан II. В христологических спорах с монофизитами участвовали патриархи Ефрем IV⁴⁷, Анастасий I Синаит (*Evagr. Hist. eccl.*, IV.39–41, V.5–6, VI.24).

Кроме этого антиохийским святителям приходилось восстанавливать Антиохию после разрушительных землетрясений, усмирять солдатские бунты и восстания партий цирка.

Среди сонма святых Антиохии встречались и священномученики. Так, Иоанн Малала указывает, что во время правления императора Юлиана Отступника погиб св. Домиций. По приказу императора он был замурован в пещере, в которой жил (*Malalas. XII.19–20*). Антиохийский патриарх Анастасий II Синаит погиб во время беспорядков в Антиохии⁴⁸.

⁴⁴ Память святого Филогония, епископа Антиохийского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского: 12 кн. 2 кн. доп. Т. IV. Декабрь, День 20. М., 1903–1916. С. 562.

⁴⁵ Житие святого отца нашего Евстафия, епископа Антиохийского // Там же. Т. VI. Февраль, День 21. С. 368–390.

⁴⁶ Житие святого отца нашего Мелетия, архиепископа Антиохийского // Там же. Т. VI. Февраль, День 12. С. 231–240.

⁴⁷ Житие святого отца нашего Ефрема, патриарха Антиохийского // Там же. Т. X. Июнь, День 8. С. 143–147.

⁴⁸ *Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 572–573.*

В христианской традиции святой, отметившийся монашеским подвигом, мог прославиться как преподобный. Недалеко от Антиохии подвизался Симеон Древний (Ветхий). Он явил жителям города многие чудеса, исцелял страждущих от болезней, изгонял бесов (*Theodoret. Hist. rel.*, VI.6, 14).

Во время жизни в Антиохии множеством чудес прославился преподобный Петр Антиохийский. Среди упоминаемых его чудес были исцеления, изгнания бесов. По преданию, даже одежда этого старца имела целебную силу (*Theodoret. Hist. eccl.* IX.4–16). Множество чудес жителям Антиохии являл преподобный Роман Антиохийский, особенно он почитался за помощь в исцелении бесплодия (*Theodoret. Hist. rel.*, XI.3–4).

Некоторые подвижники посещали Антиохию в дни, когда они были наиболее необходимы для горожан. Так, после очередного низложения и изгнания из Антиохии архиепископа Мелетия сторонниками арианства во главе с императором Валентом, город посетил преподобный Юлиан (*Theodoret. Hist. rel.*, II.5–17). Во время визита подвижник отметился многими чудесами, исцеляя больных и страждущих горожан, кроме этого была очень успешной проповедь Юлиана в защиту православной общины Антиохии (*Theodoret. Hist. rel.*, II.18–20).

В защиту православной общины Антиохии во время споров с арианами выступал и Афраат Анахорет. Феодорит сообщает, что этот отшельник, едва выучивший греческий язык, в своих проповедях и диспутах побеждал самых искусных проповедников из числа ариан (*Theodoret. Hist. rel.*, VIII.2, 6). Согласно источнику, однажды Афраат вступил в спор с самим императором Валентом (*Theodoret. Hist. rel.*, VIII.9). Афраат отметился в Антиохии множеством чудес, среди которых было чудесное спасение Антиохии и ее округа от нашествия саранчи (*Theodoret. Hist. rel.*, VIII.12–14).

Македоний Критофаг выступил в защиту граждан Антиохии, от сурового наказания от императора Феодосия I. В 387 г. в городе начались волнения, вызванные высокими налогами. В результате волнений были повержены императорские статуи («Бунт статуй»). Подобное не могло остаться без наказания, и в город были направлены войска, которые должны были жестоко подавить беспорядки. Согласно тексту источника, Македоний встретился на городской площади с командующими и убедил их не карать горожан (*Theodoret. Hist. rel.*, XIII.7). В благодарность за многие чудеса, совершенные в городе, и заступничество, после смерти Македоний был погребен в Антиохии в храме победоносных мучеников (*Theodoret. Hist. rel.*, XIII.19).

Таким образом, можно отметить, что в сонме святых Антиохийской Церкви представлены в основном святители, преподобные и священномученики. Данный факт, на наш взгляд, можно объяснить тем, что в рассматриваемый нами период происходит становление христианской церкви в Византии как государственной. Небольшое число священномучеников связано с завершением периода гонений на церковь.

М. Н. Бутырский

Государственный музей Востока (Москва)

**Эволюция византийской нумизматической иконографии:
от иконоподобия к десакрализации**

Денежная система, унаследованная Византией от позднеантичного Рима, трансформировалась поэтапно, сообразно экономическим, политическим и культурным потребностям римского общества. Смена монетного типа каждого из ее номиналов, как правило, отражала изменения в иконографии «образа власти», который легитимировал эмитента и характеризовал его властные полномочия.

В развитии византийской нумизматической иконографии вычленяются несколько этапов, отвечающие принципам изобразительного решения монеты (солида/номисмы, иперпирона, милиарисия) и ее восприятию эмитентом и пользователем. Одним из стимулов этого развития следует полагать меняющуюся со временем степень вовлеченности монеты в символический акт богообщения и наделение ее чертами предмета благочестия — иконичностью и иконоподобием — без вывода из обращения и с сохранением всех прочих функций. Иконичность нумизматического «образа власти» достигалась соблюдением иконографического канона, в то время как иконоподобие, т. е. функциональное уподобление моленному образу подтверждалось инвокативной легендой с обращением о помощи к Божественной либо святой личности.

Создававшийся на этой основе монетный тип не только удостоверял денежный знак как платежное средство, санкционированное государством, но и представлял его в качестве объекта религиозной практики, именно молитвенного созерцания и помышления изображенного, благодаря чему остававшаяся в обращении монета могла выступать в качестве как предмета личного благочестия пользователя, так и инструмента публичного благочестия эмитента.

Иконоподобие византийской монеты было подготовлено развитием христианской духовной культуры, увидевшей в денежном знаке модель взаимообщения миров Бога и кесаря (Мк. 12:17, Лк. 20:26, Мф. 21:22). Символическое совмещение обоих миров в «образе власти» на монете христианской Византии устраняло прежний антагонизм, и к началу IX в. в иконофильской среде оформились представления о ее надлежащем облике. В «Письме трех патриархов» императору Феофилу был указан пример: номисма якобы Константина Великого⁴⁹, единственно возможным прототипом которой мог быть солид Юстиниана II с ликом Христа, обретший статус реликвии, а затем и магического апотропея.

⁴⁹ The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilos and Related Texts / Ed. by J. A. Munitiz, J. Chrysostomides, E. Harvalia-Crook, Ch. Dendrinou. Camberley, 1997. P. 21. (пер. Д. Е. Афиногенова).

Иконическая узнаваемость сближала лик Господа на этой монете с моленным образом, однако возможность его коммунцирования с прототипом оставалась неподтвержденной до появления сопроводительной легенды, которая огласила бы индивидуальный моленный акт перед святыней. Впервые инвокативная легенда «Господи, помоги рабу Твоему» вокруг изображения креста — главной христианской эмблемы на первом этапе византийской нумизматики — была использована в монетном типе солида Феофила (829–842). Парадоксальным образом иконоподобный потенциал монеты был реализован императором, чьи иконоборческие убеждения делали невозможным его дальнейшее раскрытие с позиций нормативного, антропоцентрического иконизма.

Со 2-ой половины IX в. облик золотой монеты определялся религиозно-государственной символикой, выстроенной в соответствии с принципом образного антропоморфизма. Денежный знак со штемпельным отпечатком (лика Спасителя, Богородицы, святых) воспринимался современниками как парадигма иконного образа, точное подобие идеального прототипа-протографа: предложение «воздать честь» образам Христа и царя на монете во время собора 869 г. доказывает сакральную полноценность отпечатка⁵⁰.

На пике функционального иконоподобия (X–XI вв.) монета была превращена в реальный инструмент публичного благочестия монарха, созданный посредством объединения зримого образа святого и легенды-инвокации с призывом о помощи эмитенту-государю. Этой цели прямо служит оформление милиарисиев, их фракций, некоторых золотых эмиссий.

В XII в. монета по-прежнему воспринималась как носительница сверхъестественных свойств. Письмо Михаила Италика наглядно демонстрирует веру византийцев в защитную способность «номисмы Константина»⁵¹, однако наделяет свойствами апотропея монету древнюю, вероятно, солид Юстиниана II. Следует ли полагать, что денежные знаки XII в. утратили иконоподобие в глазах современников? Вопрос остается открытым, но в XIV в. монетные изображения воспринимались вполне рационалистически⁵². Старинное иконоподобие становилось невозможным, в немалой степени по причине резкого ухудшения качества самих изображений. Утрата иконичности влекла за собой и десакрализацию монеты, делая неизбежным разрыв с давней традицией. Не исключено, что

⁵⁰ *Бутырский М. Н.* Византийская монета как инструмент благочестия // Пространство иконы. Иконография и иеротопия / Сборник статей к 60-летию А. М. Лидова / Ред.-сост. М. Баччи, Е. Богданович. М.: Феория, 2019. С. 111–112.

⁵¹ *Гурулёва В. В.* К вопросу о монете-обереге Михаила Италика: солид императора Юстиниана II 705–711 гг. из коллекции Эрмитажа // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой / Ред.-составители А. Е. Мусин и О. А. Щеглова. СПб., 2017. С. 125–136.

⁵² *Иоанн Кантакузин.* Диалог с евреем Ксеном Христула монаха. Слово второе // Беседа с папским легатом. Диалог с иудеем и другие сочинения. СПб., 1997. С. 102.

этот процесс был осознанным и взаимонаправленным, поскольку обратной стороной его стало усложнение и расширение репертуара иконографии, являвшейся единой системой визуальных коммуникаций византийской изобразительной культуры. Совершавшаяся в ней дифференциация образов намоленно-созерцательные по преимуществу и нарративно-символические, чья иконография, требующая книжных знаний, получала всё больше импульсов к развитию, рационализировала и десакрализовала саму сферу нумизматики.

Н. И. Быстрицкий, Е. С. Гришин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Институт востоковедения РАН (Москва)*

Предлагаемые подходы к формированию цифрового атласа византийского Крыма

Историческое картографирование относится к важным направлениям историко-географических исследований, однако ввиду определенной специфики его реализация в исторических работах остается редким явлением. Публикации, включающие пространственные исследования и картографические материалы, обычно занимают небольшую долю выходящей византиноведческой литературы и представлены, как правило, картами формирования территории, изменений административно-территориального деления и основных военно-политических событий, происходивших как в рассматриваемом регионе, так и на всей территории империи. Такая несоразмерность и тематическая ограниченность может быть преодолена путем создания комплексных региональных атласов с цельной композицией разных тематических карт. Их объединение в одном издании значительно повышает информативность каждой отдельной карты при сопоставлении их с картами прочих тематик, позволяет проследить связанность и преемственность картографируемых явлений и процессов.

Вместе с тем, сегодня возможности новейших компьютерных и картографических методов позволяют системно подходить к тематическому картографированию, как надежному инструменту археологических, исторических, социально-экономических, антропологических, палеоклиматических и иных академических исследований по истории Византии, Древней Руси и Причерноморья. При этом важно опираться на международный опыт. Значительная практика картографирования за многие десятилетия (с 1976 г.) накоплена византинистами Австрийской академии наук в ходе публикации серийного издания “Tabula Imperii Byzantini” и его цифрового варианта “Dig-TIB”⁵³. Данный проект является в настоящее время бесспорным лидером по авторитетности среди мировых научных проектов, посвященных географии Византии. Однако его охват не включает территории

⁵³ The Digital Tabula Imperii Byzantini. URL: <https://tib.oeaw.ac.at/index.php?seite=digitib>

Северного и Восточного Причерноморья. Стоит отметить, что полезные наработки имеются и в других проектах по исторической географии: “Digital Atlas of Roman and Medieval Civilization”, “Digital Atlas of the Roman Empire” “Orbis: The Stanford Geospatial Network Model of the Roman World”, “Regnum Francorum Online”⁵⁴. Рациональным видится использование их опыта для развития отечественных картографических проектов.

Актуальной задачей современных историко-географических исследований является подготовка комплексного тематического атласа Крыма византийского периода (сер. IX – сер. XV вв.). Его создание позволит существенно облегчить проведение научных исследований в области истории и географии Крыма и сопредельных территорий, его связей с регионами Византийской империи. Его состав обеспечит серьезную визуальную базу для проведения образовательных и культурно-просветительских мероприятий, послужит важным вкладом в дело изучения и сохранения богатого культурного наследия византийского времени. Комплексность реализации задач по подготовке атласа обусловлена учетом всего многообразия географической среды; различных форм освоения территории и хозяйственной деятельности; наличия разных этнических и конфессиональных групп; динамичных социально-экономических и демографических процессов.

Кроме того Крымский полуостров предоставляет богатые возможности по анализу и визуализации процессов, связанных с исторической экологией: изменением топографических условий, обеспеченностью и использованию водных ресурсов, строительными материалами, землепользованием и пр.

Географический охват карт атласа имеет несколько масштабных уровней. Основной фокус направлен на построение карт Крымского полуострова. Самый крупный уровень составляют планы городов, крепостей и исторических регионов Крыма. Карты обзорного уровня (посвященные, например, пространственному анализу пришлого населения) включают в себя территории соседних регионов. Еще больший пространственный охват требуется для карт экономических связей и переселенческих потоков, в которых могут быть задействованы территории нескольких континентов. Каждый масштабный уровень требует проработки собственной общегеографической основы и проведения актуализация топографии региона: уточнению гидрографических объектов, ландшафтных зон и пр.

Состав атласа включает в себя источниковую базу, ведомости карт, классификаторы объектов, фактографический фонд (совокупность всех используемых при составлении карт таблиц), эталонную базу знаков. К источникам построения атласа относятся картографические материалы, отчеты путешественников и топографических обследований территории,

⁵⁴ Digital Atlas of Roman and Medieval Civilization. URL: <https://ags.cga.harvard.edu/darmc/> ; Digital Atlas of the Roman Empire URL: <https://dh.gu.se/dare/> ; Orbis: The Stanford Geospatial Network Model of the Roman World URL: <https://orbis.stanford.edu/> ; Regnum Francorum Online URL: <http://francia.ahlfeldt.se/index.php>

нотариальные и финансовые документы, отчеты наместников и пр. Среди проблем составления атласа стоит указать разнородность данных и их неравномерность: сведения по разным периодам черпаются из разных источников с разными степенями доверия; периоды имеют различную освещенность. Все это находит отражение в способах картографирования и семантике карт.

Создание комплексного исторического атласа регионального уровня требует апробации на репрезентативном и разнообразном материале, который позволит отработать приемы картографирования различных сторон развития исторической области. В качестве тестового периода был выбран Крымский полуостров в составе Таврической губернии в силу ряда его преимуществ: высокой степени картографической изученности и обширной базы источников. Польза создания цифрового атласа по истории Крыма состоит не только в визуализации истории в формате картографических материалов, но и в накоплении положительного опыта комплексного исторического полимасштабного картографирования, формировании типовых решений наиболее востребованных историко-географических задач, которые могут возникать перед исследователями при разработке тех или иных вопросов изучения истории Крыма.

А. Б. Ванькова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Монахи и книги (IV–VI вв.):

душеполезность или полная нестяжательность?

Тема «монахи и книга», достаточно обширна и многие ее аспекты достаточно хорошо известны. Хотелось бы остановиться на, быть может, не самом важном аспекте этой проблемы, однако представляющем определенный интерес.

Если обратиться ко времени IV–VI вв., то мы увидим, что и отшельники, имели, как правило, книгу или книги в своей келлии, и монастыри обладали книжными собраниями, зачастую весьма значительными, как, например, монастыри Шенуты. Однако существовал более ригористический, или же более идеалистический взгляд, согласно которому владение книгами является нарушением идеала нестяжательности. Цель данной статьи проанализировать сведения источников и на основании них сделать заключение, какая традиция превалировала.

Ценность и необходимость чтения книг, в первую очередь, Священного Писания, а также иной душеполезной литературы никогда не отрицалась в монашеской среде, о чем свидетельствуют данные наших

источников. Так, один старец говорил, что ум заблуждающийся исправляет чтение, бдение, молитва⁵⁵.

Ключевой фигурой во многих рассказах являются монахи, читающие книги. Вот лишь два примера. Так, ученик аввы Маркиана Евсевий (первая пол. V в.), как-то ночью заглянул тайком в келлию к своему духовному отцу и увидел, что она освещена, но не светильником. Свет, горевший над головой Маркиана, был Божиим даром, дабы тот мог читать книгу, а именно Священное Писание⁵⁶.

Иоанн Мосх в «Луге духовном» (начало VII в.) передает рассказ сарацина, отправившегося на охоту. Он увидел монаха, читающего книгу, и решил его ограбить, но как только приблизился к нему, тот, не отрываясь от чтения, приказал ему остановиться и сарацин не смог двинуться с места два дня, пока монах не проявил милосердие и не отпустил его⁵⁷.

Книга была иногда главной ценностью монашеской келлии, а потому в источниках часто указывается ее конкретная стоимость. Нередко желание обладать книгой вводило в искушение не только мирян, но даже и монахов. Например, у аввы Геласия был пергаментный кодекс, содержащий все книги Ветхого и Нового Завета, стоивший восемнадцать золотых монет; эту книгу он положил в церкви, чтобы ею могла пользоваться вся община. Эту книгу и украл пришедший в монастырь монах (первая пол. V в.)⁵⁸. В Апофтегмах, памятнике второй половины V в. – нач. VI в., рассказывается об авве Феодоре Фермейском, на которого однажды напали три разбойника. Из безликой массы утвари (σκεῦος), вынесенной разбойниками, отдельно упоминаются книги и левитон.

И здесь мы подходим к интересному моменту: часть монахов ставила выше нестяжательность, нежели духовную пользу от чтения книг. Сторонники этой идеи — забегая вперед, скажем, весьма немногочисленные, — полагали, что обладание земным имуществом, в том числе и книгами, является препятствием для спасения души. Такие воззрения, в своем концентрированном виде, насколько нам известно, встречаются, в основном, в Апофтегмах. Важность проблемы подчеркивает то, что рассказы и поучения на эту тему собраны в VI разделе систематического собрания Апофтегм — «О нестяжательности»⁵⁹.

Так, например, там рассказывается о том, что авва Феодор Фермейский (IV в.) приобрел себе три хорошие книги. Далее его, вероятно, начали мучить сомнения, правильно ли он распорядился деньгами. Он идет за советом к авве Макарию и тот говорит ему, что нестяжательность всего лучше. Услышав это,

⁵⁵ Les apophtegmes des pères. Collection systématique / Introduction, texte critique, traduction et notes par J.-C. Guy. T. 2. Paris. 2003. [Sources Chrétiennes, 474]. X.25. P. 30.

⁵⁶ Théodoret de Cyr. Histoire des moines de Syrie / Introduction, texte critique, traduction, notes par P. Canivet et A. Leroy-Molinghen. T. 1. Paris. 1977. [Sources Chrétiennes, 234]. III.6. P. 256.

⁵⁷ Ioannis Moschi Pratum Spirituale // PG. T. 87/3. Cap. 133. Col. 2996–2997.

⁵⁸ Les apophtegmes des pères. XVI.2. P. 390, 392.

⁵⁹ Les apophtegmes des pères. VI. P. 314–334.

авва Феодор пошел и продал книги, а вырученные деньги раздал нищим⁶⁰. Вторая история связана с аввой Серапионом (IV в.), которого один из монахов попросил сказать т. н. слово. Старец ответил, что вопрошающий присвоил принадлежащее вдовам и сиротам. Серапион имел в виду книги, которые он увидел у него на окне. Причем книг там было много (μειστήν βιβλίων)⁶¹.

Таким образом, мы видим, что позиция изложена весьма четко: духовная польза ценится меньше, чем нестяжательность. Эта позиция базируется на словах Христа: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах* (Мф. 19:21). Интересно также отметить, что эта, как уже было сказано ранее, маргинальная идея приписывается аввам, являвшимся ключевыми фигурами египетского монашества IV в.

О том, что такой подход был характерен не только для египетского монашества, но и сиро-палестинского, свидетельствует рассказ Феодорита Кирского об авве Зеноне. После смерти Валента он покинул императорскую службу и стал отшельником, не имеющим иного имущества, кроме ветхой одежды и разваливающихся сандалий. Перечисление имущества, которым не владел Зенон (ложе, светильник, очаг, глиняный горшок, сосуд для масла, шкатулка, книга)⁶² можно было бы считать риторическим *locus comminis* в ряду других подобных перечислений, относящихся к другим монахам и отшельникам⁶³, если бы не приводимые Феодоритом далее сведения, имеющие явно биографический характер. Зенон, не имевший книг, тем не менее, испытывал потребность в чтении, и потому брал книги у своих знакомых. Он брал только одну книгу, прочитывал ее целиком, и лишь вернув эту книгу, брал другую⁶⁴.

С последним примером мы возвращаемся вновь к первой парадигме темы «Монах и книга». О том, что владение монахами книгами было более распространенным явлением, нежели полное нестяжание, говорят наши источники, упоминая анахоретов без постоянного места обитания, но при этом владевших одной или двумя книгами.

Приведем рассказ Иоанна Мосха об отшельнике Феодоре, жившем близ реки Иордан. Анахорет попросил Мосха достать ему Новый Завет и тот, расспросив, монахов, узнал, что у одного аввы действительно есть нужная книга стоимостью три номисмы. Авва, услышав, что книга нужна

⁶⁰ Les apophthegmes des pères. VI.7. P. 318; Apophthegmata patrum. Collectio alphab. Περὶ τοῦ ἀββᾶ Θεοδώρου τοῦ τῆς Φέρμης. 1 // PG T. 65. Col. 188.

⁶¹ Les apophthegmes des pères. VI.16. P. 324.

⁶² Théodoret de Cyr. Histoire des moines de Syrie. XII.2. P. 462.

⁶³ См., например, рассказ у Иоанна Мосха о милосердном старце, единственным занятием которого в монастыре было кормить живших в монастыре бессловесных тварей, включая муравьев. Так вот этот старец после своей смерти не оставил ни «двери, ни окна, ни свечи, ни блюда ... не оставил ничего из земных вещей» (Ioannis Moschi Pratum Spirituale // PG. T. 87/3. Cap. 184. Col. 3056).

⁶⁴ Théodoret de Cyr. Histoire des moines de Syrie. XII.5. P. 468.

отшельнику, подарил ее тому. Получив искомое, отшельник опять удалился в пустыню, но спустя два месяца снова пришел к Иоанну Мосху и сказал, что его беспокоит то, что он получил книгу даром. Поскольку денег у него не было, он нанялся на строительство при озере, которое устраивал на Синае патриарх Иерусалимский Иоанн. Когда он скопил достаточно денег, он отдал их в уплату за книгу⁶⁵. Насколько этот отшельник был нестяжателен, говорит тот факт, что у него не было даже одежды, чтобы прикрыть наготу, и ему пришлось попросить ее у аввы Иоанна.

Подведем итоги. Идеал полной нестяжательности, исключаящий владение даже душеполезными книгами, был характерен лишь для наиболее ригористически настроенных иноков. Однако нельзя сказать, что это было характерно только для египетских отцов IV в.: такое воззрение встречается и в других областях ранней Византии.

Е. П. Веретенникова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Ранневизантийский Родиаполь — город внутренней Ликии

В настоящее время Ликии — стране, расположенной на юго-западе Малой Азии, — уделено мало внимания в историографии. Основными источниками по ее истории являются преимущественно археологические⁶⁶ (системные раскопки начали проводить только в начале XXI в.) и немногочисленные упоминания у античных авторов.

Особое внимание необходимо уделить отдельным городам Ликии, которых в эллинистическое и римское время существовало около 35 на весьма малой площади. Таким небольшим городом среди прочих является Родиаполь, расположенный к юго-восточной части Ликии, близ совр. г. Кумлуджа, к северо-востоку от Миры и западу от Олимпа.

В XIX в. группа австрийских ученых во главе с О. Бенндорфом нашли гробницу Опрамоаса и длинную надпись на ее стенах — одну из наиболее длинных греческих надписей античности. Опрамоас — известный благотворитель и магнат Родиаполя II в. В начале XX в. Дж. Бин опубликовал первые фотографии Родиаполя и дал обзор его памятников на поверхности.

В настоящее время впервые были проведены комплексные раскопки и начат исследовательский проект по изучению всего городища⁶⁷.

⁶⁵ Ioannis Moschi Pratum Spirituale // PG. T. 87/3. Cap.134. Col. 2997.

⁶⁶ Huber G. Rhodiapolis. Beziehungen zwischen Bauforschung und Epigrafik // Anzeiger. 2006. № 1. S. 5–24; Акүрек Е., Тиряки А. Remarks on Three Pieces of Architectural Sculpture from the Excavations at the Rhodiapolis Episcopal Church // Adalya. Vol. 13. 2010. P. 389–404.

⁶⁷ Çevik N., Kızıgut İ., Bulut S. Rhodiapolis Baths: The First Evaluation Following the Excavations and Its Contribution to the Knowledge on Lycian Baths Architecture and Technique // Adalya. Vol. 12. 2009. P. 231–260.

Родиаполь — единственный город внутренней (горной) Ликии, который является хорошо и правильно спланированным по римскому образцу. Ранневизантийский период дает нам городище, меньшее по размеру, чем римское, но с явной преемственностью и непрерывностью жизни.

Можно выделить несколько существенных черт, определяющих специфику города ранневизантийского периода.

Континуитет. В Родиаполе с IV в. решающее значение имеет епископ, влияющий на административные и общественные дела. Среди прочего, церковь имеет влияние на изменение планировки. Близ главной базилики открыт нимфейон. Базилика вместе с примыкающими к северу церковными помещениями образует центральные постройки крепости (кастроны). Первый этап строительства базилики относится к ранневизантийскому периоду, однако многие находки относятся к XI–XII вв.

Не менее важным зданием ранневизантийского периода является кастрон, который окружал центр бывшего римского города и основные общественные постройки. Его стены содержат сполы, полученные из римских построек. Многие римские здания были перестроены, интегрированы в кастрон и продолжали функционировать.

Менее важной частью города являются жилые частные дома римского времени, функционирующие и в ранневизантийский период. Их можно разделить на две основные категории в зависимости от экономического положения владельца. Во-первых, это усадьбы в избранных местах, занимающих просторные территории и выходящие на горы. Они находятся в разных частях города. Во-вторых, это дома простых людей, составлявшие большинство. Эти дома стоят вместе, достаточно тесно, расположенные в основном в северной части города.

Изменение характера общественных зданий. Пространство улиц теперь в значительной мере занимают лавки и мастерские. Некоторые из них были раскопаны в сезоне 2009 г. Они находятся в западной части города, между западными воротами и агорой. Постройки такого же рода обнаружены и на главной улице города, тянущиеся к центру.

Общественные здания, построенные в римское время, претерпевали изменения, многие их части использовались для производства извести. Такое же предназначение было у скульптур и некоторых колонн.

Географические особенности, повлиявшие на развитие города. Для удовлетворения потребности в питьевой воде были построены цистерны, располагавшиеся по всей территории Родиаполя. Большие и прочные цистерны были построены там, где наклонная местность не позволяла использовать террасы, и, таким образом, были сформированы площадки для строительства, и, в то же время, была обеспечена потребность в воде.

Склон и террасный характер заселения повлияли на расположение основных общественных зданий города. Необходимо было строить город компактно, не помещая здания на большое расстояние друг от друга.

Поэтому многие здания Родиополя имеют общие стены, примыкая друг к другу. Это его важная специфика.

Можно выделить следующие позитивные факторы развития Родиополя в рассматриваемое время:

Нахождение всех общественных зданий в центре, компактная застройка. Это давало возможность эффективной обороны.

Компактное в целом поселение было построено с очень удачной моделью «цистерны – террасы» и органически тесно связанными зданиями, чтобы поддерживать поселение и развивать его, несмотря на нехватку источников воды.

К негативным факторам развития Родиополя относятся:

Неблагоприятное положение в политической географии Ликии (отдаленность от основных социально-политических центров страны и отсутствие хороших дорог).

Отсутствие вблизи естественных источников воды.

Фактическое городское развитие основывалось на политических и экономических возможностях и реальной деятельности местных аристократических семей (таких, как благотворитель Опрамоас⁶⁸ и Гераклит).

В целом на сегодняшний день успешные раскопки Родиополя позволяют считать его базовым памятником для изучения городских структур и пространств ранневизантийской Ликии в ее внутренней (горной) части.

А. А. Воронова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Далматинские комплексные церкви-рефугии

Раннехристианская архитектура внутренних районов провинции Далмации развивалась в условиях географической отсеченности от моря и приморских центров, а горная местность этих земель затрудняла проникновение иноземных влияний, как и консервативность местного романизованного населения. Большинство поселений региона жили добычей железной руды и сельским хозяйством, о чем говорит простота интерьера и техники строительства церквей. В большинстве случаев села с церквями возникали на римских дорогах, соединяющих Приморье с внутренними районами, а также вблизи укрепленных объектов. Разрушения и перестройки большинства памятников происходили в начале V в. при установлении в регионе власти остготов, когда образцами для местных церквей служили базилики крупных центров далматинского Приморья — Нароны и особенно столицы провинции — Салоны. В дальнейшем типология местных раннехристианских церквей за некоторыми исключениями демонстрирует относительную устойчивость, которая выражается в сочетании небольшого пространства для молящихся и

⁶⁸ *Kokkinia C. Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Bonn, 2000.*

большого количества вспомогательных помещений, включающих баптистерий. Редкостью в архитектурной типологии региона являются одна трехнефная базилика, два триконха, несколько двойных церквей, а также присутствие в некоторых церквях триумфальной арки и трансепта. Интерес представляет архитектурная пластика, по фрагментам которой выполнены реконструкции алтарных преград в трех церквях, а уникальное явление представляют собой древнегерманские руны (футарк), вырезанные на одной из колонн триумфальной арки церкви в Брезе.

А. Гавриловић

Белградский государственный университет

О разлозима сликања фреске Богородице Одигитрије на западној фасади цркве Преображења у Новгороду (XIV в.)

Теофан Грк, знаменити средњовековни живописац пореклом Византинац по чему је и добио име „Грк“, извео је у Руским земљама нека од својих најбољих уметничких остварења, која се убрајају у најзначајнија дела руске средњовековне уметности⁶⁹. Међу ова дела спадају изнамените фреске цркве Преображења Господњег у Новгороду из 1378. године⁷⁰. У овој цркви на западној фасади данашњег храма, очувана је фреска Богородице Одигитрије над архиволтом западног портала⁷¹. Не улазећи у разматрања стила ове фреске, њеног односа са живописом у наосу цркве и тачног одређивања времена њеног настанка, у раду указујем да подједнако постоји могућност да је фреска ове тематике могла била замишљена као саставни део програма првобитног живописа (да је настала око 1376–1378. године), као и да је могла бити досликана веома брзо након осликавања унутрашњости храма 1378. године (дакле оквирно између 1378. и могуће 1390. године када је у Новгород дошао московски митрополит Кипријан)⁷². У сваком случају, она је изведена убрзо након зидања односно дозиђивања припрате. У складу са тиме, у раду наводим разлоге за такво гледиште. Наиме, тема овог излагања јесу разлози због којих је представа Богородице Одигитрије

⁶⁹ О животу и делу Теофана Грка, в.: *Лазарев В. Н.* Теофан Грк и его школа. М. 1961; *Лазарев В. Н.* Историја византијског сликарства. Београд, 2004. С. 162–164, С. 250, нап. 26 (са старијом литературом); *Айларова О.* Теофан Грк: 1340–1410. М., 2010 и наредне напомене.

⁷⁰ О фрескама Преображењске цркве у Новгороду в.: *Вздорнов Г. И.* Фрески Теофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. К 600-летию существования фресок 1378–1978. М., 1976.

⁷¹ За фреску Богородице Одигитрије на западној фасади храма у Новгороду, в. *Вздорнов Г. И.* Фрески Теофана Грека... С. 260 sqq, илл. 150, 151; *Царевская Т. Ю.* Фреска церкви Спаса на Ильине улице «Богоматерь Одигитрия» и ее художественные источники // *Зограф.* 2010. Т. 34. С. 125–136; *Стародубцев Т.* Представа Богородице са Христом у ниши на западној фасади цркве Преображења у Новгороду и питање порекла њеног сликара // *Зограф.* 2010. Т. 34. С. 137–152.

⁷² За овакво мишљење в. *Стародубцев Т.* Представа Богородице... С. 142.

постављена на овако истакнуто место у цркви односно идејне везе ове представе и посвете храма Преображењу Христовом.

О икони Богородице Одигитрије на западној фасади новгородског храма Преображења Христовог писано је спорадично, а у најновије време у два наврата⁷³. Ова фреска је данас услед незаштићености и атмосфералија доста пострадала, али се о њој може говорити на основу старих фотографија, а нарочито на основу извора који говоре о њеном значењу и следствено о разлозима њене појаве на овом месту, који се могу изучавати без обзира на стање њене очуваности. Појава фреске Богородице Одигитрије на овом истакнутом месту у програму храма с једне стране говори у прилог чињеници о њеној важности, док само ово место с друге стране одашиље поруку да ова фреска Богородице на извешан начин стоји у вези са посветом цркве. Верујемо да је логика која стоји у основи оваквог веома особеног програмско-идејног решења богословске природе.

Овај реферат превасходно је посвећен разматрању разлога сликања фреске Богородице Одигитрије са младенцем на фасади руског Преображенског храма указивањем на једну особену фреску, необично учену и јединствену аналогију руској фреско-икони у српској средњовековној уметности. Та фреска очувана је у католикону манастира Зрзе, подигнутом у приближно слично време, деценију пре завршетка фресака Теофана Грка и прецизно се на основу натписа датује у време око 1368–1369. године⁷⁴. С обзиром да понуђена аналогија показује бројне сличности са руском фреско-иконом (нарочито у погледу места сликања Богородичиног лика на западној фасади цркве над главним порталом који води у унутрашњост цркве и у погледу заједничке посвете оба храма) аналогија у Зрзу нуди бројне могућности истраживања. Услед свега наведеног, фреска на западној фасади цркве у Зрзу би према нашем мишљењу могла послужити као чврста и поуздана основа за тумачење разлога појаве фреске Богородице Одигитрије на фасади Преображењског храма. Без обзира на теме околног живописа припрате, који је данас пострадао и у Зрзу и у Новгороду, и фреска у Новгороду и фреска у Зрзу потичу из XIV века. Фреска у Зрзу истодобна је са сликарством припрате храма, што је по свој прилици била и фреска у Новгороду, иако се не зна тачно да ли је припрата у Новгороду подигнута истовремено са храмом, као што се то не зна ни у случају Зрза⁷⁵. Фреска у Зрзу је нешто млађа од

⁷³ Царевская Т. Ю. Фреска цркве Спаса... С. 125–136 (са ранијом литературом); Стародубцев Т. Представа Богородице... С. 137–152 (са ранијом литературом).

⁷⁴ О овој фресци cf.: Голац Чубрило А. Фреска Преображења у манастиру Зрзе // Патримониум. 2020. Т. 18. С. 401–410 (са ранијом литературом, С. 401, нап. 1); Гавриловић А. О богословско-идејним основама иконографско-програмског решења сцене Преображења Христовог над улазом у цркву Преображења у манастиру Зрзе // Патримониум. 2021. Т. 19. С. 275–286.

⁷⁵ Стародубцев Т. Представа Богородице... С. 142; Борђевић И. М. Зидно сликарство српске властеле у доба Немањића. Београд, 1994. С. 178.

првобитног живописа у храму, а могуће је да је то био случај и са првобитном фреском у Новгороду. Репрезентативан пример фреске у Зрзу, ако би се узео као адекватна аналогија за тумачење фреске у Новгороду, говорио би у прилог томе да је сликар новгородске фреске Богородице Одигитрије био изузетно учен. Овај рад прилази сличности израза два уметника из перспективе идејних, богословских замисли. Он на свој начин такође указује и сведочи да сродности у идејним замислима које сустајале у основи програмског распореда и одабира сцена представљају сведочанства о томе да су сликари блиских духовно-уметничких мерила, који су основе црпили из сродних извора, радили у међусобно удаљеним просторима.

В. К. Ганцев

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Виноделие в средневековой Таврике: византийские традиции и местные реалии*

Для населения Византии вино являлось неотъемлемой частью повседневного потребления⁷⁶. В ранневизантийский период виноделие активно развивалось в Палестине, готовая продукция из которой экспортировалась практически во все регионы империи. С VII в. в этой отрасли наметился спад, о чем свидетельствует отсутствие в письменных источниках упоминания о конкретных сортах винограда и вина. Только с X в. можно идентифицировать вина, которые ввозились из Болгарии, Фракии, Вифинии, Хиоса, Самоса и Крита в Константинополь⁷⁷. Виноградарство и виноделие приносили солидный доход⁷⁸, недаром византийский полководец Кекавмен рекомендует, «пока ты беден» возделывай виноградники и землю, только потом возводи дом, «производи больше вина, чем необходимо самому»⁷⁹, с целью продажи излишков.

Единственным письменным источником средневизантийского времени, в котором описана винодельня и технология винопроизводства, является сельскохозяйственная энциклопедия середины X в. — «Геопоники»⁸⁰. Приведенные автором этого источника сведения характерны

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

⁷⁶ *Laiou A.E., Morriison C. The Byzantine economy. Cambridge, 2007. P. 30.*

⁷⁷ *Lefort J. The Rural Economy, Seventh-Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. by A. E. Laiou. Vol. 1. Washington, 2002. P. 249.*

⁷⁸ *Maniatis G. The Byzantine Winemaking Industry // Byzantium. 2013. Vol. 83. P. 229.*

⁷⁹ Советы и рассказы Кекавмена: поучения византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введ., пер. с греч., коммент. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 235, 237.

⁸⁰ Геопоники: византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введ., пер. с греч. и ком. Е. Э. Липшиц. М.; Л., 1960. С. 129–131.

в первую очередь для Вифинии, этнографические данные⁸¹ позволяют предположить, что технология виноделия была довольно единообразной по всей территории Византии.

Винодельческие установки, предназначенные для первичной переработки винограда, археологически известны во многих областях византийского мира. Прослеживается определенная закономерность, что в прибрежных районах и городах предпочитали сооружать композитные винодельни, в холмистой и гористой местности винодельни вырубали в легкодоступных выходах скальной поверхности⁸². Винодельня находилась либо на винограднике, либо в непосредственной близости от него. Во время уборки урожая, сроки которого в зависимости от климатических условий могли варьироваться, но в среднем длились с конца лета по середину осени, виноград следовало доставить к винодельне в кратчайшие сроки, минимизировав потерю сока при транспортировке.

Для прессования винограда использовались устройства известные еще с Античности — механический рычаг, приводившийся в движение руками или с помощью каменного груза, рычаг с воротом и винтовой пресс⁸³. Широкое применение всех известных видов прессов, с различными модификациями, характерно для сиро-палестинского региона.

В IX–X вв. виноградарство и виноделие получило широкое развитие и в Юго-Западной части Таврики. Обилие скальных виноградодавилен, зафиксированных в округе или непосредственно в пределах «пещерных городов» Крыма и на Гераклейском полуострове свидетельствует об экспортном характере этой отрасли сельского хозяйства. В этом убеждают и объемы получаемой продукции, когда при одновременном функционировании около двухсот виноградодавилен, за сезон могли получать примерно два миллиона литров вина⁸⁴.

Все известные виноградодавильни Юго-Западного Крыма вырубали в выходах скальной поверхности. Они расположены на Мангупе, Эски-Кермене, Кыз-Кермене и Бакле в границах оборонительных стен, на открытых и свободных от застройки участках плато. На других объектах винодельни располагаются под скальными навесами (округа Сюйреньской крепости, балка Кая-Арасы к северо-западу от Кыз-Кермена), в отдельно стоящих скальных глыбах (Качи-Кальон, Гераклейский полуостров) или внутри пещер (Качи-Кальон). Типологически подобные скальные виноградодавильни, состоящие из

⁸¹ *Balta E.* The Underground Rock-Cut Winepresses of Cappadocia // *Journal of Turkish Studies.* 2008. Vol. 32. № 1. P. 68–71.

⁸² *Stavi I., Chocron M., Filin S., Arav R., Ackermann O., Zissu B.* Intentional, Dual Purpose of Ancient Wine Presses as Cisterns for Runoff Water Harvesting in Drylands // *The Holocene.* 2018. Vol. 28. № 7. P. 1107.

⁸³ *Maniatis G.* The Byzantine Winemaking Industry // *Byzantion.* 2013. T. 83. P. 234–239.

⁸⁴ *Ганцев В. К.* Производственные мощности средневековых скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.* 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 62.

давилльной площадки, суслоприемника, суслоотводного канала и «носика», известны в Киликии⁸⁵, Каппадокии⁸⁶ и др. местах.

В Таврике для прессования винограда использовали рычажный пресс, о чем свидетельствуют вырубленные рядом с давилльной площадкой специальные пазы для установки пятки бревна-рычага. В движение рычаг приводился руками или каменными гирями, которые подвешивали к противоположному концу бревна. Для максимального выдавливания сока из винограда на Мангупе использовали вертикальный винтовой пресс. Специальных помещений, которые можно было однозначно интерпретировать, как винохранилища на крымских памятниках не выявлены. Хотя с этой целью могли использовать расположенные рядом пещеры. Для транспортировки готовой продукции использовали «причерноморские» амфоры местного производства, хронология которых остается дискуссионной⁸⁷. Главным рынком сбыта готовой продукции крымских виноделов были донские и приазовские районы Хазарского каганата.

Таким образом, основываясь на анализе имеющихся археологических и письменных сведений о виноделии в Византии можно сделать несколько выводов. Постоянный спрос на вино подталкивал многих крестьян и крупных землевладельцев заниматься этой отраслью сельского хозяйства. Строительство виноградавилни зависело от условий местности, в гористых условиях доминируют винодельни, вырубленные в скале. Технологии, применяемые при переработке винограда, продолжают античные традиции, наиболее распространенным оставался рычажный пресс. С виноделием неразрывно связано производство амфорной тары, для Палестины это были амфоры типа LRA 1 и 4⁸⁸, для вина из Ганоса — амфоры типа *Günsenin I*⁸⁹, для Таврики вероятней всего — амфоры «причерноморского типа». Виноделие, получившее развитие в Юго-Западной части Таврики, соответствуют общевизантийским традициям и неразрывно с ними связано.

⁸⁵ *Barratta G.* Gli impianti di Produzione // *Elaiussa Sebaste I. Campagne di Scavo 1995–1997* / A cura di E. E. Schneider. Roma, 1999. P. 129–139; *Yeğin Y.* Olba Manastırı'nda İşlik Kazısı ve Sonuçların Değerlendirilmesi // *Seleucia. Serisi VI. Olba Kazısı*. 2016. Sayı 6. S. 203–213.

⁸⁶ *Peker N.* Agricultural Production and Installations in Byzantine Cappadocia: A Case Study Focusing on Mavrucandere // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2020. Vol. 44. № 1. P. 40–61.

⁸⁷ *Герцен А. Г., Науменко В. Е., Ганцев В. К.* Скальные виноградавилни Мангупа // *Материалы науч. конф. «XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»* / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 83; *Голофаст Л. А., Евдокимов П. А.* К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // *МАИЭТ*. 2019. Вып. 24. С. 186–200.

⁸⁸ *Laiou A. E., Morriison C.* The Byzantine Economy. Cambridge, 2007. P. 35.

⁸⁹ *Günsenin G.* Ganos Wine and its Circulation in the 11th Century // *Byzantine Trade, 4th–12th Centuries. The Archaeology of Local, Regional and International Exchange. Papers of the Thirty-Eighth Spring Symposium of Byzantine Studies* / Ed. by M. M. Mango. London; New York, 2009. P. 149.

Н. В. Гинькут

Государственный историко-археологический музей-заповедник

«Херсонес Таврический» (Севастополь)

Институт востоковедения РАН (Москва)

**Поливная керамика XIV-XV вв. из раскопок генуэзской крепости
Чембало: к характеристике культуры трапезы позднего Средневековья**

Археологические исследования крепости Чембало, которые ведутся более 20 лет, позволили накопить определенный керамический материал, характеризующий материальную культуру этой небольшой крепости в период генуэзского господства в XIV-XV столетии.

Наиболее ранние упоминания о крепости относятся к 1343 (1345) годам. Вместе с начальным этапом строительства городской структуры на берегу современной Балаклавской бухты стал формироваться посад, однако, вероятнее всего, присутствие итальянских купцов в данной местности можно наблюдать с конца XIII- начала XIV столетия.

Керамические находки первоначального периода существования поселения и города, т.е. с начала – первой половины и вплоть до 60-80- х гг. XIV в., в большинстве своем представлены импортными товарами, поступавшими в эту часть региона посредством активных итальянских торговцев. Традиционно эта керамика представлена группами открытого и закрытого типов: 1) Чаши, миски с полусферическим корпусом, на скошенном поддоне, византийского производства; 2) Блюда и тарелки с расходящимся краем, на скошенном поддоне, производства византийских и единично итальянских центров; 3) Кувшины со сливом и без него, со слегка профилированным плоским дном; 4) Горшки с отогнутым краем, шаровидным туловом с рифлением, плоским дном; 5) Сковороды или формы для выпечки (противни), плоскодонные, с отогнутыми утолщенными краями. Последние три типа исследователи с осторожностью связывают как с производством византийских центров, так и восточно-средиземноморских. Поливная керамика других регионов представлена немногочисленным количеством⁹⁰. Указанные типы посуды находили применение в качестве столовой и для приготовления пищи. Как кухонная посуда использовались горшки и сковороды (или формы для выпечки /противни). Поливное покрытие позволяло приготавливать пищу, без пригорания к внутренним стенкам. Сковороды или формы для выпечки активно употреблялись для прожарки как мясных и рыбных блюд, так и другой пищи. Столовые кувшины и чаши могли использоваться для сервировки стола. Кувшины,

⁹⁰ Гинькут Н. В. Поливная керамика XIV-XV вв. из «консульской церкви» крепости Чембало // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Сб. науч. трудов. Севастополь, 2001, С.53-59, рис. 4.25-39; Гинькут Н.В. Поливная керамика византийского круга из раскопок «консульской» церкви генуэзской крепости Чембало // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005. С. 104-105, Рис. 1.6-9; 3.26 -28, 33-34;4. 35-43.

вероятно, служили для воды или различных напитков⁹¹. Набор данной посуды соотносится с теми культурными традициям, которые существовали как в византийском мире, так и в Восточно-Средиземноморском регионе. Сервировка банкетов подобной керамикой отображается на сцене «Тайной Вечере» в росписях ряда поздневизантийских церквей. Появление форм поливных сковород (или формы для выпечки) в Причерноморском регионе связано с левантийскими традициями крестоносцев, и вероятно, была принесена в регион итальянскими негодьями.

В середине – второй половине XIV столетия в регионе начинает поступать новая волна византийского поливного импорта, группы «Elaborate Incised Ware». Основная роль в доставке данной керамики в регион принадлежала по-прежнему генуэзским купцам. Эта группа материалов представлена как немногочисленными кувшинами, так в большинстве своем открытыми формами сосудов – небольшими чашками – пиалами, плоскодонными колоковидными чашами, чашами мисками с полусферическим корпусом на кольцевом поддоне, небольшим количеством тарелок и блюд⁹². В то же время, во второй половине – в конце XIV столетия на крепости Чембало начинается свое собственное производство поливной керамики. Местная продукция представлена сосудами, подражающими в большинстве своем формам византийской поливной керамики, популярным в этот период. Это – чашки-пиалы, чаши-миски с полусферическим корпусом, различных модификаций, а также тарелки и кувшины⁹³. Увеличивается не только морфологический набор посуды, но и ее количественная составляющая. Вместе с тем формы посуды и ее видовой состав остается близок к парадному набору для банкетов, встречаемому на сценах византийских фресок. В то же время среди местной керамики появляются небольшие кувшины со сливом, наиболее характерные для западноевропейского, итальянского, общества. Но использование такого сосуда могло быть многофункциональным, в том числе и как «рукомойник».

В XV столетии меняется набор поливной керамики: увеличивается видовой состав сосудов закрытых и открытых типов (мисок, чаш, чашек, и тарелок)⁹⁴. В комплексах XV столетия продолжает присутствовать керамика локального производства, но в то же время набор парадной посуды в регионе от Каффы до Мангупа и Чембало начинает универсализироваться⁹⁵. В большинстве случаев это чаши с полусферическим корпусом с вертикальным

⁹¹ Гинькут Н. В. Редкие типы кухонной и столовой поливной керамики из раскопок крепости Чембало и ее округа // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы VI Международной научной конференции. М., 2022. В печати.

⁹² Гинькут Н. В. Поливная керамика византийского круга... С. 102-103, Рис.2.

⁹³ Гинькут Н. В. Производство поливной керамики во второй половине XIV- середине XV вв. в крепости Чембало // МАИЭТ. Вып. XIX. Симферополь, 2014. С. 315-321.

⁹⁴ Гинькут Н. В. Поливная керамика XIV-XV вв, С.53-59, рис. 1 - 3; 5

⁹⁵ Тесленко И. Б. Керамика Крыма XV века. Киев, 2021. С.77-115.

или слегка вогнутым венчиком. Также увеличилось видовое разнообразие небольших чашек-кубков. Наряду с тарелками или блюдами с горизонтально отогнутым краем, начинают появляться в качестве комплекта к блюдам богато орнаментированные крышки. На местном рынке увеличивается видовой состав поливных сосудов закрытого типа. Среди импортов, поступавших на территорию крепости Чембало, ведущими становятся керамика из испанского региона, а со второй половины XV столетия керамика Османской Турции. Присутствие такого набора парадной керамики среди городских образований Крыма связано с пристрастиями, как в культуре, так и в пищевом рационе. Большие блюда, вероятно, использовались для общей подачи мяса, птицы, крупной рыбы. Чаши с полусферическим корпусом находили применение как сосуды для питья, так и для приготовления популярного в это период хлебного супа на мясном бульоне – похлебки, которая готовилась самостоятельно во время трапезы; небольшие чашки - для питья или для соусов. Аналогичный набор посуды мы наблюдаем на фресках поздневизантийских храмов на сценах парадных совместных банкетов. В сценах Тайной вечери в этот период фиксируется разделение пищи на многочисленные миски, которые предназначались для двоих-троих гостей, но не «на весь стол», в то же время большие блюда с мясными яствами служили для всех присутствующих⁹⁶. Для западноевропейского населения в этот период показателем статусности становится употребление мяса и мясных продуктов. Палеозоологические исследования материалов из раскопок Чембало подтверждают приоритет в питании мясных продуктов⁹⁷.

Найденная поливная керамика из раскопок крепости Чембало позволяет нам взглянуть на контекст обеденных привычек жителей крепости, сервировку стола. Следует отметить статусность городских жителей Чембало, пользовавшихся разнообразной и богато декорированной посудой, включая импорты. Все это характеризует повседневную жизнь в данном регионе, отражает приверженность жителей византийским традициям и восприятие западноевропейских манер, одновременно и синтез традиций византийского мира с характерными для этого периода влияниями западноевропейской формы трапезы.

⁹⁶ Vroom J., *After Antiquity. Ceramics and Society in the Aegean from the 7th to the 20th Century a.c.: a case study from Boeotia, Central Greece*. Leiden, 2003. P.321-347, Fig.г. 11.29-11.37; Vroom J. *The changing dining habits at Christ's table //Spring Symposium of Byzantine Studies (37th : 2003 : University of Birmingham) Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19) – Food and Wine in Byzantium: Papers Delivered at the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies under the Auspices of the Society for the Promotion of Byzantine Studies, in Honour of Professor A.A.M. Bryer, at the University of Birmingham, 29–31 March 2003 / edited by Leslie Brubaker and Kallirroë Linardou. P.204-205.Fig.17.15-17.16*

⁹⁷ Гинькут Н. В. Редкие типы кухонной и столовой поливной керамики...

Д. А. Гоголев

Тюменский государственный университет

Городское пространство в «Церковной истории» Феодорита Кирского

«Церковная история» Феодорита Кирского имеет длительную историографическую традицию. К тексту источника обращались прежде всего исследователи церковной истории; значительно скромнее число урбанистических штудий. Анализ, как количественный, так и качественный, упоминаний названий урбанистических центров и связанных с ними контекстов может являться тем инструментом, с помощью которого возможна реконструкция городского сознания церковного писателя.

В сочинении имеются данные о 62 поселениях, которые могут быть причислены к городам; 28 из них обозначаются термином полис, значительно меньше — терминами «асти», «полисма», «полихнион» и «полидрион»; более 30 упоминаются без нарицательных обозначений. Следует отметить, что в тезисах доклада не представлен анализ контекстов «Церковной истории», связанных с городами без указания топонимов, что требует дополнительного изучения.

Результаты исследования.

I. Обращение к свидетельствам о городских поселениях в тексте «Церковной истории» позволяет выделить среди них несколько групп:

1) *Пункты, связанные с пребыванием там религиозных или светских лиц.* Речь идет о 41 городе, где подавляющее большинство (38) — центры, упоминаемые в связи с церковными иерархами. Полнота информации варьируется. Это прежде всего краткие сообщения, позволяющие узнать о самом факте их служения в том или ином центре, а также об их присутствии в этих местах, добровольном или принудительном. В связи со ссылкой фигурируют 6 поселений (Антиноя, Диокесария, Кукуз, Неокесария, Оксиринх, Тривера), куда были перемещены религиозные лица, и 1 город (Илиополь), куда изгонялись христиане из Александрии. Более информативными являются пассажи, позволяющие судить о роли исторических персонажей в местах их пребывания. В качестве примера может служить деятельность патриарха Феофила в Александрии.

2) *Пункты, где происходили различные события (24 города).* В отношении 12 центров из этого числа имеются указания на проведение в них церковных соборов: Антиохия, Аримин, Доростол, Кесария Палестинская, Константинополь, Медиолан, Ника, Никея, Рим, Сардика, Селевкия и Элия (Иерусалим). Применительно к 15 городам (к ним относятся также Антиохия, Константинополь, Никея и Рим) речь идет о разноплановых событиях. Наиболее полно передан рассказ о восстании в Антиохии 387 г.; также Феодорит достаточно подробно излагает эпизоды из истории отдельных пунктов: применительно к Феодосиополю — это осада его персами во время войны с Ираном, в отношении Эдессы — гонения на христиан.

3) Пункты, применительно к которым обращается внимание на особенности их географического или иного положения. К этой группе можно отнести 7 городов. Указание на местоположение того или иного поселения для Феодоритаскорее исключение, чем правило. В отношении одних он уточняет расположение (Германикия, Нисибис), в отношении же других — их значение в системе административного устройства империи (Селевкия, Фессалоника).

II. Степень детализации при описании того или иного города оказывается различной. При этом масштаб упоминаемых автором сведений часто не зависит от степени значимости данного поселения. Наибольшее количество обращений связано с крупнейшими церковными центрами, такими как Александрия, Антиохия, Константинополь, Рим и Никея. Сведения, содержащиеся о других городах, лаконичны и лишены развернутой конкретизации.

III. Территориально подавляющее большинство поселений относились к преторианской префектуре Востока, значительно меньше — к преторианским префектурам Иллирика, Италии и Галлии. Объединяющим в описаниях городов в «Церковной истории» является их причастность к событиям религиозной жизни: с одной стороны, это места служений церковных иерархов, с другой стороны, многие связаны с борьбой христиан и язычников, деятельностью ссыльных, осужденных и подвергшихся гонениям христианских подвижников.

М. В. Грацианский

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

От языческого архиерея к христианскому: религиозная основа деятельности городских и провинциальных советов в ранневизантийский период

Одним из активно развивающихся направлений в современной историографии Римской империи является изучение феномена гражданских провинциальных союзов — надполисных образований представительного типа, основой которых служил императорский культ⁹⁸. На греческом Востоке такие союзы назывались «койнонами» (κοινόν, *мн. ч.* κοινά), а на латинском Западе «концилиумами» (concilium). Представительный орган союза, совет, проводил один-два раза в год свой съезд, который назывался «синэдрионом» (συνέδριον) и «конвентом» (conventus) соответственно. История койнонов на греческом Востоке восходит ко временам

⁹⁸ См., к примеру: *Deininger J.* Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. München; Berlin: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1965; *Edelmann-Singer B.* Koina und Concilia. Genese, Organisation und sozioökonomische Funktion der Provinziallandtage im römischen Reich. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015.

классической древности⁹⁹, в то время как на Западе концилиумы появляются в результате целенаправленных реформ римских императоров I века, начиная с Октавиана Августа. Принцип организации союзов как надполицеских провинциальных образований основывался на пропорциональном представительстве городов в союзных собраниях: чем больше был город, тем больше делегатов он направлял в союзный совет. Если на Западе союзы в основном территориально совпадали с провинциями (кроме союза Трех Галлий, “*concilium Trium Galliarum*”), то на Востоке ситуация была сложнее и отражала местные представления о родстве «народов» (ἔθνη), образующих тот или иной койнон, которых зачастую насчитывалось несколько в пределах одной римской «наместнической» провинции¹⁰⁰. Деятельность союзов, насколько она нам известно, заключалась в проведении регулярных празднеств и игр в честь обожествленного императора, решение вопросов, касающихся взаимодействия входящих в союз городов, составление обращений на имя наместника провинции или императора.

Реформы эпохи Диоклетиана-Константина привели к перераспределению территорий Римской империи в рамках новой провинциальной системы, причем в основе реформы лежал принцип разукрупнения имеющихся провинций. Система гражданских союзов тем самым также подверглась существенной трансформации. Из императорских указов конца IV в. можно заключить, что союзы должны были соответствовать границам провинции и иметься в каждой из них. Императорским чиновникам было запрещено препятствовать деятельности союзных собраний, а последние получали право обжаловать действия наместника перед императором¹⁰¹.

Уже в предшествующий период складывается система, при которой представителями (*legati*) городов в провинциальных собраниях становятся по преимуществу жрецы или священники императорского культа (ἀρχιερεῖς, *flamines*, *sacerdotes*). Они сроком на один год избирали провинциального архиерея (ἀρχιερεὺς τοῦ ἔθνους/τῆς ἐπαρχίας, *sacerdos provinciae*), выполнявшего роль главы союза и имевшего право обращаться от имени союза к императору, возглавляя делегации или посольства. Таким образом, уже на протяжении I–II вв. складывается система, при которой во главе провинциальных структур гражданского представительства стоят лица, имеющие религиозные функции, хотя при этом следует учитывать, что по

⁹⁹ См., к примеру: *Beck H.* Polis und Koinon. Untersuchungen zur Geschichte und Struktur der griechischen Bundesstaaten im 4. Jahrhundert v. Chr. [Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. Einzelschriften, Heft 114]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997; *Mackil E.* Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in the Making of the Greek Koinon. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2013.

¹⁰⁰ См. об этом: *Vitale M.* Eparchie und Koinon in Kleinasien von der ausgehenden Republik bis ins 3. Jh. n. Chr. [Asia Minor Studien. Bd. 67]. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2012.

¹⁰¹ CTh. XII.12.7, XII.12.12, XII.12.13.

римским обычаям религиозные функции были неотъемлемым атрибутом любого магистрата. На уровне города при этом позиция жреца императорского культа (*sacerdotium*) превращается в одну из высших ступеней муниципальной карьеры, доступных куриалу.

После получения христианством легального правового статуса и ускорения в силу этого христианизации империи, чему главным образом способствовал переход в христианство императоров, фигура городского епископа постепенно начинает осуществлять те функции, которые обыкновенно были присущи местному архиерею императорского культа. Провинциальный собор христианских епископов уже в IV в. начинает функционировать по модели съездов провинциальных советов, причем структурами Церкви очень быстро начинает перениматься атрибутика и терминология последних. Процесс этот на уровне городов протекал тем быстрее, чем быстрее основная часть куриалов переходила в христианство.

Между тем, весьма показательной особенностью IV–V вв. является феномен параллельного существования структур провинциальных союзов с их съездами и провинциальных церковных соборов с их регулярными сессиями. Несмотря на то, что христианские архиереи (епископы) во всё большей мере становились представителями своих городов, фактически до конца V в. мы фиксируем наличие в городах и на провинциальном уровне традиционных священников императорского культа (*ἀρχιερεῖς*, *flamines*, *sacerdotes*), функции которых в этот период уже в значительной мере утрачивают свою религиозную, ритуальную составляющую. Согласно императорскому указу, на должность провинциальных священников императорского культа (*sacerdotes provinciae*) следовало избирать адвокатов¹⁰², т. е. она все больше ассоциировалась с чисто административными функциями. Религиозный смысл этой должности как на городском, так и на провинциальном уровне утратился настолько, что в указанный период ее занимали даже христиане.

К концу V в. сведения о связанных с императорским культом должностях «священника провинции» и городского фламينا, а равно и особых, не связанных с Церковью, провинциальных съездах в наших источниках исчезают. Законодательство Юстиниана, к примеру, их уже не знает. С другой стороны, все более значительная роль на городском уровне в законодательстве VI в. отводится епископу, который принимает на себя все муниципальные функции, присущие ранее городскому архиерею императорского культа, и становится полноценным представителем города на провинциальном и общеимперском уровне, а церковные соборы всё чаще включают в свою повестку «земские дела». Подробности этого процесса, обстоятельства его протекания, законодательная основа, хронологические рамки и внутренняя периодизация всё еще ждут своего исследования.

¹⁰² Указ императора Констанция от 358 г. (C.Th. XII.1.46): *A solis praecipimus advocatis eorumque consortio dari provinciae sacerdotem.*

И. В. Денисова

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

**Идеальный античный мир в идеологии афинских
интеллектуалов второй половины IV в. (Гимерий)**

После длительного упадка позднего эллинизма и первых веков римского владычества в I–II вв. начинается т. н. «Греческое возрождение». Среди прочего появляется целый ряд софистов и риторов, деятельность которых можно объединить понятием «Вторая софистика». Эти авторы впервые попытались осуществить замысел воссоздания в своих текстах «виртуального», идеального греческого мира, утраченного в предшествующие столетия. Д. Рассел назвал его «Софистополь», имея в виду не столько сам этот мир, сколько совокупность идей и наследия его авторов¹⁰³.

Вторая половина IV в. и рубеж IV–V вв. явили новую волну того же феномена, которая в 90-е гг. XX в. получила наименование «Третьей софистики». Будучи отчасти христианами, отчасти язычниками, ее представители жили уже в христианскую эпоху. Тем интереснее выглядит их (очередная) версия сотворения идеального греческого мира в новых условиях¹⁰⁴. При этом от этого поколения принципиально не отличается по своему характеру отделенная хронологически волна «Четвертой софистики», представленная авторами из Газы Палестинской первой половины VI в.¹⁰⁵

Наиболее ярко и целенаправленно созидал свой «Софистополь» афинский софист и руководитель риторической школы Гимерий (315–386), в наследии которого мы найдем наименьшие связи с реальной жизнью. Сотворенный им мир обретает поистине космическое измерение¹⁰⁶, поэтому большой интерес представляет образ этого мира и комплекс идей, проводимых этим афинским софистом эпохи Ранней Византии.

Из наследия Гимерия, согласно списку Фотия, из 74 речей в том или ином виде (полностью, частично или в эксцерптах Фотия) сохранилось 60.

До недавнего времени главной заслугой поздних софистов считалось наличие некоторой исторической информации, дополнительно звучали оценки языка и стиля. Однако Гимерий в первом отношении не может дать почти ничего. Отсюда фразы о том, что его речи «повисают в безвоздушном пространстве», «он сумел задушить в корне какие бы то ни было конкретные

¹⁰³ Russell D. A. Greek Declamation. Cambridge, 1983. P. 22.

¹⁰⁴ Quiroga A. From Sophistopolis to Episcopopolis: The Case for a Third Sophistic // The Journal for Late Antique Religion and Culture. 2007. Vol. 1. P. 31–42.

¹⁰⁵ Bolgov N. N., Bolgova A. M., Litovchenko E. V., Procopenko S. N., Siniza M. M. The «Fourth Sophistry» in the Cultural Space of Later Antiquity (VIth cent.) // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. 2018. Vol. 8. P. 578–582.

¹⁰⁶ Jarratt S. C. Sophistopolis as Cosmopolis: Reading Postclassical Greek Rhetoric // Advances in the History of Rhetoric. 2011. Vol. 14. P. 65–82.

исторические данные своей звонкой фразой»¹⁰⁷ и т. п. У Гимерия почти нет философии, морализаторства, зато много сервизма по отношению к властям. Вместе с тем, главное у этого автора — красота слова. Кредо Гимерия как софиста и учителя — получать наслаждение от слова, доставлять это наслаждение другим и учить этому. Есть и сверхзадача: лишь слово может обессмертить человека и его деяния.

Гимерий в наибольшей степени среди своих современников пользуется классическим аттическим диалектом, во многом реанимируя его для своей эпохи. Эта искусственность придает его речам редкую благозвучность. Софист в наибольшей степени использует образы, слова и выражения древнегреческих лириков.

Р. Пенелла выделяет ряд тематических разделов, на которые можно разделить все наследие Гимерия¹⁰⁸. Наряду с вымышленными, это речи о сыне Гимерия Руфине, речи о школе Гимерия, речи в честь имперских чиновников и администраторов, а также эпиталям.

Собственно риторической традиции с содержанием, посвященным идеальному греческому миру, посвящены речи I–VI («вымышленные речи»), а их героями являются Фемистокл, Эпикур, Демосфен, Эсхин. Наряду с историческими героями в данном ряду находятся и типичные для риторики образы богача и бедняка.

Вершиной риторической образовательной программы была «мелетия» (декламация) — вымышленная речь, в которой говорящий выводил мифического, исторического или более общего персонажа (типаж). Темы мелетий чаще всего характеризуются как эскапистские, тривиальные или причудливые. Отсюда видно, что в них творится новый идеальный воображаемый мир, улучшенный вариант настоящего исторического.

Речь «Полемархик» (VI) посвящена специально славной истории города Афин, наследником которого (хотя и в форме слова) ныне является сам Гимерий¹⁰⁹: «Афины были первым городом, вступившим в союз с богами» (VI, 4), «вы просвещаете весь мир» (VII, 4).

Идеальный античный мир у Гимерия состоит из сплава мифологии и исторических реминисценций. Как свойственно всей античной традиции, Гимерий не разделяет мифологию и историю: они перемешаны в едином потоке. Мифологические образы используются Гимерием почти повсеместно в речах на любую тему. Они призваны задать тон, привести классическое и всем очевидное сравнение, внести описываемые события в общекультурный контекст.

Мифологический мир в наиболее цельном виде воссоздан в «Эпиталям» (IX) и «Диогене» (X). В последнем ощутимы и (нео)платонические идеи: «Каждая душа, недавно отделившаяся от верхней

¹⁰⁷ Norden E. Antike Kunstprosa. Leipzig, 1909. S. 429.

¹⁰⁸ Penella R. Man and Word. The Orations of Himerius. Berkeley, 2007.

¹⁰⁹ Plommer H. Himerius and Athenae // Classical Review. 1959. Vol. 9. P. 206–207.

сферы, по-прежнему несет в себе свежее видение наслаждений, что она узрела, когда танцевала тот счастливый танец с колесницами богов» (X.15).

Идеальная Греция Гимерия находится в резком противостоянии с Азией, олицетворяемой персами эпохи Греко-персидских войн. Тем самым, она отделяется от остального мира и в определенной мере противопоставляется ему как лучший из миров.

Безмятежный спокойный и радостный мир идеальной Греции не вполне соответствовал реальной жизни Гимерия. Гражданское неполноправие, а затем и смерть любимого сына Руфина, собственная болезнь (эпилепсия) и христианизация империи сильно отличались от идеальной картины. Но этот эскапизм вполне объясним, и он носит естественный характер, не создает ощущения полной искусственности. Это именно лучший из миров, осознанно моделируемый софистом, убежденным в своих способностях демиурга и эффективности словесного искусства: «Я хочу нарисовать картину божественными красками [словами], потому что земные цвета быстро смываются с течением времени» (XXXII.13).

А. А. Душенко

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

**Игры населения византийского и поствизантийского Мангупа
(по данным археологии)***

Игры были популярной формой проведения досуга в средние века. Письменные данные об этой сфере повседневной жизни населения Мангупа отсутствуют. Основным и, по сути, единственным источником информации по этому вопросу являются материалы археологических исследований городища. К настоящему времени коллекция найденных на Мангупе артефактов, связанных с играми, насчитывает 74 предмета. Исходя из их функционального назначения, эти предметы могут быть разделены на пять групп: шахматные фигуры, игральные кубики, фишки, игральные доски, астрагалы.

Первая группа включает три предмета из оленьего рога, относящиеся к выделенной Е.А. Рыбиной категории абстрактных шахматных фигур¹¹⁰. Пешка конусовидной формы с округлой чашей в центральной части тулова была найдена в балластном слое на территории мангупского дворца 1425-1475 гг.¹¹¹ На этом же объекте в комплексе 1462-1475 гг. была обнаружена фигура цилиндрической формы со скругленной верхней частью и округлым

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

¹¹⁰ Рыбина Е.А. Из истории шахматных фигур // СА. 1991. №4. С. 93.

¹¹¹ Душенко А.А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 223. Рис. 1, 1.

навершием¹¹². Еще один фрагментированный предмет, предположительно отнесенный к шахматным фигурам, имеет усечено-коническую форму и украшен врезными линиями, образующими прямоугольники с точками внутри. Он найден в слое третьей четверти XV в. на территории квартала внутри цитадели¹¹³.

Вторую группу составляют три вырезанных из рога игральные кости¹¹⁴. Все предметы однотипны, имеют кубическую форму с высотой грани в пределах 7-10 мм. Числовые значения обозначены в одном случае небольшими углублениями, еще в двух – «глазками» циркульного орнамента. Сумма значений противоположных сторон равна семи. Один предмет происходит из депаспортизированной коллекции из раскопок 1974 г., два, возможно, составляющие комплект, найдены на полу постройки квартала внутри цитадели, разрушенной в 1475 г. Предметы второй группы могли использоваться как для известной с эпохи античности игры в кости, где победитель определялся комбинацией выпавших числовых значений, так и для более сложных настольных игр, например, для определения очередности хода.

Третья группа включает 10 игровых фишек дисковидной, полусферической и ромбической формы. Восемь из них изготовлено из кости или рога¹¹⁵, по одной – из известняка и глины. Все изделия, за исключением одной из костяных шашек, имеют общую характеристику – плоскую заглаженную нижнюю поверхность. Очевидно, они использовались в качестве принадлежностей для каких-то настольных игр, заключавшихся в передвижении фишек по игровому полю. Три фишки найдены в слоях VI-VII вв., пять – в горизонтах XV в., одна – в слое второй половины XVII – первой половины XVIII вв. Контекст находки одной из фишек неизвестен.

В четвертую группу прочерченные на каменной основе изображения трех concentрических квадратов или прямоугольников, которые часто в научной литературе называют «вавилонами». Значение этих изображений является предметом научной дискуссии¹¹⁶, однако, наиболее распространенной является их интерпретация в качестве поля для игры в «мельницу». Из раскопок Мангупа происходит шесть подобных предметов.

¹¹² Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 219. Рис. 31, 6.

¹¹³ Душенко А.А. Игровые принадлежности... С. 223. Рис. 1, 2.

¹¹⁴ Там же. С. 226. Рис. 1, 10-12.

¹¹⁵ Подробнее о них см.: Там же. С. 224.

¹¹⁶ Подробно об этом см.: Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. О так называемых «вавилонках» // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань, 2011. С. 130–134; Авдеев А. Г. Еще раз о символике «вавилонки» // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. 2019. Вып. 12. С. 360-370.

Два найдены в слоях XVI-XVII вв. в церквях Св. Константина¹¹⁷ и Св. Георгия¹¹⁸, по одному – в слое разрушения 1475 г. квартала внутри цитадели и на территории дворца 1425-1475 гг.¹¹⁹ Два «вавилона» прочерчены на надгробии №11 Мангупской базилики¹²⁰.

Пятую группу составляют 52 астрагала различных типов и вариантов¹²¹. Анализ этой группы находок позволил выявить две разновидности игр. Астрагалы с подтесанными сторонами и заливкой свинцом применялись для широко распространенной во времени и пространстве игры в бабки, смысл которой заключался в выбивании битком максимального количества бабок за пределы линии или круга¹²². Астрагалы с числовыми значениями на сторонах использовались для игры, близкой по принципу игре в кости.

Приведенные материалы свидетельствуют об увлечении населения византийского и поствизантийского Мангупа тремя категориями игр: тактическими (шахматы, мельница), азартными (кости) и подвижными (бабки).

А. Ю. Елисеева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Панополь — культурный центр ранневизантийского Египта

Панополь (современный Ахмим) располагался в 450 км к югу от Каира на восточном берегу р. Нил. Город был столицей девятого нома, который простирался по обе стороны реки (современный район Сохаг, Верхний Египет).

Панополь как культурный центр ранневизантийского времени интересен за счет «многослойности»: своеобразие египетской культуры претерпевает римское влияние, на него наслаиваются общегреческие особенности, которые кардинально трансформируются в связи с христианизацией региона.

Панополь по праву можно считать одним из очагов греческой культуры и центров христианства ранневизантийского периода.

¹¹⁷ Там же. С. 225. Рис. 7,1.

¹¹⁸¹¹⁸ Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV-XVII вв.). М.-СПб. 2017. С. 80. Рис. 2.13.

¹¹⁹ Душенко А.А. Игральные принадлежности... С. 225. Рис. 7, 2-3.

¹²⁰ Бармина Н.И. Надгробия некрополя Мангупской базилики // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 335. Илл. 4.

¹²¹ Душенко А.А. Игральные принадлежности... С. 226-229. Рис. 2-6.

¹²² Филоненко Ф.И. Детские игры крымских татар // ИТУАК. 1919. №56. С. 253-254; Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокина С.А. Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. 2009. №2. С. 46-47; Dandoy J. Astragali, the Ubiquitous Gaming Pieces // Expedition. 1996. V. 38. No.1. P. 56-58.

Археологических свидетельств в городе мало, поскольку древнее место было в основном застроено современным городом. Известно, что возводя храмы, римские императоры учитывали местную религиозную специфику и традиции ее архитектуры¹²³.

В городской архитектуре Панополя, известной частично по папирусам и материалам археологических раскопок, прослеживалась некая амальгама эллинизированной архитектуры и монументальных зданий в традиционном египетском стиле. На территории города зафиксированы храмы, посвященные египетским, римским/греческим¹²⁴ богам и обожествленным правителям, а также административные и культурные здания (театр, гимнастический зал, здания для процессий и др.).

Панополь по праву можно считать одним из очагов культуры и центров христианства ранневизантийского периода. К III в. эллинистическая культура на территории Верхнего Египта уже полностью сложилась в своем локальном варианте. Жители города организовывали публичные игры, комментировали Гомера и других авторов, ставили греческие драмы в театре и в целом культивировали утонченную эллинскую традицию. Однако стоит отметить, что эллинизм был элитарной культурой региона. Члены состоятельных семей были одновременно и «потребителями», и сотворцами культурного пространства. Местное египетское население оставило значительно меньше следов в культуре города.

Панополь, как интеллектуальный центр Фиваиды, располагал прекрасными образовательными возможностями и библиотеками. Греческое образование было доступно лишь небольшой группе состоятельных людей и служило основой для дальнейшего литературного творчества или будущей карьеры в Александрии и даже в Константинополе. Многие поэты, философы и высокопоставленные чиновники Поздней империи (Нонн, Кир) получили свое начальное образование именно здесь.

Линию поэтов можно проследить от Птолемагрия до Трифиодора и Нонна, который сам оказал большое влияние на других поэтов в Фиваиде и во всем позднеантичном мире.

Большинство панополитанских поэтов были христианами, которые воспользовались прекрасными возможностями для получения образования в Панополе. С появлением христианства престиж риторического образования остался так же высок, как и прежде.

Во 2-й пол. IV в. христианство и его институты активно проникли в культурную и общественную жизнь города¹²⁵. Церковь заняла центральное

¹²³ На территории Панополя выявлены два храма Мина: один — храм фараонов; другой — новый храм Птолемея, именуемый «бирба»: *Geens K. Panopolis, a Nome Capital in Egypt in the Roman and Byzantine Period (ca. AD 200–600)*. Leuven, 2007. P. 133–138.

¹²⁴ *Whitehorne J. The Pagan Cults of Roman Oxyrhynchus // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1995. Bd. 18.5. P. 3050–3091.

¹²⁵ *Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert // Byzantinisches Archiv*. 1969. Bd. 13. S. 85–101.

место в городе как в пространственном, так и в культурном плане. С установлением христианства в египетских метрополиях храмы, которые веками были сердцем городских центров, были разрушены, либо постепенно пришли в упадок или преобразованы в христианские здания.

В ранневизантийский период в Панополе располагалось несколько церквей и монастырей, а также епископская кафедра¹²⁶. Однако в Панополе епископат, видимо, затмил авторитет аввы Шенуте. Под его руководством Белый монастырь превратился в один из центров монашеского движения. К 60-м гг. V в. в нем насчитывалось более 2000 человек, а в женской обители, которая отличалась достаточно жесткой дисциплиной¹²⁷ — ок. 1800 инокинь. Труды и письма аввы Шенуте внесли большой вклад в христианское вероучение и апологетику, а также в оформление коптской традиции.

Со временем Панополь уступил роль столицы региона Сохагу. Сегодня Ахмим — растущий новый город. К сожалению, в архитектурном и материальном аспекте от его богатой истории мало что осталось. Однако его история продолжает притягивать внимание исследователей и археологов.

А. Г. Еманов

Тюменский государственный университет

Городские центры Причерноморья в отражении геральдического перипла конца XIV в.

Переход от естественных форм идентичности (этническая / территориальная) к искусственным (политическая / национальная) проявился много раньше, нежели принято думать. Он стал очевидным уже в середине XIV в., когда на морских картах Средиземного и Черного морей страны и города стали впервые отмечаться гербами и флагами, обозначавшими суверенную принадлежность. То же явление можно заметить в текстовых приложениях к морским картам — периплах и портуланах.

Самым известным из них является «Книга знания о всех царствах»¹²⁸. Утраченный оригинал был составлен на кастильском языке, вероятно, в середине XIV в.¹²⁹ Текст сохранился в четырех копиях кон. XIV – сер. XV вв.:

¹²⁶ Епископы фактически взяли на себя обязанности глав городских советов, и кроме того стали играть большую роль в культурной жизни города: *Jones A. H. M. The Later Roman Empire AD 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 2. Oxford, 1964. P. 894–904.*

¹²⁷ *Elm S. “Virgins of God”. The Making of Ascetism in Late Antiquity. Oxford, 1994. P. 297–310.*

¹²⁸ *Libro del conocimiento de todos los reynos e tierras e señorios que son por el mundo e de las señales et armas que hancada tierra e señorío por sy e de los reys e señores que los proueen, escrítopor un franciscano español á mediades del siglo XIV / Pub. de M. J. de la Espada. Madrid, 1877.*

¹²⁹ *Ibid.* P. 97 (Vxbeco emperador de Sara; Benascay temperador de Persia); хронологическими маркерами выступали имена хана Узбека (1313–1341), правителя Улуг Улуса со столицей в

в Национальной библиотеке Испании (MS 1997; MS 9055)¹³⁰, Библиотеке Университета Саламанки (MS 1890) и Баварской государственной библиотеке (Cod. Hisp. 150)¹³¹. Последняя, знаменитая «сарাগосская рукопись» была утеряна в XVII в. и вновь обнаружена в конце XX в., когда была приобретена на аукционе Сотбис Баварской библиотекой. Ее публикация Марией Хесус Лакарра, профессором кафедры испанской литературы Университета Сарагосы, Марией дель Кармен Лакарра Дукай, профессором кафедры истории античного и средневекового искусства, и Альберто Монтаньером¹³², профессором кафедры истории Испании того же университета, актуализировала проблематику символической коммуникации, потестарной иерархии, места городов в интенсивно менявшемся мире второй половины XIV в.

Исследователями справедливо отмечается создание данного текста в результате интеллектуальной работы в тиши библиотеки, а не в ходе многочисленных плаваний, подчеркивалось использование составителем «Книги» морских карт Пьетро Весконтти 1321, 1327 гг., Анджелино даль Орто 1325, 1339 гг., портуланов, некоторых нарративов¹³³. Черноморский контекст заставляет включать в число возможных источников и византийские периплы¹³⁴.

Действительно, описание Великого (Черного) моря выстраивается в «Книге» в соответствии с конструктивной топикой перипла: начинается от Босфора, следует вдоль береговой линии с Запада на Север, оттуда — на Восток, а затем — на Юг, завершив обзор земель вокруг всего моря по движению солнца.

«Вышел из Константинополя, — сообщал автор, — и вошел в Великое море, прошел вдоль левого берега и попал в царство, которое называют Лодомаго, и оно очень богато и изобильно. А правитель его имеет пурпурное знамя с золотым крестом и четырьмя золотыми светцами»¹³⁵. Таинственный топоним “Lodomago” Кирил Ненов, старший научный сотрудник Института истории Болгарской академии наук, по географическим критериям идентифицирует с Созополем, а по лингвистическим основаниям отождествляет с «Lodonauici» на картах Весконтти 1318–1327 гг., с землями

Сарае, и ильхана Абу Саид Бахадур (1305–1335), государя Иранзамина с центром в Султании.

¹³⁰ El libro del conocimiento de todos los reinos / Ed. by N. F. Marino. Arizona, 1999.

¹³¹ Libro del conocimiento de todos los regnos et tierras et señorios que son por el mundo, et las señales et armas que han / Ed. facs. del manusc. Z (München, Bayerische Staatsbibliothek, Cod. Hisp. 150) por M. J. Lacarra, M. del Carmen Lacarra Ducay, A. Montañer. Zaragoza, 1999.

¹³² *Ibid.*

¹³³ Savorelli A. Atlanti simbolici dello spazio politico. I portolani e il “Libro del conocimiento de todos los reinos (secolo XIV) // Entre idéal et matériel: Espace, territoire et légitimation du pouvoir (v. 1200 – v. 1640) / Dir. par P. Boucheron, M. Folin et J.-Ph. Genet. Paris, 2018. P. 237–265.

¹³⁴ Delatte A. Les portulans grecs. Liège; Paris, 1947.

¹³⁵ El libro del conocimiento de todos los reinos. P. 102.

на южном рукаве Дуная¹³⁶. Вексиллографически эта территория соотносилась с владениями Византийской империи.

«Отправился из Лодомаго, — продолжал составитель, — и оказался в Месемврии, а затем — в Варне»¹³⁷. Если Лодомаго для кастильского интеллектуала — «царство» (*reynado*), то Месемврия (совр. Несебр) и Варна — скорее «княжества» (*reyno*), хотя в реальности они были городами с некоторой властью над ближайшей округой. Месемврия, судя по описанию герба, также подчинялась Византии, что соответствовало действительности для 1304/1305–1323/1324, 1330–1334, 1366–1391 гг.¹³⁸ О политической принадлежности Варны кастильский автор не знал, хотя она тоже была византийской вплоть до 1391 г.

«И отправился из княжества Месемврии вдоль берега Великого моря, — повествовал дальше сочинитель, — и попал в большой город, который называют Вичина, на границе с Болгарией»¹³⁹. Вичину отождествляли то с Мачином, то с Махмудией, то с Исакчей, то с Тулчей; археологи настаивают на локализации Вичины на месте византийско-болгарской крепости на острове Пакуюллуй Соарев дельте Дуная¹⁴⁰. Этот центр обозначался как «большой город» (*grandciudad*) и даже «столица» (*sabeça*). Он подчинялся Византии, около 1346 г. перешел под юрисдикцию Болгарии, а в конце XIV в. признавался под властью татар. Согласно Мадридской рукописи (MS 1997), Вичина имела белый флаг с белым же крестом и четырьмя пурпурными квадратами между его лопастями, указывая на суверенитет Болгарского царства. По другим рукописям, Вичина обладала белым флагом с пурпурной тамгой и полумесяцем, символом верховной власти Улуг Улуса, или Улуса Джучи.

Вслед за этим, мореплаватель миновал Маврокастро (совр. Белгород Днестровский), Бо (Бугский лиман / с. Парутино)¹⁴¹, Пидеа (Тендровский залив / Зализный порт)¹⁴², Нигропилу (Каркинитский залив)¹⁴³. Первый являлся крепостью (*castro*), Бо и Нигропила — портами (*puerto*), а Пидеа — городом и даже столицей (*ciudad, sabeça*). Только относительно последнего центра уточнялась его подчиненность в качестве вассала власти хана Узбека.

Далее, плавание смещалось к полуострову Готии (Крымский п-в), который с одной стороны омывался водами Великого моря, а с другой

¹³⁶ *Nenov K. Bulgaria and the Western Black Sea Region in “Libro del conocimiento”, 14th Century // Bulgaria medievalis. 2016. Vol. 7. P. 99–115 (здесь: P. 105).*

¹³⁷ *El libro del conocimiento de todos los reinos. P. 101.*

¹³⁸ *Nenov K. Bulgaria and the Western Black Sea Region... P. 107.*

¹³⁹ *El libro del conocimiento de todos los reinos. P. 102.*

¹⁴⁰ *Digital Tabula imperii Bizantini [Electronic resource]. Available to: <https://tib.oeaw.ac.at/index.php?seite=digtib&submenu=digtib-all>.*

¹⁴¹ *Гордеев А. Ю. Топонимика побережья Черного и Азовского морей на картах-портоланах XIV–XVII вв. Киев, 2014. С. 226–234.*

¹⁴² Там же. С. 209–216; *Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах: Причерноморье, конец XIII – XVII вв. М., 2011. С. 143.*

¹⁴³ *Тохтасьев С. Р. Из комментариев к Константину Багрянородному // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (16). С. 81–83.*

стороны — Морем Таны (Азовское море)¹⁴⁴. Города этой части маршрута оказались скрыты фигурой умолчания. Следующими назывались города Тана (совр. Азов) и Матрега (совр. Тамань). По поводу Таны уточнялось, что она обладает белым знаменем с пурпурными знаками, как у Узбека.

На восточном побережье Черного моря указывались Пицунда и Савастополис (совр. Сухум)¹⁴⁵. Подчеркивалось, что Пицунда подчинена власти Узбека. Савастополис обозначен как христианское царство, придерживавшееся греческого ритуала, имевшее пурпурное знамя с белой рукой. В действительности, это была одна из столиц Абхазо-Грузинского царства.

На южном побережье отмечались Трапезунд (Трабзон), Керасунт (Гиресун), Симиссо (Амис), Кастелле и Самастро (Амасра)¹⁴⁶. Трапезунд обозначен как город (*ciudad*), столица Трапезундской империи; его имперский статус оттеняло пурпурное знамя с золотым двуглавым орлом. Симиссо и Кастелле обозначены как «царства» (*reynado*), причем Симиссо — как суверенная страна с белым знаменем с шестиконечной звездой и лепестковым крестом. На самом деле, портовый город Симиссо с 1320 г. подчинялся сельджукскому эмирату Эретна, а Кастелле представлял собой два замка¹⁴⁷.

В целом, приводившиеся в «Книге знания о всех царствах» города Причерноморья различались по своему положению, выделялись столицы империй, царств, княжеств, областей, порты, крепости, замки. Фиксировалась государственная принадлежность городов. В более поздних копиях «Книги» вносились коррективы в вексиллографические и геральдические обозначения под воздействием политических изменений. Особого внимания заслуживает практика конструирования гербов кастильским автором в соответствии с европейскими принципами блазонирования для тех стран Востока, которые изначально таковыми не обладали.

Е. Ю. Ендольцева

Институт востоковедения РАН (Москва)

**Плетеный ленточный орнамент в период Македонской династии:
истоки и значение мотива (на примере архитектурной пластики)**

В послеарабский период, примерно с IX в., из Малой Азии по территории всей Византийской империи (включая варварскую периферию и Кавказ) распространяется в архитектурной пластике христианских храмов такой орнаментальный мотив, как плетеный ленточный геометрический орнамент,

¹⁴⁴ El libro del conocimiento de todos los reinos. P. 103.

¹⁴⁵ *Ibid.* P. 104.

¹⁴⁶ *Ibid.* P. 105–107.

¹⁴⁷ Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 32–33 (Этнолингвистическая карта-реконструкция).

состоящий из лент плетения в три полосы, который образуют круги большого и малого диаметра с сердцевинной в виде цветочной розетки (а также различные варианты розеток, составленных из лент плетения в три полосы). Цель данного сообщения — попытаться определить истоки и значение этого мотива.

Материал излагается следующим образом: сначала — анализ примеров, когда рассматриваемые мотивы встречаются на христианских храмах Кавказа и Малой Азии в IX–X вв., затем — параллели того же времени из традиционной бытовой среды. Затем — попытка поиска истоков этого мотива (в доарабский период — копты, напольные мозаики римского времени, арамейские памятники юго-восточной Турции). Выявление возможной функции этого мотива на христианских храмах (благодаря анализу местоположения орнаментов и привлечению этнографического материала).

На фасадах и во внутреннем убранстве некоторых церквей IX–X вв. с территории современной Республики Южная Осетия (Додот, Кобет, Квайса Джвари, Надарбазев, Эред, Касагина, Тбет, Сохта)¹⁴⁸, Грузии и ее исторических провинций (Гвелдеси, Джойсубани, Табатскури, Кумурдо, Тбети, Ошки, Схиери и др.)¹⁴⁹, Армении (деревянная капитель из Севана)¹⁵⁰ появляются одиночные изображения розеток, составленных из лент плетения в несколько полос с сердцевинной в виде цветка, и плетеные ленточные орнаменты разных конфигураций.

Плетеный ленточный орнамент, составленный из лент плетения в две и три полосы, образующий круги большего и меньшего диаметра с сердцевинной в виде цветка встречается во внешней облицовке храмов и на алтарных преградах, начиная с IX в. в Малой Азии и в Центральной Греции (Скрипу, Фивы), на Пелопоннесе, а затем — на Балканах и по всей территории Византийской империи.

Интересная находка, проясняющая до определенной степени значение этого мотива была сделана в 2013 г. в Дагестане¹⁵¹. Одна из двух стел (из постройки № 13), найденных *in situ* в поселении X–XII вв., где следы распространения христианства не зафиксированы, украшена ленточным плетеным орнаментом с цветочной розеткой в центре композиции. Стела была обнаружена в цокольном этаже здания, где хранилось зерно и явно выполняла сакральную функцию.

Можно проследить истоки этого мотива. Плетеный ленточный орнамент рассматриваемого типа или плетеные розетки встречаются

¹⁴⁸ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии — Шида-Картли. Тбилиси, 1975.

¹⁴⁹ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi, 2017.

¹⁵⁰ Armenia sacra. Mémoire chrétien des Arméniens (IV–XVIII siècles) / Sous dir. J. Durand, I. Rapti, D. Giovannoni. Paris, 2007.

¹⁵¹ Албегова З. Х., Магомедов Р. Г., Таймазов А. И. Стелы Гоцатлинского (Ортоколинского) 1-го поселения X–XII веков // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. Москва, 2014. С. 309–311.

эпизодически на христианских памятниках доарабского времени на Кавказе, а также, к примеру, в росписях Каппадокии (с неясной, возможно, ранней датировкой) и у коптов (к примеру, фрески Красного монастыря). В еще более раннее время подобный вид орнамента встречается на римских мозаиках Малой Азии (Амасия) и Греции. Сходный мотив можно видеть на ритуальном римском серебряном блюде из клада, найденного близ г. Мэсон (Франция). Наиболее раннее из обнаруженных нами изображений этого мотива фиксируется у арамеев. Основание колон здания К в Самале (близ нынешнего Алеппо, X–VIII вв. до н.э.)¹⁵² украшено хорошо известным в средневизантийское время орнаментом: лента плетения в три полосы обвивает цветочные розетки.

Итак, эти древние мотивы (плетеный геометрический орнамент с сердцевинной в виде цветка и плетеные розетки) становятся особенно популярными в христианском искусстве не только Кавказа, но и всей Византийской империи в послерабское время. Плетеный геометрический орнамент с цветочными розетками внутри, по наблюдениям К. Вандерхейде¹⁵³, распространяется из мастерских Малой Азии в IX в. на Пелопоннес и в Центральную Грецию (Скрипу, Фивы) и далее на Балканы и по всей территории Византийской империи. Более того, эти мотивы обычно украшают символические значимые части внутреннего и внешнего пространства византийских церквей (обрамления окон, порталов, алтарные преграды и др.).

Подводя итог, следует отметить, что рассматриваемые мотивы, которые имеют истоки в сакральном искусстве арамеев (Малая Азия, Сиро-Палестинский регион), использовались для украшения сакральных зданий и объектов в Малой Азии и на Кавказе. Однако наибольшее распространение как отдельный элемент или в составе ленточного плетеного орнамента они получают в послерабское время (с IX в.), когда стали использоваться массово на территории Византийской империи (в том числе на Кавказе) в архитектурной декорации христианских церквей по преимуществу, чтобы отметить границу сакрального пространства (внешняя облицовка стен, порталы, обрамления окон, барабанов, алтарные преграды).

Как показывают этнографические свидетельства (традиционный костюм и орнаменты на тканях), в архитектурной декорации христианских храмов эти мотивы могли выполнять охранную функцию.

¹⁵² *Wartke R.–B.* Sam'al. Ein aramäischer Stadtstaat des 10. bis 8. Jhs. v. Chr. und die Geschichte seiner Erforschung. Mainz am Rhein, 2005. S. 37–39. Abb. 40.

¹⁵³ *Vanderheyde C.* La sculpture byzantine du IXe au XIVe siècle. Contexte. Mise en oeuvre. Décors. Paris, 2020. P. 167.

Е. С. Ермак

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Семантика литер на облачении трубящих ангелов: к вопросу об интерпретации мозаики из церкви Сан Микеле ин Аффричиско (VI в.)

Мозаика из церкви Сан Микеле ин Аффричиско поступила в собрание музея Боде в Берлине в 1844 г. На экспозиции памятник представлен *in situ*: воссозданы очертания апсиды и триумфальной арки. В верхнем регистре композиции явлено апокалиптическое видение: Христос на троне, по сторонам от которого два архангела и семь трубящих ангелов. Изображение отсылает к тексту Откровения Иоанна Богослова (Откр. 8:7–13). По сей день этот памятник монументальной живописи остается малоисследованным. В основном, он упоминается в общем контексте византийского искусства: утверждаются его направленность против арианства, усиление в нем догматического начала, а также различные влияния, отразившиеся в иконографии и стилистике¹⁵⁴.

Определив различные особенности мозаики, авторы оставляют без внимания литеры, которые представлены на одеждах ангелов в сцене, отсылающей к тексту Апокалипсиса. Выяснение их значения и дальнейшая интерпретация памятника с учетом полученных результатов и становится целью настоящего сообщения.

Подобные изображения трубящих ангелов встречаются и в византийском, и в западноевропейском искусстве разного времени, но буквы в источниках чаще всего отсутствуют. В этом смысле иконография, представленная в апсиде базилики Сан Микеле ин Аффричиско, наделяется уникальным значением и заслуживает пристального внимания. Эту небольшую церковь основали Юлиан Аргентарий и его зять Бакауда в 545 г., а в 547 г. освятил епископ Максимиан¹⁵⁵. Несколькими годами ранее Равенна, где в свое время располагалось здание, была столицей королевства остготов. Здесь находилась резиденция Теодориха, который приглашал ко

¹⁵⁴ *Лазарев В. Н.* Византийская живопись. М.: Издательство «Наука», 1971. С. 65; *Deligiannakis G.* Heresy and Late Antique Epigraphy in an Island Landscape: Exploring the Limits of the archaeological Evidence // *The Epigraphic Culture(s) of Late Antiquity* / Ed. by K. Bolle, C. Machado, C. Witschel. [Heidelberger Althistorische Beiträge und Epigraphische Studien]. Stuttgart, 2017. P. 514–533; *Effenberger A.* Bemerkungen zum antiarianischen Programm des Mosaiks von San Michele in Affricisco // *Forschungen und Berichte*. 1974. Bd. 16. S. 245–254; *Effenberger A.* Frühchristlich-byzantinische Sammlung // *Forschungen und Berichte*. 1980. Bd. 20. S. 650–652; *Frothingham A. L.* Byzantine Artists in Italy from the Sixth to the Fifteenth Century // *The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts*. 1894. Vol. 9. № 1. P. 32–52; *Wessel K.* San Vitale in Ravenna: ein Bau Theoderichs des Grossen? Zu alten und neuen Thesen // *Zeitschrift für Kunstgeschichte* 1959. Bd. 22. Heft 3. P. 201–251; *Wulf O.* Das Ravennatische Mosaik von S. Michele in Affricisco im Kaiser Friedrich-Museum // *Jahrbuch der Königlich-Preussischen Kunstsammlungen*. 1904. Bd. 25. Heft 4. S. 374–401.

¹⁵⁵ *Лазарев В. Н.* Византийская живопись. С. 65.

двору ученых и в 522 г. назначил «магистром всех служб» знаменитого Боэция¹⁵⁶. Вероятно, труды этого философа и объясняют появление литер на облачении ангелов: они могут отсылать к буквенной нотации, которую автор разъясняет в «Основах музыки»¹⁵⁷ — трактате, который наиболее часто переписывался и тщательно толковался даже в последующие столетия.

В период Поздней античности и Средних веков в основе музыкальной теории лежит учение Пифагора. В его рамках сам Космос подобен музыкальному произведению или инструменту. Эти идеи просматриваются в текстах Боэция, в них же корнями уходит и символика чисел в Откровении Иоанна Богослова (II в.). Как видно из изобразительных и текстовых источников, для раннего времени свойственно желание утвердить функцию звука как такового, он становится напоминанием о Боге и призывает к конкретному действию¹⁵⁸. Такая трактовка органична смыслу сцены в мозаике, где присутствующие семь ангелов возвещают о начале Страшного Суда и Втором пришествии.

Таким образом, возможно, на одеждах ангелов в мозаике церкви Сан Микеле ин Аффричиско (VI в.) представлены нотные знаки, расшифрованные в позднеантичной музыкальной теории, в частности в трактате Боэция (VI в.), использовавшего буквенные обозначения ступеней звукоряда. Хотя предположение носит гипотетический характер, оно уточняет и обогащает интерпретацию малоизученного памятника монументальной живописи, а также открывает новые грани в его понимании.

Н. Э. Жигалова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

**Военно-политическое противостояние византийцев, латинян и османов
на Пелопоннесе во второй четверти XV в.***

В условиях усиления турецкой экспансии и осложнения отношений с Османским государством после воцарения в 1421 г. султана Мурада II (1421–1444, 1446–1451) Византия оказалась в ситуации, которая вынуждала империю искать способы и средства для сдерживания османской агрессии. Период стабилизации в византийско-турецких отношениях наступил в 1424 г., после того как между Византией и Османским государством было подписано

¹⁵⁶ *Нессельттраус Ц. Г.* Искусство раннего Средневековья. СПб.: Азбука, 2000. С. 95.

¹⁵⁷ *Боэций.* Основы музыки / Подготовка текста, перевод с латинского и комментарий С. Н. Лебедева. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2012. 408 с.

¹⁵⁸ Концептуализация музыки в авраамических традициях – 2018: коллективная монография / Отв. ред. Г. Б. Шамилли. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 212.

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ–1548.2022.2.

соглашение, по условиям которого империя лишалась земель в Причерноморье и обязалась выплачивать ежегодную дань султану¹⁵⁹.

После утраты Византией в 1423 г. Фессалоники усилия императора сосредоточились на возвращении греческих земель на Пелопоннесе, захваченных латинскими феодалами еще в XIII в.¹⁶⁰ В настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать военно-политическую ситуацию в Морее во второй четверти XV в., а также рассмотреть способы и методы взаимодействия византийцев, турок и латинян по вопросу возвращения под власть Византии подконтрольных франкам и венецианцам пелопонесских территорий.

На протяжении 20-х гг. XV в. Палеологи вели активную борьбу за возвращение занятых латинянами земель на Пелопоннесе. Весьма успешной в этом отношении оказалась матримониальная политика Византии. Так, в результате навязанных Палеологами брачных союзов практически все территориальные владения ахейского князя Чентурионе II Дзаккариа и эпирского правителя Карло I Токко, которому принадлежал ряд крепостей на севере Пелопоннеса, к 1428 г. оказались в руках морейских деспотов¹⁶¹.

Однако затянувшаяся осада Патр, находившихся под покровительством венецианцев, не позволяла морейскому деспоту Константину объединить под своей властью северные земли Пелопоннеса. Ситуацию осложнило то, что в 1429 г. в византийско-венецианский конфликт вмешался султан Мурад II, заявив, что «Патры платят мне харадж и принадлежат мне. Отзови свои войска и сними осаду, иначе мы нападём на тебя»¹⁶². Константин был вынужден отправить своего поверенного Георгия Сфрандзи к султану с заверением, что осада Патр была вынужденной мерой, вызванной необходимостью предотвратить захват города каталонцами¹⁶³. В 1430 г. город после непродолжительной осады сдался Константину Палеологу, который, таким образом, сумел сконцентрировать в своих руках все важнейшие крепости Элиды и Ахайи.

Очевидно, что вассальные отношения, связывавшие Византию и Османское государство, сильно ограничивали возможности и политические

¹⁵⁹ Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453 / Bearb. von F. Dölger, P. Wirth. T. V (Regesten von 1341–1453). München, 1965. S. 112. № 3413.

¹⁶⁰ См.: Andrews K. Castles of Morea. Amsterdam, 1978; Ilieva A. Frankish Morea (1205–1262). Socio-Cultural Interaction between the Franks and the Local Population. Athens, 1991; Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. Cambridge, 2009. P. 235–285.

¹⁶¹ *Laonikos Chalkokondyles. The Histories* / Transl. by A. Kaldellis. Vol. 1. Cambridge; L., 2014. P. 400.30. См.: Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С. 36; Topping P. The Morea 1364–1460 // *A History of the Crusades* / Ed. by H. W. Hazard. Vol. III.A (Fourteenth and Fifteenth Centuries). Madison, 1975. P. 164; Zakythinos D. A. Le Despotat grec de Morée. T. 1 (Histoire politique). Athènes, 1932. P. 198–201.

¹⁶² Georgii Sphrantzae Chronicon / A cura di R. Maisano. [Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 29]. Roma, 1990. P. 58.5–7.

¹⁶³ *Ibid.* P. 58.8–10.

амбиции морейских деспотов, хотя нельзя сказать, что Мурад II проявлял до этого какой-то явный интерес к делам на Пелопоннесе. Османская экспедиция Турахан-бея, предпринятая еще в 1423 г., имела, вероятно, разведывательный характер; она оказалась непродолжительной и завершилась разрушением восстановленного в 1415 г. Мануилом II Гексамиллиона¹⁶⁴. Впоследствии, чтобы предотвратить расширение владений морейских деспотов, с турецкой стороны было предпринято несколько масштабных походов на Пелопоннес: в 1431, 1435, 1446 и 1452 гг.

Напряженность во взаимоотношениях византийцев с османами проявилась еще в 1437 г., когда султан выразил недовольство намерением императора Иоанна VIII Палеолога отправиться на собор в Италию для заключения унии. Деспот Константин Палеолог, которому было поручено управление столицей на время отсутствия василевса, в 1438 г., опасаясь нападения турецкой армии на Константинополь, даже обращался за помощью к венецианцам, прося отправить для защиты города три галеры¹⁶⁵. Несмотря на то, что ожидаемого нападения на столицу не произошло, беспокойная обстановка внутри империи провоцировала морейских деспотов, в частности Константина, сконцентрировать в своих руках как можно больше военных ресурсов для противостояния османской угрозе.

Так, 40-е гг. XV в. стали временем повышения внешнеполитической активности морейских деспотов по наращиванию Мистрой политического веса в регионе. К 1444 г. Константин Палеолог сумел захватить большую часть земель Афинского герцогства¹⁶⁶. Именно это, по всей вероятности, спровоцировало реакцию со стороны османского государя: в 1446 г. османская армия двинулась на Пелопоннес и вновь разрушила Гексамиллион¹⁶⁷, а Константин, потерпев поражение, был вынужден бежать в Мистру и признать вассальную зависимость от османов. Султан, очевидно, стремился пресечь возможность распространения влияния византийцев в Греции и усиления их военного потенциала, что ему, в сущности, удалось.

Таким образом, 20-е гг. XV в. завершились объединением территорий на Пелопоннесе, находившихся ранее в руках латинских феодалов, под властью морейских деспотов. Стремление Константина Палеолога, опасавшегося нараставшей угрозы со стороны турок, укрепить военный потенциал Морей и расширить зону своего влияния в 40-е гг. XV в. привело к вторжению османской армии на Пелопоннес, что осложнило и без того напряженные отношения с османами и фактически спровоцировало османские военные кампании в Морее, предпринятые турками в последующие годы.

¹⁶⁴ Laonikos Chalkokondyles. P. 394.5.26.

¹⁶⁵ См.: Куц Т. В. Несостоявшийся османский поход на Константинополь в 1438 г. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 146–148.

¹⁶⁶ Медведев И. П. Мистра. С. 37.

¹⁶⁷ Aşık-Paşa-Sohn. Denkwürdigkeiten und Zeitläufte des Hauses Osman / Übers., eingel. und erklärt von R. F. Kreutel. Graz; Wien; Köln, 1959. S. 178.114.

Е. С. Зайцева

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

**Позднеантичная сенаторская аристократия и императоры
в IV в.: от конфронтации к взаимодействию***

Среди исследователей долгое время господствовало мнение о непрерывном снижении роли позднеантичной сенаторской аристократии в государственном управлении¹⁶⁸. Однако просопографический анализ этого социального слоя дает иную картину назначений и административных каналов, открытых для знати.

Проанализировав данные о 463 аристократах, занимавших высшие должности в IV в., мы пришли к следующим выводам. Количество доступных аристократам должностей не было постоянным: в IV в. оно неизменно увеличивалось. Регулируя назначения на ту или иную должность, императоры были вынуждены соотносить свои действия с общей социально-политической ситуацией в империи, а не руководствоваться исключительно личным отношением к высшему социальному слою. В эволюции назначений аристократов можно выделить несколько этапов.

Правление императора Диоклетиана (284–305) стоит рассматривать в качестве отдельного периода. Выходец из низов общества, в попытках найти выход из кризиса, охватившего империю, Диоклетиан резко сократил круг должностей, потенциально доступных представителям сенаторской аристократии. Традиционные элиты могли занимать лишь должности наместников Африки (в ранге проконсула), Келесирии (в некогда всадническом ранге презида), италийские и ахейские наместничества (в ранге корректора), городскую префектуру. При этом, что касается Африки, то она была разделена на три части, так что зона ответственности каждого из наместников резко сокращалась. Крайне необычным в приведенном списке выглядит сирийское наместничество, поскольку эта провинция не являлась традиционно сенаторской. Это была единственная уступка аристократам во времена тетрархии. В общем же правление Диоклетиана — период, когда сенаторская карьера не давала возможности занять высокую должность в империи.

Император Константин I (306–337) инициировал масштабную административную реформу, которую продолжил и его сын Констанций II (337–361). Вероятно, с целью привлечь на свою сторону представителей знати, часть которой служила узурпатору Максенцию (306–312), а также компенсировать введение специального сенаторского земельного налога

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2.

¹⁶⁸ *Matthews J. F.* Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364–425. Oxford, 1975. P. 1–12; *Буркхард Я.* Век Константина Великого. М., 2003. С. 355–356. В ряде работ намечается тенденция к переосмыслению этой точки зрения. См., напр.: *Arnheim M. T. W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 39–102; *Barnes T. D.* Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Chichester, 2011. P. 83–84.

collatio glebalis (С.Th. VI.2.12), Константин I значительно расширил *cursus honorum* аристократов. Западным сенаторам стали доступны наместничества в ранге презида, корректора, консуляра в ряде провинций. Статус наместника некоторых регионов был повышен до проконсула. Что особенно примечательно, знати было позволено управлять в ранге презида не только традиционно сенаторскими провинциями, находившимися в Африке и Испании (Бизаценой, Нумидией, Галлецией, Лузитанией), но и Лугдунской Первой, Сардинией и Британией, которыми исторически руководили всадники. Кроме того, Константин создал ряд «специальных» должностей с обширными полномочиями для отдельных влиятельных аристократов, так Луций Арадий Валерий Прокул Популоний занимал должность *consularis provinciae Europae et Thraciae* (CIL VI.1690), а Луций Креперей Мадалиан — *consularis Ponti et Bithyniae* (CIL VIII.5348).

Констанцию II, в отличие от отца, не пришлось утверждаться у власти, она перешла к нему по наследству. Несмотря на это, *cursus* сенаторов еще больше расширился. Для них стала доступна одна из высших должностей в империи: пять из семи преторианских префектов, известных при Констанции II, были выходцами из родовитых фамилий. Примечательно, что знатным был и префект Востока 338–340 гг. Септимий Ацидин (С.Th. II.6.4). Ряд других западных аристократов также занимали высокие должности на Востоке: Марк Меций Цецилиан Плацид, Вулкаций Руфин, Фабий Тициан, Эгнаций Лоллиан были *comites ordinis primi*, а первые два также занимали должность *comites Orientis*.

Несмотря на явно антиаристократические настроения, по отношению к назначениям сенаторов император Валентиниан I (364–375) вынужденно оставался в русле политики, заложенной Константином I и Констанцией II. Правлением Валентиниана ограничивается второй период.

И, наконец, третий этап относится ко времени правления императоров Грациана (367–383) и Феодосия I (379–392). Грациан впервые отказался занять должность великого понтифика и жестко ограничил возможности исполнения языческих культов на территории империи (Zos. IV.36), что более всего ударило по родовитым семьям, приверженцам отеческих богов. Взамен в правление Феодосия I западные аристократы добились возможности регулярно занимать должность *comites ordinis primi intra consistorium*. Они становились советниками правителя, принимавшими участие в работе императорского консистория. Кроме того, аристократам на постоянной основе оставалась доступна еще одна должность при императорском дворце. Именно один из лидеров борьбы за Алтарь Победы Вирий Никомах Флавиан в конце IV в. стал *quaestor intra palatium* (CIL VI.1782), эту же должность занимал Цецина Деций Альбин (Symm. Ep. VII.47) в 398/401 гг.

Таким образом, в IV в. политическая ситуация диктовала правителям необходимость более плотного взаимодействия с сенаторской аристократией. Со времени правления Константина I их полномочия только расширялись. Связанные сетью родственных уз, аристократы становились реальной

политической силой, что в V в. привело к выдвижению из рядов западной сенаторской аристократии нескольких кандидатов на императорский престол.

А. В. Зыкова

Волгоградский государственный университет

На чьей стороне? Константинопольский патриархат и гражданские войны в Византии в первой половине XIV в.

Первая половина XIV столетия в Византии была представлена чередой внутренних конфликтов, отличавшихся друг от друга по форме и содержанию, кульминацией которых стали три гражданские войны (1321–1328, 1341–1347, 1352–1357 гг.), столкнувшие друг с другом не только членов правящей семьи Палеологов, но и различные социальные группы. Противоборствующие стороны стремились заручиться поддержкой сильных союзников, в том числе и константинопольских патриархов, поддержка которых могла упрочить положение тех, кто находился у власти или же стремился ее получить.

Политическим событиям византийской истории рассматриваемого периода посвящено достаточно большое количество общих и специальных работ, исследовавших те или иные аспекты т. н. эпохи гражданских войн¹⁶⁹. Однако проблеме вовлеченности высших церковных иерархов во внутренние конфликты в Византии в первой половине XIV в. уделялось не столь значительное внимание. К тому же исследователи освещали участие патриархов главным образом в войне между двумя Андрониками (1321–1328)¹⁷⁰, нежели в противостоянии домов Палеологов и Кантакузинов на протяжении 40–50-х гг. XIV в. Тем не менее существующий на данный момент массив научной литературы не позволяет в полной мере говорить о высокой степени разработанности данной проблемы. Задачей нашего исследования является определение специфики отношений церкви и государства в период гражданских войн.

Исходя из анализа источников, можно определить степень вовлеченности константинопольских патриархов в гражданские войны в первой половине XIV в.:

¹⁶⁹ *Bosch U. V.* Kaiser Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. Amsterdam, 1965; *Κόρρης Κ. Π.* Τὸ Βυζάντιον κατὰ τὸν ἸΔ' αἰῶνα. Τ. 1 (Ἡ πρώτη φάσις τοῦ ἐμφυλίου πολέμου καὶ ἡ πρώτη συνδιαλλαγή τῶν δύο Ἀνδρονίκων (20.IV — φθινόπωρον 1321): ἐσωτερικὰ καὶ ἐξωτερικὰ προβλήματα). Λευκωσία, 1982; *Matschke K.-P.* Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971; *Радић Р.* Црно столеће: време Јована V Палеолога (1332–1391). Београд, 2013.

¹⁷⁰ *Лебедев А. П.* Исторические очерки состояния Византийско-Восточной церкви от конца XI до половины XV веков. М., 1902; *Nicol D. M.* Church and Society in the Last Centuries of Byzantium. Cambridge, 1979; *Лысинов П. И.* Государство и церковь в Византии в период гражданской войны 1321–1328 гг.: император Андроник II Палеолог и патриархи Герасим и Исая // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. 2016. Т. 21. № 5. С. 137–148.

Непосредственное участие в гражданских войнах. Здесь следует отметить только одного патриарха — Иоанна XIV Калеку (1333–1347), который в годы гражданской войны 1341–1347 гг. открыто поддержал малолетнего наследника престола Иоанна V Палеолога и его мать Анну Савойскую в их борьбе против Иоанна Кантакузина. Причины активного участия Калеки в конфликте, по мнению нарративных источников, так или иначе были связаны с желанием патриарха не допустить вмешательство Кантакузина во внутрицерковные дела. Являясь непосредственным участником триумvirата, он последовательно проводил политику борьбы с Кантакузином и его сторонниками.

Использование патриархов в своих целях участниками конфликта. К этой группе следует отнести двух патриархов Исидора I (1347–1349) и Филофея Коккина (1353–1354, первое патриаршество), которые были избраны на патриаршую кафедру исключительно с целью обеспечить поддержку Иоанну Кантакузину в планомерном захвате власти и учреждении новой императорской династии. К примеру, Исидор был поставлен во главе Константинопольской церкви только потому, что согласился снять анафему с Кантакузина, которая была наложена на последнего Иоанном XIV Калекой, и возложить на его голову императорский венец. Филофей Коккин был избран патриархом при схожих обстоятельствах: одна из целей его деятельности как главы церкви заключалась в том, чтобы венчать сына Кантакузина Матфея на царство, обеспечив таким образом переход императорской власти в руки Кантакузинов. Не последнюю роль в избрании этих патриархов сыграла их приверженность учению Григория Паламы, которое поддерживал Кантакузин.

Скрытое участие патриархов в гражданских войнах. Сюда следует отнести патриархов, которых выдвигавшие их императоры планировали изначально использовать исключительно в своих интересах, однако те, исходя, вероятно, из своих личных симпатий, убеждений или руководствуясь целью извлечения собственной выгоды, принимали сторону их противников, становясь, таким образом, участниками конфликта. Ярким представителем этой группы является патриарх Каллист I (1350–1353, 1355–1363), который изначально был поставлен на патриаршую кафедру, будучи сторонником учения Паламы, однако впоследствии разошелся с Кантакузином в вопросе коронации его сына Матфея, посчитав эти действия неправомерными, в результате чего был подвергнут опале и смещен. Поддержав в этот момент право Иоанна V Палеолога занять константинопольский престол, Каллист стал непосредственным участником гражданской войны 1352–1357 гг. Менее очевидна принадлежность к этой группе двух патриархов, занимавших кафедру в годы гражданской войны между двумя Андрониками (1321–1328), — Герасима (1320–1321) и Исайи (1323–1332), — поскольку их участие во внутренних конфликтах не столь очевидно. Впрочем, они также стали участниками конфликта, когда более

(Исайя) или менее (Герасим) явно поддержали Андроника III в его борьбе со старым императором.

Таким образом, отметим, что патриархи являлись важными фигурами в политических баталиях в Византии в первой половине XIV в. Они рассматривались в качестве лидеров противоборствующих сторон и как необходимые союзники, способные обеспечить лояльность населения, а также поддержку и продвижение той или иной политической идеологии. Патриархи, в свою очередь, также стремились, особенно в период политической напряженности, извлечь собственные выгоды из своего положения, в связи с чем становится очевидна взаимозависимость государственных и церковных интересов. Впрочем, среди мотивов, которые побуждали владык принять ту или иную сторону, могло присутствовать их личное отношение к политическим лидерам, что особенно характерно для гражданских войн 40–50-х гг. XIV в.

А. В. Иванов

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

**Культурный ландшафт Южного бережья Византийской Таврики,
территория и акватория**

Около тысячи лет назад на Южном побережье Крымского полуострова формируется ряд малых приморских городских поселений. Опираясь на данные письменных источников, подкрепленные археологическими изысканиями к таковым, определенно можно отнести средневековые Алушту, Гурзуф, Партенит, Балаклаву, Ялту и, возможно, Ламбат¹⁷¹. В их формировании и дальнейшем существовании определяющую роль сыграли морские коммуникации, сложившиеся у побережья Крыма. Навигационная активность в прилегающей к Крымскому полуострову черноморской акватории фиксируется источниками на протяжении всего исторического периода, связанного с Византией¹⁷². В данной связи перспективной исследовательской задачей представляется рассмотреть памятники Южного берега Крыма византийского времени в контексте концепции «прибрежного культурного ландшафта» (Maritime cultural landscape).

В течение двух последних десятилетий наблюдается устойчивое усиление академического интереса к изучению объектов морского культурного наследия, что особенно заметно в развитии подводной археологии. Очевидно, что внимание исследователей проводящих гидроархеологические изыскания, в основном, акцентируется на предметах

¹⁷¹ *Ivanov A.V.* Medieval ports of the Southern coast of Crimean peninsula. Navigation and urbanization.// *Medieval Ports in North Aegean and Black Sea. Links to the Maritime Routes of the East.* Thessalonike. 2013. P. 80-92.

¹⁷² *Иванов А.В.* Навигационно-археологическое обозрение побережья юго-западного Крыма от м. Херсонес до м. Сарыч.// *Морська торгівля в Північному Причорноморі.* Киев, 2001, - С. 225-228.

материальной культуры и ограничивается собственно подводными объектами, в свою очередь исследование археологических памятников на побережье также не в полной мере учитывает историческую и культурную специфику жизни приморского региона. Представляется небесполезным объединить указанные штудии в исследовательской программе основная задача коей может быть сформулирована как изучение функциональной взаимосвязи территорий и акватории в системе единого историко – географического комплекса или «культурного ландшафта» определяемого в качестве «совместного произведения человека и природы, представляющего собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической и культурологической информативности»¹⁷³.

По отношению к прибрежным территориям содержание понятия «культурный ландшафт» имеет свою специфику, ее аспекты обсуждаются в работах как иностранных, так и отечественных исследователей. Собственно понятие «прибрежного культурного ландшафта» предложено шведским автором К. Вестердалем¹⁷⁴ и определяется им как «совокупность сети судовых маршрутов с прибрежными портами, убежищами и гаванями, а также связанные с ними сооружения и другие остатки человеческой деятельности, как подводные, так и наземные». В отечественных публикациях сущность предмета толкуется более пространно как «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия водного пространства и человека, его социокультурной, хозяйственной деятельности, сопутствующих данной деятельности явлений и включающий материальные и нематериальные сочетания взаимосвязанных природных и культурных компонентов на земле и под водой»¹⁷⁵. Сам автор, касаясь близкой проблематики, рассматривая особенности локальной акватории у ЮЗ побережья Крыма и выделяя археологические объекты расположенных в прибрежной полосе, прямо или косвенно связанные с навигацией и морскими промыслами использовал дефиницию «навигационно-археологическое обозрение побережья»¹⁷⁶.

В качестве иллюстрации предлагаемого подхода представляется полезным обратиться к весьма интересному источнику, ранее не привлекавшему внимания исследователей – одной из старейших отечественных карт Южного берега Крымского полуострова, созданной,

¹⁷³ Ведин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М. 2004. С. 15-16.

¹⁷⁴ Westerdahl C. The Maritime Cultural Landscape // International Journal of Nautical Archaeology. 1992. vol. 21(1). P. 6.

¹⁷⁵ Николаев И. Р. Прибрежный культурный ландшафт: история и теория концепции. // Человек. Культура. Образование — Human. Culture. Education, 2020,- № 4(38), С. 97.

¹⁷⁶ Иванов А. В. 2001, С. 222- 232.

между 1771-74гг.¹⁷⁷ Рукописный обзорный чертеж представляет еще вполне османский Крым, сохранивший элементы исторической топографии очевидно восходящие еще к византийскому времени. Карта примечательна именно тем, что отражает функциональные связи «территории и акватории»: на ней отмечены места якорных стоянок – «способных при берегу пристаней»¹⁷⁸ и местоположение соотнесенных с ними известных исторических поселений (В – деревни у пристаней), фигурирующих как в фискальных документах османского времени, так, отчасти, и в более ранних источниках относящихся к византийскому периоду, участков берега как недоступных – «G - крутой берег» так и удобных для высадки, детали хозяйственного ландшафта - «K- деревья и сады в лощинах». Нанесены и охарактеризованы сухопутные коммуникации, связывающие южнобережные селения между собой и с внутренними районами полуострова (X - дорога от Байдар до Ялты весьма гориста и камениста, так что едва верховую лошадью проехать можно). На карте, присутствуют даже отдельные «археологические» объекты - «O- башни на горах» и «P- следы оснований древних укреплений» в их числе городище Херсона¹⁷⁹.

Таким образом, рассматриваемая карта несет значительный объем информации об элементах «прибрежного культурного ландшафта» свойственного южнобережью. При его комплексном исследовании представляется важной задача структурирования составляющих его элементов и объединения их в логически и функционально связанные «модули»¹⁸⁰.

Коммуникационный:

«В направлении моря» – город (поселение) и его порт, порт – гавань, якорные стоянки и бухты убежища, маяки, зона морских промыслов, каботажные и трансграничные судоходные пути. «В направлении суши» - приморский город и ориентированная на него сельская округа, система сухопутных коммуникаций между собственно приморскими поселениями, а также приморскими и внутренними районами региона.

Экономический и ресурсный:

Припортовый торг, экспортно-импортные грузопотоки и товарно - денежные отношения, ассортимент и источники получения региональной продукции для морской торговли.

Хозяйственный:

¹⁷⁷ Карта береговой черты Крымского полуострова от Судака до Балаклавы. РГВИА. ф. 846, оп. 16, д. 23681-1

¹⁷⁸ Обозначены изображением якоря.

¹⁷⁹ Обозначен как «город Чурчи» - крайняя форма искажения греческого топонима.

¹⁸⁰ За основу взята схема структурирования «прибрежного культурного ландшафта» см. Николаев И. Р. Прибрежный культурный ландшафт: определение и содержание понятия // Мировые тренды и музейная практика в России : сборник статей международной научной конференции. М.: РГГУ, 2019.С. 241–249; 2020, - С. 90-105.

Ландшафтно – хозяйственное зонирование приморских территорий – границы селитебных территорий, антропогенного и естественного ландшафтов. Морские промыслы в структуре хозяйственного комплекса прибрежных поселений. Ресурсная и производственная база обеспечения морских коммуникаций и промыслов (в т.ч. верфи и местные традиции и технологии судостроения).

Политико – административный и миграционный:

«Море в формировании ландшафта власти» - морские коммуникации в обеспечении подчинения территорий и их администрирования, приморские центры размещения структур власти, прибрежные укрепления, таможни, системы сигнализации и передачи сообщений.

Роль морских коммуникаций в миграционных процессах, этнической истории и формировании антропологического состава населения региона.

Ритуальный и ментальный:

Топография культовых объектов в прибрежной полосе, их дополнительная функциональная нагрузка применительно к обеспечению навигации. Прибрежная топонимика, местная фольклорная традиция, традиционные верования, ритуальные практики, приметы, суеверия.

К сожалению, установленный объем публикации не позволяет «насытить» предлагаемую схему фактическими данными касательно рассматриваемого региона. Однако практическая реализация изложенного подхода представляется перспективной для дальнейшего исследования исторического ландшафта византийской Таврики.

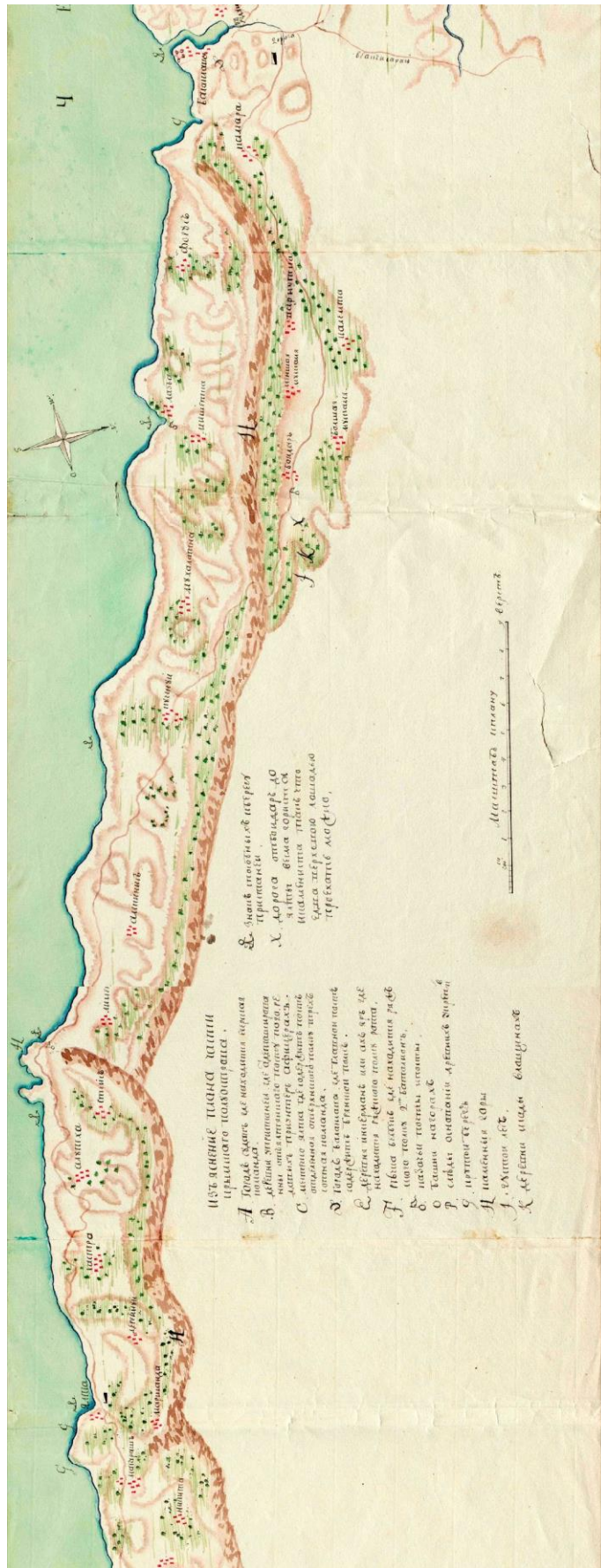

Рис. 1

С. В. Иванов, С. М. Зеленко, С. А. Царенко, С. А. Хохлов

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Высокогорлые кувшины и амфоры «причерноморского типа» на подводных археологических памятниках в акватории Таврики

На протяжении последних десятилетий, исследователи подводных археологических памятников сталкивались с синхронными находками амфор «причерноморского типа» и высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Датировка этих двух типов керамической тары попадает практически на один период средневекового времени. Амфоры «причерноморского типа» датируются от второй четверти VIII в. до начала XI в.¹⁸¹ Высокогорлые кувшины датируются от второй половины IX в. до XI – начала XII вв.¹⁸²

1. Корабельная стоянка у горы Опук

Гора Опук расположена на южном берегу Керченского полуострова. На западном склоне Опука локализован античный город Киммерик и согласно итальянским картам-портуланам, средневековое поселение Чепико. На расстоянии 2,5 морских миль, мористее от берега, расположен остров Элькен-Кая, известный как скалы «Корабль-Камень».

В 1987 г. Боспорский подводно-археологический отряд Ленинградского Отделения Института Археологии АН СССР и в 2009–2011 гг. «Центр подводной археологии» Киевского университета имени Тараса Шевченко обследовали акваторию острова Элькен-Кая. Аквалангисты обнаружили керамический материал средневекового времени VIII–XIII вв., среди которого присутствуют амфоры «причерноморского типа» и высокогорлые кувшины с плоскими ручками.

2. Кораблекрушение в бухте, у поселка Коктебель

В 2014–2019 гг. археологические разведки в акватории поселка Коктебель Феодосийского городского округа проводили музей-заповедник «Судакская крепость», Черноморский центр подводных исследований совместно с Институт археологии Крыма РАН. На участке возле мыса Мальчин обнаружили размытые зимними штормами и течениями фрагменты амфор «причерноморского типа», а также фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Однотипный археологический материал, сконцентрированный в одном месте, по мнению исследователей, свидетельствует о кораблекрушении.

3. Кораблекрушение в бухте, у поселка Новый Свет

В акватории западной части бухты Зеленая, на берегу которой расположен п. Новый Свет в Юго-Восточном Крыму, с 90-х годов XX в., ежегодно проходят подводные археологические исследования. К настоящему моменту на археологическом комплексе локализовано три

¹⁸¹ Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. С. 151

¹⁸² Там же. С. 163–164.

средневековых кораблекрушения¹⁸³. Археологический материал разбросан по поверхности дна бухты и находится в слое грунта от 0,5 до 1,5 м. Материал можно отнести к трем хронологическим периодам, что позволяет говорить о трех кораблекрушениях — IX–X вв., X–XI вв., а также XIII в. (согласно письменного источника 1277 г.). Все три кораблекрушения частично накладываются друг на друга.

Кораблекрушение IX–X вв. расположено в бухте Зеленая, мористее на юг, под резко обрывистым берегом горы Коба-Кая на глубине от 10 до 14 м. Археологический материал залегает в слое грунта от 0,5 до 1,5 м и представляет собой груз амфор «причерноморского типа», а также высокогорлых кувшинов с плоскими ручками.

4. Кораблекрушение в акватории поселка Семидворье

В 2008–2009 гг. международным подводным отрядом археологической экспедиции Крымского филиала Института археологии НАН Украины проведены подводные разведки Южного берега Крыма. На участке от м. Сотера до балки Семидворская обнаружено скопление средневековой керамики VIII–X вв. Участок расположен к северо-востоку от балки, возле выступающих из воды камней в прибрежной зоне, на глубине от 6 до 11 м и залегает в каменисто-песчаном грунте. Место находки, характер и концентрация материала исследователи идентифицировали как кораблекрушение¹⁸⁴. Керамический материал представлял фрагменты амфор «причерноморского типа» двух вариантов и высокогорлых кувшинов с плоскими ручками.

5. Кораблекрушение в акватории поселка Утес

Первые подводные археологические работы в акватории поселка Утес у мыса Плака, были проведены «Центром подводной археологии» Киевского университета имени Тараса Шевченко с 1991 по 1995 гг. Исследователи университета локализовали три участка с археологическим материалом, датированным с IV до н. э. по XIV н. э. В 2007–2011 гг., акваторию у мыса Плака и горы Аю-Даг исследовали археологи Крымского филиала Института археологии НАН Украины, совместно с Институтом археологии Варшавского Университета¹⁸⁵. В 2020–2021 гг., на объекте культурного наследия «Средневековая корабельная стоянка в акватории мыса Плака» археологические разведки проводил Институт археологии Крыма РАН. Разнообразный керамический материал зафиксирован в западной части исследуемой акватории. В основном это

¹⁸³ Горбунов П. А., Иванов С. В., Зеленко С. М. Подводные археологические исследования в акватории Судакской бухты у поселка Новый Свет в 2019 году // История и археология Крыма. 2020. Вып. 13. С. 129.

¹⁸⁴ Герасимов В. Е. Подводно-археологические исследования на Черноморском шельфе Южного берега Крыма в 2008–2009 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. К.: ІА НАН України, 2010. С. 73–74.

¹⁸⁵ Герасимов В. Е. О работе подводно-археологической экспедиции КФ ИА НАНУ на шельфе Южного берега Крыма в 2009–2011 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. К.: ІА НАН України, 2010. С. 35–36.

два вида керамической тары. Первый — высокогорлые кувшины с плоскими ручками, второй — амфоры «причерноморского типа».

6. Карантинная бухта Херсонеса Таврического

Археологические разведки с осуществлением локальных земляных работ, проводимые в 2019 г. экспедицией Отдела подводной археологии Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» в западной части Карантинной бухты, обнаружили фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и амфор «причерноморского типа»¹⁸⁶.

7. Якорная стоянка в бухте Матюшенко

(Северная сторона Севастопольской бухты)

Археологические разведки акваторий бухт Гераклейского полуострова в 2019 г., экспедицией Отдела подводной археологии Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» позволили обнаружить в бухте Матюшенко крупные фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и амфор «причерноморского типа»¹⁸⁷.

Михаил Казанский

*CNRS - UMR 8167; Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского (Париж-Симферополь)*

Восточная Империя, Киммерийский Боспор, готы и гунны (V–VI вв.)*

Керченский пролив, между Крымом и Таманским полуостровом, был важным стратегическим пунктом в период поздней античности и высокого средневековья. Боспор Киммерийский служил «плацдармом» Восточной Римской империи в северопонтийском и северокавказском Барбарикуме, чем и объясняются как прямые византийские военные интервенции, так и большая дипломатическая активность в этом районе. В то же время Керченский пролив имел очень важное значение, во-первых, как место перехода кочевников из степей Кавказа в Крым, во-вторых, как узловой пункт морской дороги между Понтом и Меотидой – бассейном Танаиса. Конечно, эта выгодная стратегическая позиция привлекала варваров – готов, гуннов, тюрков, последовательно занимавших берега Керченского пролива в V–VI веках. Таким образом, история Киммерийского Боспора в ранневизантийское время представляет собой, по сути, непрекращающуюся хронику борьбы между Империей и варварами за господство в Восточном Крыму и на Таманском полуострове.

¹⁸⁶ Букатов А. А., Дюженко Т. В. Подводные археологические разведки в акватории Черного моря от мыса Лукулл до мыса Сарыч в бухтах Карантинная, Круглая, Казачья, Матюшенко в 2019 году // История и археология Крыма. 2020. Вып. 13. С. 85–96.

¹⁸⁷ Там же. С. 88.

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

Археологические и эпиграфические источники свидетельствуют, что, несмотря на политические и военные потрясения, сильная эллинизированная аристократия сохраняла свои высокие позиции на Боспоре Киммерийском. Привилегированные гробницы боспорских аристократов хорошо известны для V–VI веков (Керчь/Боспорос, Сенная/Фанагория, Джурга-Оба/Китей). Погребальный инвентарь в боспорских фамильных склепах элит содержит «этнографические» женские украшения восточногерманского типа. Это свидетельствует об интеграции готов в социальную верхушку Киммерийского Боспора и подтверждает свидетельство Иоанна Златоуста о существовании здесь готского «царя» около 400 г. В VI в. предметы восточногерманской традиции, происходящие со Среднего Дуная и Восточных Балкан, а также из остроготской Италии, завоеванной Юстинианом, появляются в некрополях Боспора Киммерийского. Во многом это связано с прибытием семей готских воинов из византийского экспедиционного корпуса.

С другой стороны, кочевники – гунны, болгары или тюрки, относительно мало засвидетельствованы в погребальном материале этого региона. Однако некоторые исключительные находки, такие как знаменитая гуннская диадема полихромного стиля, происходящая из Керчи, могут свидетельствовать о присутствии степных кочевников в составе правящей верхушки Боспора Киммерийского.

А. Ю. Казарян

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва)

Новации в произведениях столичной школы армянской архитектуры эпохи Багратидов*

Представления о месте художественного явления в искусстве эпохи неразрывно связано с нашей оценкой специфики этого явления, с пониманием характера новаций. Поэтому при изучении архитектуры Ани — важного феномена восточно-христианского зодчества, — мы обязаны выявить комплекс новых черт, которые появились в эпоху первого расцвета этого города, пришедшегося на правление царского рода Багратуни или Багратидов. Вслед за основанием города в 961 г. и его быстрым расширением в последней трети X в., Ани фактически превращается в

* Исследование выполнено в рамках проекта гранта Российского научного фонда «Архитектура и монументальное искусство Ани как феномен мировой художественной культуры. Становление столичной школы армянского зодчества X–XIV веков», № 22-18-00354.

столицу Армении, почему мной было предложено именовать анийскую архитектурную школу, впервые выделенную П. Кунео¹⁸⁸, столичной¹⁸⁹.

В рамках настоящего исследования, ограниченного церковной архитектурой — ведущим направлением средневекового зодчества, — намечены новации в произведениях анийских мастеров последней трети X — первой половины XI в. Имевшие место предыдущие попытки решения вопроса прошли путь от обсуждения, в основном, архитектурной типологии и отдельных форм памятников до замечаний, касающихся стилистических новаций¹⁹⁰.

Именно с типологии следует начать выявление новых черт анийских церквей. Считается, что она оставалась неизменной, заимствованной из традиции VII в. Но в последнее время, раскрывая особенности Анийского кафедрального собора, отмечают соединение в нем зодчим Трдатом идеи четырехстолпного крестовокупольного храма с характеристиками архитектурного типа купольного зала, в том числе свойственной ему каркасной конструктивной системы. Пристрастие к каркасной системе, с соединением ее с более традиционной для армянской архитектуры «стеновой», проявилось в преобразовании композиций церквей типа поликонхов: с шестью и восемью экседрами. Совершенно необычным было придание особой роли внешней кольцевой стене в архитектуре церкви Св. Григория Просвятителя, построенной царем Гагиком и зодчим Трдатом по образцу Звартноца. Намеренное утолщение стены было нацелено на поддержание стабильности внутренней структуры, созданной Трдатом с особой смелостью в повышенных по сравнению с образцом пропорциях.

К новациям в типологии следует добавить упорядочение вариаций внешнего облика храма. Из всего разнообразия моделировки внешней композиции, свойственного раннехристианской архитектуре Армении, заказчиками и мастерами Ани было выбрано две идеи: с прямоугольным, чаще всего приближенным к квадрату, периметром стен и с многогранной, условно круглой стеной. В эти два типа экстерьера вписывались всевозможные внутренние композиции. Показательными являются круглые храмы, со всей очевидностью возрождавшие архитектурную идею античной

¹⁸⁸ *Cuneo P.* L'architettura dell scuola regionale di Ani nell'Armenia medievale. Roma: Academia nazionale dei lincci, 1977.

¹⁸⁹ *Казарян А. Ю.* Столичная школа армянской архитектуры эпохи Багратидов. Новый обзор развития // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 8. М.; СПб., 2017. С. 87–116.

¹⁹⁰ *Cuneo P.* L'architettura...; *Donabédian P.* L'éclatante couronne de Saint-Serge: Le monastère de Xckōnk' [Khätzkonq] et le dôme en ombrelle dans l'architecture médiévale // *Revue des études Arméniennes.* 2018–2019. Vol. 38. P. 195–355; *Казарян А.* Анийская школа армянской архитектуры в конце X века. Предчувствие «готики» // *Древнерусское искусство. Византийский мир: региональные традиции в художественной культуре и проблемы их изучения. К юбилею Э. С. Смирновой / Ред.-сост. М. А. Орлова.* М.: Государственный институт искусствознания, 2017. С. 197–208; и др.

купольной ротонды¹⁹¹. Аналогично, причем по результатам анализа архитектуры большой церкви монастыря Мармашен (1029 г.), ряд построек с прямоугольной основой предлагаю условно именовать купольными «периптерами». Совпадение количества пилястр аркатуры мармашенской церкви с количеством колонн на сторонах античного храма в Гарни, позволяет предполагать намерение заказчика (имеются косвенные исторические основания) сблизить традиционный образ церкви, во многом связанный с кафедральным собором, с чертами Гарнийского храма, функционировавшего в то время в качестве мартирия.

Совершенно новаторскими выглядят композиции нескольких функционально необычных построек 30-х гг. XI в.: Пастушьей церкви вне стен Ани, триумфальной арки и многоколонного жаматуна монастыря Оромос. Однако и в них можно заметить принципиальные преобразования позднеантичных образов.

В интерьерах анийских церквей проявлены две тенденции. Первая, разработанная Трдатом еще при строительстве кафедрального собора, связана с приданием формам внутреннего пространства изящества и максимального устремления ввысь, к сводам и куполу. Отсюда появление столбов и пилонов с множеством вертикальных членений, определяющих и изрезанную в плане форму из баз и импостов, и множественность как бы наложенных друг на друга арок, и легкая стрельчатость некоторых из них. Это те черты, которые позволяли исследователям средневековой архитектуры сравнивать интерьер Анийского собора с романскими и готическими. В унисон с этой тенденцией звучит интерпретация наружной аркатуры и перспективные порталы.

Вторая тенденция проявилась в первой половине XI в., когда предпочтение стали отдавать обобщенным формам и широким гладким аркам. Изменениям подверглась и аркатура, получившая большую упорядоченность и, соответственно, большую склонность к роли ордера.

В докладе будет обращено внимание на новые формы цоколей, порталов, окон, учитывающих откровенную антиклизацию архитектуры на всем протяжении эпохи. В основе новаций, несомненно, лежало пронизывающее столичную архитектуру эпохи Багратидов стремление к совершенствованию архитектурного образа христианского храма.

¹⁹¹ *Kazaryan A.* The Theme of a Domed Rotunda in Ani School of Armenian Architecture during the Bagratids' Era: Interpretation of the Classical Image // *DISEGNARECON*. 2020. Vol 13. No. 25; *Traveling from the Orient to the West and return. Cities, Architecture and Restoration. Writings in memory of Paolo Cuneo* // Editors S. Ciranna, P. Girardelli. URL: <http://disegnarecon.univaq.it/ojs/index.php/disegnarecon/article/view/763>

К. М. Карашайски

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Образ иноземца-наемника в сочинении Кекавмена*

Институт иностранного наемничества является важной частью военно-политической истории Византии. Изучение этого феномена требует анализа и систематизации сведений о служивых иностранцах, проблемах их восприятия византийским обществом. Рост значения и количества иноземных контингентов в византийской армии XI в. нашел отражение в исторических сочинениях Михаила Пселла, Михаила Атталиата, Иоанна Скилицы и, особым образом, в «Советах и рассказах» Кекавмена. «Ни один другой источник не рассказывает того, что сообщает Кекавмен о положении иноземных наемников в империи»¹⁹², — отмечал Г. Г. Литаврин.

Сочинение Кекавмена известно по единственной греческой рукописи (№ 436), хранящейся в Отделе рукописей Государственного Исторического музея (датируется XIII, XIV, либо XV вв.)¹⁹³. Создание автографа относится к последней трети XI в. (после 1075 г.)¹⁹⁴. Впервые отдельные части произведения были опубликованы и переведены в 1881 г. В. Г. Васильевским, а полный текст — в 1896 г. (совместная работа В. Г. Васильевского и В. К. Ернштедта). Значительный интерес к этому источнику обусловил его переводы на европейские языки и появление пласта специальной литературы. В исследованиях рассматривались проблемы структуры и источниковой базы сочинения, личность, происхождение, мировоззрение, социально-политическое положение его автора и исторические реалии Византии XI в. Подробный историографический обзор был сделан Г. Г. Литавриным во введении и комментариях к его собственному изданию «Советов»¹⁹⁵.

Сочинение Кекавмена является важным источником по истории византийской армии первой половины XI в. Автор создавал свой труд в условиях продолжавшихся военно-политических преобразований: перехода империи от обороны к активной экспансии и последовавших за ней трансформации классической фемной системы и мерцитаризации («онаемничиванием») регулярных контингентов, значительную часть которых стали составлять иностранцы.

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

¹⁹² Кекавмен. *Советы и рассказы* / Пер., комм. Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 126.

¹⁹³ *Фонкич Б. Л.* О рукописи «Стратегикона» Кекавмена // *Византийский временник*. 1971. Т. 31. С. 108–120 (здесь: С. 109).

¹⁹⁴ Там же. С. 116; Кекавмен... С. 22, 36.

¹⁹⁵ Кекавмен. С. 7–131, 333–601.

Важно отметить: Кекавмен — профессиональный военный, выходец из средней прослойки провинциальной военной знати¹⁹⁶, принимавший участие в военных кампаниях первой половины – середины XI в. и лично знакомый с полководцами и государственными деятелями. Это обособляет «Советы» от прочих источников, чьими авторами выступали гражданские лица — византийские интеллектуалы, представители столичного чиновничества. Кекавмен точен в формулировках и терминологии, большое внимание уделяет деталям военной истории, положению армии («войско — слава василевса и сила дворца»¹⁹⁷). То же касается и этнического вопроса: Кекавмен не использует абстрактных обозначений «скиф» / «тавроскиф», не употребляется пейоратив «варвар» — всегда «иноземец», «иноплеменник», «чужеземец» (ἔθνικός, ξένος). По замечанию П. Лемерля, проблема «чужеземца» в «Советах» находится не в этнической, а в политической плоскости, сопряженности ромейскому государству и цивилизации¹⁹⁸. Религиозный фактор выражен в дихотомии общностей нехристианских (сарацины, евреи, еретики, язычники) и христианства, в котором варанги или франки не отличаются от ромеев, что отражается в неприменении термина «латиняне»¹⁹⁹.

Кекавмен не умаляет воинских качеств чужеземцев: использование наемников эффективно, когда они «служили за хлеб и одежду», но император не должен развращать их чрезмерной платой и дарами ради привлечения на службу. Напротив, Кекавмен обещает: «за кусок хлеба и одежду я приведу тебе иноплеменников, сколько ты пожелаешь»²⁰⁰; поток воинов-иностранцев не иссякнет вследствие значительного количества, а традиционная мотивация (обогащение) должна ограничиваться обычными выплатами. В то же время Кекавмен указывает василевсу на опасность плохого содержания гвардейцев: «Пусть и иноплеменные воины, окружающие царский трон, ... не терпят лишений, но получают сполна их ситиресий в свой срок ... и фураж и свою ругу в целости»²⁰¹. В противном случае они станут нелояльными, «непримиримыми врагами». Кекавмен, как и Скилица с Атталиатом, не являлся противником найма иноземцев, в

¹⁹⁶ Литаврин Г. Г., Каждан А. П. По поводу книги П. Лемерля о «Советах и рассказах» Кекавмена // Византийский временник. 1961. Т. 20. С. 270–296 (здесь: С. 284).

¹⁹⁷ Кекавмен. С. 321.

¹⁹⁸ Lemerle P. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et récits» de Kékauménos // Académie Royale de Belgique. Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques. Mémoires. T. LIV. Fasc. 1. Bruxelles, 1960. P. 80.

¹⁹⁹ Дробышев М. И. Иностранцы-христиане в «Стратегиконе» Кекавмена 1075–1078 годов // Вестник Пермского университета. 2020. № 1 (48). С. 115–121 (здесь: С. 116).

²⁰⁰ Кекавмен. С. 321.

²⁰¹ Там же. С. 293.

отличие от Пселла, выступавшего за исключительно ромейское войско в противовес «спесивым варварам»²⁰².

Протест вызывает у Кекавмена наделение чужеземцев высокими постами и титулами — факт, оскорбляющий достоинство ромея и разрушающий престиж империи. Никто «из блаженных василевсов не возвышали франка или варанга в достоинство патрикия»²⁰³ (возможная отсылка к персоне переводчика англичан патрикия Сфена²⁰⁴). Но значительную роль играет социально-политическое положение иноземцев, делящихся на иноплеменников из простонародья (ἐξ ἀγέλης ἔθνικόν) и тех, что «из царского рода своей страны» (ἀπὸ βασιλικῆς γένους τῆς χώρας αὐτῶν). Последние могут быть наделены рангами спафариев, спафарокандидатов и манглавитов. Кекавмен восхваляет Василия II, даровавшего «родному племяннику короля германцев» лишь титул спафария; с явной симпатией отзывается о Харальде Сигурдссоне, что «не роптал из-за того, что удостоился [лишь] ранга манглавита или спафарокандидата», но и став конунгом «сохранял верность и дружбу к ромеям»²⁰⁵.

Опосредованно сообщается и об отдельных аспектах воинской специализации: в пассаже об осаде Идрунта (Отранто) в 1064 г., в качестве гарнизона города упоминаются «росы и варанги, кондараты и моряки» (Ῥώσους καὶ Βαράγγους κονταράτους τε καὶ πλοῖμους). Подобное деление может обозначать использование варангов (скандинавов, британцев) в качестве флотских военнослужащих, а отрядов росов (скандинавских и славяно-скандинавских выходцев с территорий Руси) в сухопутных силах²⁰⁶.

Таким образом, среди источников по истории военного наемничества в Византии XI в. сочинение Кекавмена занимает особое место: текст содержит упоминания о месте и функциях служилых иноземцев в военно-административной структуре, персоналиях лидеров, отношении к ним в византийском обществе (особенно в среде военной знати). В его представлении наемнику, несомненно обладающему воинским мастерством, свойственны стремление к наживе, высокомерие и презрение к ромеям при получении высоких титулов. Служилые иностранцы, в представлении автора «Советов», для эффективности и «процветания Романии» должны находиться в подчинении византийцев, получая нечрезмерную, но достойную плату (особенно в случае с элитными подразделениями). Кекавмен четко разделяет

²⁰² *Михаил Пселл*. Хронография. Краткая история / Пер., прим. Я. Н. Любарского. СПб., 2003. С. 113.

²⁰³ Кекавмен. С. 293.

²⁰⁴ *Щавелев А. С.* «... Ни другой кто из блаженных василевсов не возвышали франка или варанга в достоинство патрикия...»: комментарий к фразе из «Советов и рассказов» Кекавмена // Византия и византийское наследие в России и мире. Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов / Под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. М., 2013. С. 288–290.

²⁰⁵ Кекавмен. С. 299–301.

²⁰⁶ Там же. С. 427–428.

иноземцев по вероисповеданию (христианин, нехристианин) и социальному происхождению (простолюдин, представитель знати).

С. П. Карпов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Тана — честь и выгода венецианской Синьории

Венецианская Романия, возникшая на землях империи Ромеев и разбросанная «клочками» на протяженной территории, не могла существовать без идейных скреп, не все из которых понятны и объяснимы в наши дни. К примеру, почему венецианцы стойко держались за свою самую далекую факторию на Востоке, о которой и сами говорили, что она «на краю света и в пасти врагов наших»²⁰⁷, и обороняли ее до последней возможности? Только ли дело в торговых преимуществах и доходности коммерции с Золотой Ордой или Крымским ханством, осуществлявшейся с ее территории?

Нет сомнения в том, что временами эта торговля была прибыльной и приносила сотни процентов профицита, особенно когда речь шла о покупке там рабов, осетров, икры, кож, некоторых видов специй, шелка-сырца и иных товаров. Все это оплачивалось серебром и немногими западными товарами, среди которых на первом месте, естественно, было сукно. Соизмеримы ли были прибыли с риском для жизни и имущества обитателей фактории, подвергавшейся не раз нападениям и даже полным разрушениям в 1343, 1395, 1410, 1418 и иные годы? С жесткой конфронтацией с конкурентами-генуэзцами, две войны с которыми в XIV в. велись именно из-за Таны и за право торговать там? С нестабильностью и сложностью отношений как с великими ханами, так и с их эмирами, местными правителями, «баронами», как их именовали на Западе?

Конечно же, венецианский Сенат, ассигновывавший деньги на укрепления Таны, был весьма рачителен, а сами венецианские налоги были низкими и не покрывали издержек на строительство фортификаций и посольские расходы к ордынцам. Существование фактории требовало затрат, змеиной хитрости и немалого мужества обитателей, многие из которых оставались там жить продолжительное время, арендовали и покупали дома, склады, магазины. Степень риска, зафиксированная венецианскими хронистами, была высока. Не говоря о полном разрушении поселения Тамерланом в 1395 г. и медленном восстановлении после него²⁰⁸, только в

²⁰⁷ Archivio di Stato di Venezia, Senato Misti (далее: ASV, SM), LIX, f. 158 (160)r. Регеста: *Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Т. III. Paris, 1961. № 2412): 18 V 1436: ad confinia mundi et in faucibus nostrorum inimicorum.

²⁰⁸ *Карпов С. П.* О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия // Поволожская археология. 2020. № 2 (32). С. 38–47; *Он же.* Как Феникс из пепла: возрождение торговли в Тане после катастрофы 1395 г. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 504–514.

одном случае, во время неожиданного нападения хана Керима-берди в 1418 г. и жестокого боя, погибло 640 венецианцев, многие были пленены, финансовые потери купцов составили, по оценкам современников, от 50 до 60 тыс. дукатов, а ущерб от разрушений достиг 200 000 дукатов²⁰⁹. После 1429 г. ситуация стабилизировалась, были возведены новые солидные укрепления и вплоть до османского завоевания в 1475 г. Тана сохранялась, хоть и подвергаясь временами осадам и прочим бедствиям, к которым добавлялась после 1453 г. блокада проливов османами, прерывавшая прямое сообщение Таны с Венецией по морю. Но фактория жила и торговала.

Обратимся к оценке значения Таны и пути в Тану не в пристрастных описаниях историков и хронистов, а в официальных документах, решениях Сената.

Сразу же после разгрома 1343 г. Сенат Венеции отмечал, что вояж и торговля в Танае, как всем известно, были весьма полезными и доходными²¹⁰ и именно там находится для Венеции источник необходимых товаров²¹¹. Но постепенно при рассмотрении вопроса о замирении с Ордой и возобновлении торговли в Танае выдвигается и другой мотив — поддержания чести и славы Республики перед лицом всего мира, наряду с прямой выгодой торговли там для купцов²¹².

Фактория, как известно, была восстановлена на основании договора с Ордой в 1358 г. и просуществовала до нового разгрома ее Тамерланом в 1395 г. И основанием решения Сената о восстановлении поселения в Танае стал мотив, что «предки» превыше всего ценили навигацию туда²¹³. Появляется новый аргумент — традиция.

²⁰⁹ Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433) / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti. Spoleto, 2010. P. 796–799; Marc. It. Cl. 7. 50 (9275), f. 494r-v; *Giorgio Dolfin*. Cronicha dela nobil città de Venetia et dela sua provintia et destretto. Origini – 1458 / A cura di Angela Caracciolo Aricò. Trascrizione e note di Chiara Frison. T. 2. Venezia, 2007. P. 198; *Marino Sanuto*. Vitae ducum Venetorum // *Rerum Italicarum Scriptores*. T. XXII. Mediolani, 1733. P. 923.

²¹⁰ ASV, SM, XXIV, f.18v: 19/VI 1347; *Diplomatarium Veneto-Levanticum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia* / Ed. G. M. Thomas, T. I (a. 1300–1350) Venetiis, 1880. P. 336: *viagium et conversatio Tane, sicut evidentissime omnibus constat, foret utillumum et fructuosum.*

²¹¹ ASV, SM, XXI, f.83v – 30/XII 1343 [Venezia-Senato. *Deliberazioni miste*. Registro XXI (1342–1344) / A cura di C. Azzara e L. Levantino. Venezia, 2006. N 657]: *quia ibi erat fons totus mercimoniorum.* Позднее, и тоже в кризисной ситуации, в решении Сената отмечалось: *Cum sit satis omnibus manifestum et que experientiam cognitum, quantum fructum, quantum comodum et utilitatem attulerit civitati nostre mercatoribus et civibus nostris viagium Tane per tempora retroacta ... dictus viagium Tane tantum et forte plus facit pro nobis, quam aliquod aliud* (ASV, SM, XLIX, f. 1(2)r – 3/III 1411).

²¹² ASV, SM, XXII, f.19v [Venezia-Senato. *Deliberazioni miste*. Registro XXII, cit. N 128] – 28/IV 1344: *... pro conservatione honoris nostri et fame per universum orbem quam pro comodo et utili terre nostre et mercatorum nostrorum...*

²¹³ ASV, SM, XLIV, f.79v – 7/I 1399: *Cum super omnia vigilandum sit ad recuperandum viagium Romanie et Tane ac Maris Maioris, quod nostri progenitores ultra omnia alia viagia ad que nostri*

Итак, Тана восстановлена и защищена. Но вот уже над ней занесен турецкий ятаган. И сентенция о выгоде и удобстве в решениях Сената подкрепляется еще одним утверждением: «Нет никого, кто бы не знал, насколько наше место Тана приносит пользу делам нашей Синьории [выделено мною. — С. К.], как для удобства наших граждан, так и для чести и достоинства нашей Синьории в тех землях»²¹⁴. Встает вопрос: о каких делах идет речь? И ответ очевиден: об информировании Республики обо всем происходящем на самом восточном фланге ее интересов, об утверждении ее позиций, о сохранении восточного «рукава» ее торговых связей.

В 1460 г. Сенат признает путь в Тану одним из важнейших для процветания государства, указывая на то, что Венеция издавна и прочно связала себя с этим восточным направлением связей, что было важно для приращения самого Венецианского государства²¹⁵. Отказаться от этого наследия Республика не могла.

Доходность от торговли, политические интересы, престиж и сам образ державы оказались сплетены в едином клубке. И каждый из этих компонентов сам по себе заставлял Республику заботиться о сохранении Таны и принимать решения о ее поддержке даже в самых кризисных и проигрышных ситуациях.

В. П. Кирилко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Средневековые капители Ласпи

Археологическими разведками второй половины 70-х годов прошлого века на Южном берегу Крыма в урочище Ласпи удалось выявить и частично исследовать компактно расположенные поселения с производственными комплексами, некрополями и относительно большим количеством храмов,

cives navigant cogoverint esse utilissimum... См. тж.: SM, XLIV, f. 140v – 29/I 1400: Cum sit necessarium providere ad tenendum in culmine viagium Romanie et Tane ac Maris Maioris, quod nostri progenitores inter omnia alia viagia quodque cives nostri navigant cogoverunt esse utilissimum...; SM, LII, f. 113r – 29/VII 1418: ... casus Tane omnibus satis manifestum more ipsorum progenitorum non sit deserendum dictum viagium, sed eum omni studio procurandum de sustinendo illud.

²¹⁴ ASV, Senato, Mar, VI, f. 63r – 20/III 1458: Nemo est, qui non intelligat, quantum locus noster Tane conducatur negotiis domini nostri tam pro utilitate et comodo civium nostrorum, quam pro honore et reputatione domini nostri in partibus illis.

²¹⁵ ASV, Senato, Mar, VI, f. 169v – 15/V 1460: Quesiverunt summo studio maximeque diligentia maiores nostri mercatoribus nostris omnem habilitatem atque comoditatem facere, ut lucrarentur pro amplificatione civitatis amplificatione cuius ex navigatione precipue et mercatura facta est. Et sicuti notum est, viagium Thane erat unum de principalioribus viagiis et utilioribus, a quo scilicet cetera viagia huius nostre civitatis dependebant et dependent utilissimumque sit pro utilitate universe civitatis providere, quod fieri potest de restaurando et reintegrando viagio ipso.

датируемые VIII–XV вв.²¹⁶ Считается, что они могли принадлежать типичному полисатону, выступавшему в качестве районного административно-территориального центра архонтии, позже — климата во главе с собственным простатевонтом или игемоном²¹⁷. Определенное представление о декоративном убранстве церковных и жилых построек памятника, а также культурных связях региона позволяют получить находки целого ряда архитектурных деталей, самыми информативными из которых являются капители.

Капитель 1. Обнаружена К. Компером в руинах храма, находившегося в старой части селения. Известна с 30-х годов XIX в., не сохранилась. Ф. Дюбуа де Монпере сообщает, что она была мраморной и имела необычные формы: «Le style en est baroque, et n'offre aucune analogie avec un ordre régulier quelconque»²¹⁸. Выполненный им рисунок позволяет считать эту находку ранневизантийским изделием. Капитель принадлежит к числу коринфских четырехлистных, обычно использовавшихся в опорах кивориев, алтарных преград и амвонов. Ближайшей ей аналогией является идентичная архитектурная деталь из херсонесской коллекции Государственного исторического музея в Москве, датированная первой половиной VI в.²¹⁹

Капитель 2. Найдена в 1976 г. Е. А. Паршиной при разборке каменного завала внутри, возможно, того же храма. Не сохранилась. Известны три фотоснимка и схематичный обмер изделия²²⁰. Капитель была известняковой, имела простые геометрические формы, не декорирована. Композиционно она представляла собой усеченную и перевернутую восьмигранную пирамиду, завершавшуюся квадратной плитой. По отношению к калатусу абак выступает только на углах, в средней части фасадов их смежные поверхности соединены заподлицо. Ширина основания: нижнего — около 21 см, верхнего — 25 см. Высота детали — 15 см. Дата не установлена. Пластикой и величиной находка сопоставима с

²¹⁶ Домбровский О. И. Средневековый Крым X–XV вв. // Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986. С. 529–53; Фирсов Л. В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990. С. 405–432. Рис. 145.

²¹⁷ Сорочан С. Б. К вопросу об облике городищ-полисов и «кастра племен» в окрестностях византийского Херсона во второй половине VII – первой половине IX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 95–96.

²¹⁸ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour Caucase, ches les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchide, end Géorgie en Arménie, et en Crimée. Vol. VI. Paris, 1843. P. 93–94.

²¹⁹ Хрушкова Л. Г. Ранневизантийские капители из Херсонеса Таврического // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. № 11. С. 313. Рис. 81.

²²⁰ Паршина Е. А. Отчет о работе в урочище Ласпи в 1976 году Южно-Крымской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР / НА ИАК РАН. Папка 475. Инв. № 218. С. 6, 25. Черт. 22. Фото 39–41.

ранневизантийскими импостными капителями²²¹, которые применялись в литургических сооружениях, и является их местным воспроизведением.

Капитель 3. Разрозненные фрагменты изделия обнаружены Е. А. Паршиной в слое пожара большого дома, располагавшегося в центральной части Приморского поселения и погибшего в конце X – начале XI вв.²²² Архитектурная деталь поддается достоверной реконструкции. Она представляла собой двузонную капитель из светло-серого известкового мергеля, украшенную фигурами орлов и листьями мелкозубчатого аканта с дуговидным обрамлением. Диаметр нижнего основания — 25,4 см. Реконструируемые размеры: ширина абака — 43,2 см, высота изделия — 38,6 см. находка является уникальным высокохудожественным произведением крымских мастеров и может быть датирована X в.

Капитель 4. Сохранилась в виде отдельных обломков, найденных там же. Изделие восстанавливается лишь частично. Капитель была импостной, выполнена из светло-серого известкового мергеля, принадлежала восьмигранной колонне толщиной около 24 см. Она имела изысканное резное убранство, ближайšie аналогии которому известны на памятниках каменной пластики Мангупа и Партенита²²³.

Выводы. Мраморную капитель следует считать продукцией императорских мастерских Константинополя. Остальные находки имеют крымское происхождение. В частности, архитектурные детали из мергеля могли быть изготовлены на Мангупе.

В. М. Кириллов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

О взаимосвязи структуры административной и церковной организации в Сирии византийского времени

Взаимосвязь структуры административной и церковной организации в период поздней античности закономерно вытекает из характера становления

²²¹ *Zollt T.* Kapitelpastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Chr.: mit einem Beitrag zur Untersuchung des ionischen Kämpferkapitells // Forssuchungsstelle Asia Minor im Seminar für Alte Geschichte der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster. Asia Minor Studien. Bonn, 1994. Taf. 51–55. No 285–307.

²²² *Домбровский О. И.* Средневековый Крым... С. 531; *Паршина Е. А., Мьц В. Л.* Раскопки в урочище «Ласпи» // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 382. *Паршина Е. А.* Раскопки на городище Эски-Кермен и в урочище Ласпи // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 321.

²²³ *Кирилло В. П.* Искусствоведческие и археологические реалии резного декора из мергеля в архитектуре средневекового Крыма // Актуальные проблемы теории и истории искусства – IX. Тезисы конференции. СПб, 2020 (<https://actual-art.spbu.ru/publikatsii/theses/theses-2020/324-2020-eastern-christian-art/2075-kirilko-v-p-iskusstvovedcheskie-i-arkheologicheskie-realii-reznogo-dekora-iz-mergelya.html>)

Церкви как параллельной государству системы. Особенное развитие эта идея получила на Западе, где Церковь вообще приняла на себя ряд функций рухнувшей гражданской администрации и регламентировала жизнь значительной части населения по старой римской правовой системе²²⁴. При этом мысль о Церкви как государстве прослеживается в политике римских понтификов вплоть до недавнего времени (Paulus VI, *Lumen Gentium*, 3).

На Востоке формирование системы церковного управления и организации в целом также имеет взаимосвязь со структурой административного аппарата провинций, что хорошо прослеживается на примере Сирии.

Структура административного деления данной территории в ранневизантийский период хорошо прослеживается по трактату «Синекдем», составленному географом Иероклом в начале правления Юстиниана I. Сирия делится на две провинции. Сирия Первая под управлением консуляра включает 7 городов: Антиохию, Селевкию, Лаодикию, Гавалу, Палт, Верию и Халкиду (*Hierocl. Synecdem.*, 711.1–8). Сирия Вторая подчиняется игемону и объединяет в своем составе 8 центров: Апамею, Эпифанию, Арефусу, Лариссу, Мариамну, Валанию, Рафанию, Селевковел (*Hierocl. Synecdem.*, 712.1–10).

Другой важнейший источник по административному устройству Римской империи, *Notitia dignitatum*, не раскрывает подробности административного устройства Сирии, но также сообщает о двух провинциях, одна из которых управляется консуляром, а другая дуксом (*dux*), что, собственно, синонимично греческому ἡγεμών Иерокла (*Not. Dign.* II.1).

Синхронная работе Иерокла «Этника» Стефана Византийского перечисляет все упомянутые города (*Steph. Byz.* 99.10, 560.10–11, 411.7–12, 191.19–20, 498.10, 165.3–4, 684.15, 103.3–4, 274.17–18, 116.5, 413.1–2, 433.3, 156.21–24, 543.16, 560.12), относя их к Сирии. Исключение составляет Мариамна, которую источник обозначает как финикийский центр. Гавалу Стефан привязывает к Лаодикии, Селевкию располагает рядом с Апамеей, а Эпифанию помещает между Рафанией и границами Арада. Сведений о взаимосвязи остальных городов и территории в целом «Этника» не приводит.

Более поздняя информация об административном устройстве региона обнаруживается в географическом трактате Георгия Кипрского, восходящего к началу VII в. К Сирии Первой он относит Антиохию как столицу, Селевкию, Верию и Халкиду (*Georg. Cyp.* 858–862); Сирия Вторая с центром в Апамее включает также Арефусу, Эпифанию, Лариссу, Мариамну, Селевковел и Рафанию (*Georg. Cyp.*, 863–870). Лаодикия, Палт, Валания и Гавала объединены в провинцию Феодориада, созданную Юстинианом I в 528 г. (*Georg. Cyp.*, 887–890). Несмотря на данное обстоятельство, общая территория и остальная структура региона остается неизменной, имеющиеся небольшие разночтения в написании названий

²²⁴ *Lex Ribuaria*, 61 [De tabulariis]: ... secundum legem Romanam quam ecclesia vivit...

городов у Иерокла и Стефана с Георгием Кипрским могут быть объяснены работой армянского компилятора, чья деятельность заметно отразилась на имеющемся в нашем распоряжении тексте последнего²²⁵.

Информация о церковной структуре Сирии византийского времени восстанавливается со значительными затруднениями. Они вызваны многообразием редакций основного источника — *Notitia Antiochena*, возникновение которого связывается с деятельностью Анастасия Синаита и датируется около 570 г.²²⁶ С. Вайль, предпринимая реконструкцию оригинала VI в. на основе известных рукописей, выстраивает схему, в которой Антиохия является центром патриархата, Лаодикия названа автокефальной митрополией, Верия, Халкида, Селевкия, Палт и Гавала выделяются в отдельные епархии, остальные города объединены вокруг Апамеи в роли кафедр епископов-суффраганов²²⁷.

Опираясь на широкий круг источников и старую работу М. Лекьена «*Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus*», Э. Хонигманн собирает воедино информацию о фактическом наличии епископов в перечисленных городах Сирии²²⁸ в IV–VII вв., наличие которой даже в самом минимальном объеме позволяет рассматривать их как функционирующие центры церковной администрации.

Полученная информация позволяет прийти к выводу о том, что города Сирии в точности совпали с центрами церковного управления при формировании их структуры. Крупные населенные пункты, такие, как Лаодикия или Селевкия, являются кафедрами более высоких лиц в церковной иерархии, а административная структура провинции Сирия Вторая вообще в точности совпадает с ее церковной организацией.

Данный факт закономерно восходит к особенностям урбанистической традиции рассматриваемых провинций, в которых развитая городская сеть играла роль своеобразного каркаса, вокруг которого формировался сирийский регион как отдельная культурно-историческая общность. Сопоставление церковной и административной организации может служить дополнительным фактом в подтверждение данного тезиса. При этом церковная организация оказалась даже прочнее, о чем свидетельствует организация в этих же центрах латинских епископатов во время Крестовых походов, титулярные кафедры которых до сих пор находятся в ведении Римского престола.

²²⁵ *Honigmann E.* Die Notitia des Basileios von Ialimbana // *Byzantion*. 1934. Т. 9. Fasc. 1. P. 205–222 (здесь: P. 212).

²²⁶ *Aliquot J.* Culte des saints et rivalités civiques en Phénicie à l'époque protobyzantine // *Des dieux civiques aux saints patrons (IVe–VIIe siècle) / Textes réunis par J.-P. Caillet, S. Destephen, B. Dumézil, H. Inglebert.* Paris, 2015. P. 126.

²²⁷ *Vailhé S.* La Notitia episcopatum d'Antioche du patriarche Anastase, VIe siècle // *Échos d'Orient*. 1907. Т. 10. № 64. P. 139–145 (здесь: P. 144–145); *Vailhé S.* Une Notitia episcopatum d'Antioche du Xe siècle // *Échos d'Orient*. 1907. Т. 10. № 63. P. 90–101 (здесь: P. 91–94).

²²⁸ *Honigmann E.* The Patriarchate of Antioch: A Revision of Le Quien and the Notitia Antiochena // *Traditio*. 1947. Vol. 5. P. 135–161 (здесь: P. 143–145).

А. С. Козлов

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)
«Hesperium Romanae gentium imperium ... periit» —
византийский конструкт?

Жесткая интерпретация событий 476 г. в Италии, предложенная «Хрониконом» латиноязычного иллирийца комита Марцеллина, может оцениваться как суждение экстремальное, но весьма востребованное в определенной идейно-политической конъюнктуре. Примечательно, что еще Л. Муратори из всех доступных ему толкований такого рода выбрал по сути вариант Марцеллина: «таким образом, согласно наблюдению древних, Римская империя, созданная Ромулом, упроченная Августом, заканчивается этим несчастным Ромулом Августулом» (Muratori, 1744, p. 225). Подобную историографическую тенденцию в понимании «переворота Одоакра» как получившую приоритет в том числе в европейской учебно-исторической литературе независимо друг от друга зафиксировали Ф. Габотто в 1911 г. и О. Бертолини в 1941 г.

Однако суждение комита Марцеллина об исчезновении на Западе «в консульство Василиска и Армата» власти (*imperiū*) римского народа (после чего *Gotorum dahinc regibus Roman tenentibus*) — лишь одно (хотя, наверное, самое ригористичное) из такого рода суждений, рожденных именно в интеллектуальной и политической среде Византии (и в сфере ее влияния) в последней четверти V–VI вв. Еще Р. Чесси в наблюдениях, опубликованных в 1919 г., обратил внимание на разные степени радикализма в оценках «переворота Одоакра», даваемых восточно-римской литературой на исходе поздней античности. Он же убедительно показал, что представление о том, что современники или «почти не заметили» или «не придали значения» исчезновению императорской власти на Западе, некорректно. Во-первых, слабый акцент латиноязычных западных хроник и трактатов (Аноним Вalezия. Кассиодор и др.) демонстрируют разную степень «игнорирования» драматизма 476 г. Во-вторых, у восточно-римских авторов подобного игнорирования не просто нет: оно «заменено» противоположным подходом, различными вариантами актуализации событий в Италии — вариантами, определяемыми разными подходами к реставраторским шагам Юстиниана.

Не апеллируя к наблюдениям Чесси, в известной степени к схожим выводам пришел в своей последней книге М. Круз²²⁹. Необходимость обращения Константинополя к римским моделям конструирования имперскости актуализировалась в связи с событиями 476 г. и достигла кульминации при Юстиниане. Полагаю, заслуживает внимания аргументация Круза при характеристике Юстиниана как “writer of history”, на установки которого относительно имперского прошлого старались

²²⁹ Kruse M. The Politics of Roman Memory: From the Fall of the Western Empire to the Age of Justinian (Empire and After). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019.

ответить такие интеллектуалы-современники, как Прокопий, Иоанн Лид, комит Марцеллин и прочие. Действительно, трансформация классических этнонимов в поэзии Христорора из Коптоса отражала, наряду с прочим, гегемонистские притязания времен Анастасия на прерогативы италийских правителей. В речах Велисария, донесенных Прокопием, как показал Круз, содержится множество грамматических «уловок», намекающих на подчиненное положение Старого Рима, на который вновь распространяется прямая власть императора. Добавлю, что именно тогда за Одоакром в сочинениях «византийского круга» закрепилось прозвание «тиран». Объективно в этом же направлении работал в середине VI в. Иордан, искавший точки аккомодации остготов к империи: вообще не описывая события 476 г., он всячески подчеркивает позитивность перехода власти в Италии к Теодориху, убийце Одоакра, и весьма благосклонное отношение к этому в Константинополе. Связь трудов Иордана с идеями и фактурой трудов Кассиодора Сенатора хорошо известна. Думаю, в интересующем нас ключе плодотворно было бы сравнить с текстами (в том числе на уровне терминологии) Марцеллина, Иордана и Анонима Валезия лексику и идеи письма Теодориха к Анастасию, презентованному тем же Кассиодором²³⁰. За императором «самая блистательная слава их всех существующих царств», он — «востребованный оплот всего мира», «тот, на кого по праву равняются все иные правители». И главное: «Наше царствование — это подражание твоему, подобие твоего благонамерения, созданное по образцу единственной и неповторимой империи». Сердцевина письма: «Мы, с Божьей помощью, познав в государстве твоём, насколько способны справедливо править римлянами, вершим сие более всего прочего» (*Variae*. I.1.2–3). Здесь нет признания подданства перед Константинополем, однако всячески подчеркивается образцовость империи как средства управления римлянами. В известной степени это не противоречит тезисам комита Марцеллина при характеристике власти в Италии после 476 г. В утверждениях Теодориха, однако, нет и категоричного настояния на суверенитете Италии.

Примечательно, что указанные идеи об определенном (даже институциональном) присутствии империи в остготской Италии до «нечестивейшего» Тотилы можно найти в Прагматической санкции 554 г. Т. е. «эпохальность» событий 476 г. частично минимизируется «лояльным» к империи правлением Теодориха.

Такой диапазон мнений об этих событиях — от ригоризма Марцеллина до умеренности Прокопия и *Pragmatica sanctio pro petitione Vigili* — говорит об актуальности данной темы в условиях имперской реставрации в Италии, а также — о гибкости Юстиниана в политико-историографическом обеспечении этой реставрации.

²³⁰ Намек на подобный подход к текстам Кассиодора имел место, но оказался нереализованным в глубоком исследовании П. Эмори: *Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554*. New York: Cambridge University Press, 1997.

Д. В. Конкин

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

**К вопросу о мусульманской благотворительности в Крыму:
институт вакуфа в контексте его византийского происхождения и права
пользования населением категории зимми**

Вакуф (араб. *вакф*) — особый вид мусульманской благотворительности, в результате которого учредитель (вакиф) навечно передавал свою бесспорную собственность в пользу религиозных и общественных учреждений. При этом обращенное в вакуф имущество (как правило, объекты недвижимости) должно было приносить стабильный доход, а заявленные благотворительные цели оставаться неизменными на протяжении всего существования института. Надзором за соблюдением условий вакуфа занималось специальное должностное лицо — мутевелли, который получал за свою работу вознаграждение, фиксированный процент от доходов вакуфа. Мутевелли мог стать учредитель или лицо, назначенное вакифом. Часто мутевелли становился потомственной должностью в роду учредителя.

Первым обобщил с точки зрения исламской правовой теории понятие вакуф знаменитый мусульманский теолог и правовед, эпоним самого распространенного суннитского мазхаба Абу Ханифа ан-Нуман (699–767), который вакуфное имущество предлагал считать возвратным. Кроме того, вакуф, вступивший в силу после смерти учредителя, Абу-Ханифа считал завещательным дарением, а значит на него накладывались все ограничения исламского коранического права наследования²³¹. Затем его ученики, исламские правоведы Абу Йусуф Йа'куб (731–798) и Мухаммад аш-Шайбани (749–805) внесли уточняющие коррективы, в частности, обосновали необходимость вневременного и иммобилизационного статуса вакуфа, а также возможность учредителя вакуфа назначать себя и своих потомков бенефициарами пожертвованного имущества (т. н. *wakf ahlī*, семейный вакуф), которые в итоге стали доктринальными для всего ханафитского мазхаба²³².

По поводу генезиса вакуфа существует несколько гипотез: исследователи говорят об автохтонных арабских истоках, ищут ветхозаветные, иранские, римские (*res sacrae*) влияния, допускают исключительно исламское происхождение или же рецепцию нескольких

²³¹ Нофаль И. Г. Курс мусульманского права, читанный в 1884/85 г. в Учебном отделении восточных языков при Азиатском Департаменте. Вып. I (О собственности). СПб., 1886. С. 158–159, 165; Хидая. Комментарии мусульманского права / Под ред. Н. И. Гродекова. Т. 2. Ташкент, 1893. С. 137–138; *Barnes J. R. An Introduction to Religious Foundations in the Ottoman Empire. Leiden, 1986. P. 11.*

²³² Нофаль И. Г. Курс мусульманского права. С. 160–161; Хидая. Комментарии мусульманского права. С. 138–139; *Barnes J. R. An Introduction to Religious Foundations... P. 11–12.*

источников²³³. С учетом места и времени полноценного оформления доктрины вакуфа логично возникло предположение, что исламские юристы могли воспользоваться византийским правовым наследием, которое их окружало и с которым, по-видимому, они были хорошо знакомы²³⁴. Как отмечали исследователи, в сложившихся обстоятельствах Абу Йусуфу «не пришлось далеко искать» развитую правовую систему, способную санкционировать желания мусульманской общины. Таким юридическим институтом, повсеместно присутствовавшим на территории Египта, Сирии и Палестины, стала византийская система *pie causae*²³⁵.

При ближайшем рассмотрении можно найти много схожих принципов в благочестивых фондах Византии и мусульманских духовных вакуфах. Во многом идентичны цели пожертвований — поддержание храмов, духовенства, выкуп пленников, в пользу бедных, сирот, приютов и т.д.²³⁶, что вполне объяснимо в силу универсальных гуманитарных общечеловеческих ценностей, независимо от конкретного религиозного мировоззрения. Но для выводов о византийской рецепции важно, что схожими оказались способы управления, принципы учреждения, а также хозяйственно-правовая автономия благотворительных институтов²³⁷. Нужно заметить, что существует и скептический взгляд на прямую возможность такой рецепции²³⁸.

В Крымском ханстве вакуфы также получили широкое распространение. По оценкам исследователей, к концу XVIII в. до 30% плодородных земель на полуострове могло находиться в этом состоянии²³⁹. Также известны случаи, когда бенефициарами духовных вакуфов в Крыму, помимо мусульман, становилось местное население категории зимми²⁴⁰. Дальнейшее изучение особенностей взаимоотношений между исламским и христианским, иудейским населением в Крыму в период средневековья и раннего Нового времени является актуальной и малоработанной исторической проблемой.

²³³ *Hennigan P. C. The Birth of a Legal Institution: The Formation of the waqf in Third Century A. H. Hanafi legal Discourse. Leiden; Boston, 2004. P. 52–66; Barnes J. R. An Introduction to Religious Foundations... P. 6–10.*

²³⁴ *Schacht J. An Introduction to Islamic Law. New York, 1982. P. 19–22.*

²³⁵ *Barnes J. R. An Introduction to Religious Foundations... P. 12.*

²³⁶ *Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 2006. С. 348–349, 356–357.*

²³⁷ *Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2002. С. 239–247; Hennigan P. C. The Birth of a Legal Institution... P. 52–53, 204–207; Morand M. Études de droit musulman Algérien. Alger, 1910. P. 250–255.*

²³⁸ *Cahen C. Reflexions sur le Waqf ancien // Studia Islamica. 1961. Bd. 14. P. 37–56 (здесь: P. 52–54).*

²³⁹ *Fisher A. W. The Crimean Tatars. Stanford, 1978. P. 77–78.*

²⁴⁰ *Özdem Z. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. Yüzyıl sonlarından 18. Yüzyıl ortalarına Kadar). Yüksek Lisans Tezi. Kırıkkale, 2006. S. 70; Biyik Ö. Osmanlı Yönetiminde Kırım (1600–1774). Doktora Tezi. İzmir, 2007. S. 156–157.*

П. В. Кузенков

Севастопольский государственный университет

Сакральный ландшафт Крыма как опорный элемент цивилизационной инфраструктуры византийской ойкумены

Византия представляла собой не просто политическое пространство, но и особый цивилизационный феномен, ареал которого выходил далеко за пределы политических — и хронологических — границ государства²⁴¹. Являясь органичным синтезом и новой эволюционной фазой эллинистической культурной ойкумены и римского мира (рaх Romana), Восточная Римская империя самоотождествлялась и репрезентировала себя прежде всего как «христианское царство» (βασιλεία τῶν χριστιανῶν). Христианство, первая мировая религия, открыто заявившая о своем общечеловеческом значении, распространялось из ближневосточного ядра по всем направлениям. Однако именно на почве грекоязычной культуры эллинизма и в политических границах римского мира оно обрело по-настоящему системный характер — официальной универсалистской религии²⁴².

Системный кризис античного мира в V–VII вв. привел к разделению имперско-христианского «проекта» на два эволюционных направления²⁴³. На Западе, в связи с распадом и деградацией государственных структур, роль «цивилизационного интегратора» взял на себя единственный уцелевший элемент Империи — папский Рим. Принципиально иной характер имела византийская модель христианской цивилизации. Сохранив политическое и культурное преемство с Римской империей, Византия более последовательно проводила в жизнь идеи, заложенные в основу церковно-государственных отношений в святоотеческую эпоху. Церковь здесь выступала лишь как духовная власть, не посягавшая на политическую сферу, однако сумевшая сохранить относительную самостоятельность от императоров. Более того, военно-политическое ослабление империи создало предпосылки к автономизации церковных структур. В X в. византийское влияние вышло далеко за пределы даже привычной эллинистической ойкумены, в результате включения в церковную структуру Константинополя территории Руси.

Важнейшим элементом византийской цивилизации явилась своеобразная «сакральная инфраструктура», которую формировали не

²⁴¹ См.: Кузенков П. В. «Византийский» тип средиземноморской цивилизации: генезис, эволюция, трансформация // МЕТОД. 2021. Т. 11 (Вслед за Дарвином: Эволюция знания об эволюции и самого феномена развития). С. 319–334.

²⁴² Кузенков П. В. Рождение Христианского Востока // Рождение Христианского Востока. Этнокультурные взрывы поздней Античности: Материалы круглого стола / Под ред. К. А. Панченко. М.: ЦЕИ РАН, 2021. С. 8–23.

²⁴³ См. также: Грацианский М. В. Византия и Запад: типология цивилизаций // История Греции в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова: от Античности до наших дней. М.: Исторический факультет МГУ, 2017. С. 83–96.

только и даже не столько церковные административные центры (епископские кафедры), но прежде всего святые места — храмы, монастыри, чтимые святыни, иконы, реликвии. К этим точкам духовного притяжения тянулись паломнические маршруты, в них и через них вырабатывалась и распространялась богословская и агиографическая традиция, наконец, они играли важную роль в воспитании и назидании политических элит. Можно говорить о формировании мощной, устойчивой и даже развивающейся сакральной сетевой структуры в границах византийской ойкумены (этот термин, по нашему мнению, удачнее описывает данный феномен, нежели *Byzantine Commonwealth* Димитрия Оболенского²⁴⁴, где слишком четко просматриваются мирские идеалы трансимперского универсализма).

В этой связи особый интерес представляет комплексное исследование сакрального ландшафта византийского порубежья — Крыма, Кавказа, Малой Азии и Ближнего Востока. По понятным причинам приоритетное значение здесь имеет Крымский полуостров, где элементы византийской сакральной инфраструктуры появились на самой заре христианской эпохи и просуществовали многие века после исчезновения самой Византии — а многие из них и пережили «второе рождение» уже в рамках российской истории. В центре нашего внимания — составление перечня элементов сакрального ландшафта, изучение его генезиса и эволюции, вписывание отдельных исследований в широкий цивилизационный контекст.

Комплексное исследование церковной истории и географии Крыма, начатое столетие назад Александром Львовичем Бертье-Делагардом²⁴⁵, должно быть продолжено на современном научном уровне²⁴⁶. Особого внимания заслуживает история развития церковно-административной структуры Крыма. Ее представляли кафедры Константинопольского патриархата — Воспорская, Херсонская, Готская (в Доросе/Феодоро), Сугдейская, Фульская, Кафская, вступавшие в различные конstellации. Характерно, что вплоть до объединения в XVII в. Готской и Кафской митрополий в Крыму не существовало единой епархии. Полуостров никогда не рассматривался византийцами как единый церковный регион: понятия

²⁴⁴ См.: Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 2012.

²⁴⁵ Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, 2. Православные и униатские епархии, их пределы // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. Т. 57. С. 35–66.

²⁴⁶ Многие ученые — Андрей Юрьевич Виноградов, Александр Германович Герцен, Юрий Миронович Могаричев, Валений Евгеньевич Науменко, Сергей Борисович Сорочан, Виктор Григорьевич Тур, Людмила Георгиевна Хрушкова, Татьяна Юсуфовна Яшаева и др. — изучают отдельные вопросы церковной истории Крыма. Существует и немало справочных и популярных изданий. Необходимо объединить академическую глубину первых с полнотой хронологического и географического охвата вторых.

Таврика не существовало в церковной номенклатуре²⁴⁷. Причины этого еще предстоит прояснить. Особое место в сакральной топографии Крыма играют места, связанные с именами особо чтимых святых: апостола Андрея Первозванного, Климента Римского, священномучеников Херсонских, Мартина Исповедника, Стефана Сурожского, Иоанна Готского. Важнейшими сакральными центрами являлись (и являются) монастыри — история которых во многом еще не изучена. Особый интерес представляют пещерные комплексы, изучение которых следует проводить в широком сравнительном контексте, сопоставляя с аналогичными памятниками Каппадокии и Сирии. Важнейшую часть сакральной инфраструктуры играют движимые объекты — иконы и реликвии, само перемещение которых выполняет важнейшую миссионерскую задачу. Наконец, к элементам этого же феномена мы относим тексты и устные предания, изучение которых неотделимо от контекста исследований сакральной среды. Результаты исследовательского проекта должны быть представлены в интерактивной информационной среде нового поколения, включающей GIS-атлас, связанные базы данных и сетевые визуализации²⁴⁸.

Т. В. Куц

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Участие М. Я. Сюзюмова в подготовке «Истории Византии» (1967)*

Прошло уже 55 лет после выхода в свет «Истории Византии»²⁴⁹, единственного в отечественной византистике коллективного труда, комплексно освещавшего историю и культуру империи ромеев²⁵⁰. Созданная в рамках господствовавшей марксистско-ленинской методологии и выдержанная в духе формационного подхода и нового понимания движущих сил истории, она была призвана показать достижения советской историографии и одновременно дать отпор буржуазным фальсификациям.

Ответственным редактором значился академик С. Д. Сказкин, однако всю организационную и редакторскую работу вела З. В. Удальцова,

²⁴⁷ Встречающееся в notiциях применительно к крымским кафедрам определение «эпархия Зихии» — малоудачная попытка географической привязки, по нашему мнению, ориентированная на изначальный миссионерский регион византийского Воспора. См.: Кузенков П. В. Восприятие Крыма в византийских источниках (на примере топонимики) // ЭНОЖ История. 2021. Т. 12-12 (110).

²⁴⁸ См. в качестве примера международный проект «The Journal of Historical Network Research» (jhn.uni.lu), а также новый отечественный журнал «Digital Orientalia».

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2.

²⁴⁹ История Византии: в 3-х т. / отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967.

²⁵⁰ Лебедева Г. Е., Пиотровская Е. К., Слядзь А. Н. З. В. Удальцова как организатор советского византиноведения (к 100-летию члена-корреспондента Академии наук СССР З. В. Удальцовой) // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2018. Вып. 4 (2). С. 9–27 (здесь: С. 16).

являвшаяся заместителем ответственного редактора. Членом редакционной коллегии «Истории Византии» был свердловский ученый Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982), выступивший автором или соавтором 11 глав. Эпистолярные источники, сохранившиеся в российских архивах²⁵¹, отражают его участие в подготовке многотомного издания и его оценку результатов коллективной работы.

М. Я. Сюзюмову было поручено написание среди прочих двух наиболее важных глав, отрывавших и завершавших коллективный труд: «Источники по истории Византии IV – первой половины VII в.» и «Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории». Кроме того, он писал и весьма сложную, с учетом господствовавшей идеологии, главу о христианской церкви в ранней Византии. Именно эти главы, подготовленные свердловским ученым, вызвали наибольшую критику.

В 1962 г. в секторе византиноведения Института истории РАН состоялось обсуждение представленных Сюзюмовым глав об источниках и по истории церкви, которые подверглись форменной обструкции. Оппонентов не устроили компоновка материала, выбор источников для анализа, характер их освещения, а также оценка автором политических взглядов ранневизантийской идейной оппозиции, которая не согласовывалась с марксистско-ленинским подходом в освещении политической борьбы в Византии. Автора обвиняли также в том, что он недостаточно уделил внимания агиографии и сочинениям отцов церкви. С этой критикой Сюзюмов был согласен, однако понимал, что развернутую характеристику данного вида источников не пропустит цензура²⁵². В итоге в «Истории Византии» появилась глава об источниках, подготовленная З. В. Удальцовой, Сюзюмов же значился соавтором лишь одного ее небольшого раздела²⁵³.

Подверглась жесткой критике и глава Сюзюмова о христианской церкви в Ранней Византии. Указывалось, что он не дал характеристику церковным соборам и догматическим спорам, слабо представил роль монашества в церковной жизни. Авторская же концепция данной главы состояла в том, чтобы отразить в ней только административное устройство и организационную структуру церкви, а догматические разногласия и проведение соборов показать в контексте внутренней жизни империи²⁵⁴. В итоге, Сюзюмов вынужден был доработать главу с учетом высказанных замечаний.

Сложности у него возникли и с завершающей главой, посвященной месту Византии в мировой истории. Над этой главой Сюзюмов интенсивно

²⁵¹ Куц Т. В. К истории советского византиноведения: письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 318–392.

²⁵² АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 20 об.

²⁵³ История Византии... С. 63–65.

²⁵⁴ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 20 об.

работал в 1965 г., о чем свидетельствует его корреспонденция. Оценивая роль Византии в мировой истории, он считал ее прогрессивной и отметал образ византийского государства как реакционного и деспотичного. Однако свердловский ученый прекрасно осознавал, что его трактовка всемирно-исторического значения Византии может расходиться с генеральной линией коллективного труда²⁵⁵. Действительно, она не устроила редакцию. Написанная Сюзюмовым глава не вошла в финальный вариант «Истории Византии» и была опубликована в «Византийском временнике» в виде отдельной статьи, в заголовке которой значилось «в порядке дискуссии»²⁵⁶.

Невзирая на имевшиеся, по мнению Сюзюмова, недостатки «Истории Византии», технические оплошности и несвоевременность, на его взгляд, ее написания, он все же высоко оценивал это издание и сравнивал его с ледоколом, «который прорезал лед для дальнейших исследований о сущности роли Византии в истории человечества»²⁵⁷. Действительно, этот коллективный труд по истории Византии, несмотря на очевидные даже для его авторов слабые места и недочеты, стал важной вехой в развитии отечественной историографии.

В. В. Лавров, Д. В. Иोजица

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

К вопросу о монастырском комплексе у горы Килиса-Кая

В 2016 г. у западного подножия горы Килиса-Кая в 5 км к северо-востоку от г. Судак, в 500 м южнее дороги Судак – Коктебель был обнаружен и частично исследован христианский храм.

Храм раскопан в течение 2016-2017 гг. Представляет собой крестово-купольную трехнефную трехапсидную постройку с выступающими гранеными апсидами с востока и притвором с запада. Его общие размеры с апсидами внешние 17,95×11,19 м. Стены храма и притвора сложены в перевязь в технике дупанцирной трехслойной с забутовкой из мелкого бута кладки, толщиной 0,76-1,04 м²⁵⁸.

Предварительная датировка памятника вторая половина XIII – XVII вв²⁵⁹. В качестве христианского культового сооружения функционировало до 1475 г. Затем был превращен в кошару, существовавшую до конца XVII в.

²⁵⁵ Там же. Л. 23.

²⁵⁶ Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии и ее место в всемирной истории (в порядке дискуссии) // Византийский временник. 1968. Т. 29. С. 32–44.

²⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 4.

²⁵⁸ Иोजица Д. В. Новый этап изучения храма у горы Кильса-Кая (Судак). Пропорциональный анализ храма. // Новые материалы и методы археологического исследования. От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V международной конференции молодых учёных. М. 2019 С. 147-150.

²⁵⁹ Майко В. В., Колтухов С. Г. Исследования христианского храма у подножия горы Килиса-Кая в 2017 г. // История и археология Крыма. Вып. VIII. 2018, С. 86-89.

После этого, к концу XVIII в. постройка была достаточно быстро погребена под толщей земли.

В 2019 г. близ храма, в 12 м к юго-западу был зафиксирован грабительский шурф²⁶⁰. Материал, полученный в ходе выборки грабительского отвала, в основном состоит из невыразительных фрагментов керамид. После выборки перемешанного грунта и слоя сели, была выполнена зачистка бортов и зафиксирована трехслойная стратиграфическая ситуация, состоящая из дерна (0,2-0,45 м), погребенного дерна (0,2-0,5 м) и слоя сели (0,35-1,15 м).

После зачистки поверхности 4-го слоя было обнаружено 2 кладки – двухпанцирные с забутовкой, относящиеся к одному помещению (№ 1). Кладка, идущая по оси З-В, сохранилась на высоту в один-два камня, и максимально примыкает к северному борту шурфа. Внешний панцирь кладки, идущей по оси С-Ю, был разобран для прокладки труб водопровода.

Работы в 2019 г. были завершены после зачистки 4-го слоя. Внутри помещения – он представлен плотным серым суглинистым грунтом с угольками и фрагментами керамики, с внешней стороны – горизонтально лежащими плитами.

Водопровод представляет собой секционную керамическую трубу, уложенную в каменную постель с раствором. Секции трубы заходят в друг друга и имеют длину около 37 см, стыки аккуратно промазаны раствором. Показательными в плане хронологии являются две монеты конца XIII – начала XIV вв. извлеченные из заполнения водопровода²⁶¹.

Таким образом, вышеуказанное позволяет утверждать, что система водопровода сооружена во время функционирования храма.

Исследованиям 2021 г. также предшествовал грабительский шурф, примыкающий к раскопу 2019 г. с С-В стороны.

В Ю-В борту раскопа была открыта кладка, которая при расчистке и прирезке оказалась частью могилы²⁶² размерами 3,0×1,3 м и высотой 0,9 м. Могила 2 двухъярусная, сложена из хорошо подтёсанных блоков, в технике двухпанцирной кладки.

Верхний ярус. Труположение погребения на спине вытянутое по оси СВ-ЮЗ, головой на запад. Руки согнуты в локтях, ладони уложены в область таза и живота. Череп погребенного, вероятно, изначально был уложен лицом кверху, позднее сместился на левый бок лицом к северу. *In situ* сохранилась основная часть скелета. Кроме черепа и мелких костей ладоней и стоп, последние были смещены в ходе ограбления и находились в заполнении

²⁶⁰ Лавров В. В. Разведки близ храма у подножия горы Килиса-Кая В 2019 г. // История и археология Крыма. 2020. № 13. С. 201-206.

²⁶¹ Аблаев Э. Д., Лавров В. В. Монеты из разведок близ Храма у подножия горы Килиса-Кая в 2021 г. // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. Материалы научной конференции. VIII международный нумизматический симпозиум. Симферополь, 2021. С. 21-26.

²⁶² По сквозной нумерации № 2.

могилы в беспорядочном состоянии. Так же при ограблении крестец погребенного был повернут на 180 градусов. Сохранность костяка в средней части плохая. Погребальный инвентарь не обнаружен, но в заполнении обнаружено около 1600 шт. После выборки захоронения с одним индивидом, был обнаружен пол склепа из плит, сложенных в перевязь с кладками.

Высота внутренней части от плит пола была несколько меньше высоты внешней части кладки, разница около 10 см, т.е. плиты пола были положены не на материк, а на первый ярус камней. В связи с чем, позднее было принято решение вскрыть плиты. При вскрытии стало понятно, что с момента постройки гробницы и закладки плит, их более не тревожили.

Нижний ярус. Труположение погребения аналогично верхнему ярусу. *In situ* сохранилась основная часть скелета. Также, как и в верхнем ярусе, средняя часть костяка плохо сохранилась. Отсутствуют ребра и позвоночник. Само захоронение вырублено в скале, на которой возведена кладка.

Могила 3 найдена в 1,5 м к северу от могилы 2. Имеет направление СВ-ЮЗ и размеры 2,4×0,75 м. Стены могилы однопанцирные, юго-восточная и северо-восточная кладки сохранились на высоту 1 м, юго-западная и северо-западная на 0,5 м. Могила двухъярусная, межъярусное пространство также перекрывалось поперечно лежащими плитами, сложенные в перевязь с кладкой.

В верхнем ярусе могилы 3 было совершено шесть погребений, первые 4²⁶³ практически не сохранились, и были смещены при захоронении погребения 2, которое в свою очередь, было нарушено при укладке тела погребенного 1.

Труположение погребения 2 вытянутое на спине по оси СВ-ЮЗ, головой на запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, предположительно правая рука была согнута в локте, а ладонь уложена на грудь, ноги скрещены. *In situ* сохранилась часть посткраниального скелета: часть позвоночника и ребер, левая рука, лопатки, большеберцовые и бедренные кости. Череп погребенного смещен к южной стенке могилы, тазовые кости в анатомии отсутствуют. Плохая сохранность погребения в области стоп обусловлена произрастанием в данной части могилы корней дерева. Костяк был потревожен и частично смещен при захоронении погребения 1. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Нижний ярус. Труположение погребения 7 вытянутое на спине по оси СВ-ЮЗ, головой на запад. Большая часть костяка, за исключением больших костей нижних конечностей была смещена. Часть ребер и позвоночника были сдвинуты в северо-западный угол, к данному скоплению костей лицевой частью был прислонен череп. Тазовые кости смещены и перевернуты, часть ребер, ключицы и позвонки фиксировались в области ног. Кости стопы сохранились плохо. При этом после смещения, кости рук были уложены, предположительно в изначальное положение – ладони в области груди, локти согнуты, но в неправильной анатомической

²⁶³ Нумерация индивидов сверху вниз.

позиции. Так как плиты перекрытия между 1-м и 2-м ярусами погребений были запечатаны раствором, то стоит предположить, что нижний ярус могилы 3, аналогично нижнему ярусу могилы 2, не тревожился. Также, аналогично нижнему ярусу могилы 2, практически не сохранились ребра и позвоночник.

В заключении необходимо обратить внимание, что в верхних ярусах вышеописанных могил находились фрагменты стеновой росписи. Но в нижнем ярусе их не было. Аналогичная ситуация наблюдалась и в могиле 1, исследованной в 2016 г.²⁶⁴

Отметим, что ввиду открытия новых сооружений: помещения 1, водопровода, могил 2 и 3 с аналогичными заполнениями с могилой 1 расположенного у южной стены храма, следует интерпретировать данный памятник как монастырский комплекс.

Е. В. Литовченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

**Между Римом и Константинополем: эпистолярные усилия Авита
Вьеннского в укреплении взаимоотношений между
Западной и Восточной церквями в VI в.**

Являясь, по словам Эннодия, «самым выдающимся епископом Галлии» (Ennod. Vit aEriph., 173), Авит Вьеннский (ок. 450 – ок. 518) до недавнего времени был весьма непопулярной среди исследователей фигурой: за исключением знаменитого письма Хлодвигу (Ep. 46)²⁶⁵, проза Авита практически оставалась в исследовательской тени. Несомненно, причина пренебрежения этим автором напрямую связана с трудностью понимания его латыни и туманным (аллегорическим) смыслом его писем. Тем не менее, Авит представляет значительный интерес как личность переходного времени, а также с точки зрения того, что он делал для бургундского королевства, поддерживая связи с папой и церковными иерархами Востока в попытках укрепить авторитет варварского государства.

Взаимодействие Бургундского королевства с Константинополем в правление Гундобада и Сигизмунда в целом носило согласованный характер: лидеры бургундов хотели остаться в составе «имперского содружества»²⁶⁶, хотя, безусловно, большинство западных королей того периода продолжали демонстрировать некоторое уважение к империи.

²⁶⁴ Майко В.В. Христианский храм у подножия горы Килиса-Кая возле Судака // ТГЭ. Т. ХСІХ. Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2019. С. 296, илл. 11: 1,3.

²⁶⁵ Имеется в виду поздравительное письмо Авита Хлодвигу с крещением.

²⁶⁶ *Avitus of Vienne. Letters and Selected Prose / Transl. with an intr. and notes by D. Shanzer and I. Wood. Liverpool, 2002. P. 25.* В письме Авита, написанном от имени Сигизмунда, последний заявляет византийскому императору Анастасию: «мои люди — твои» и «бургунды будут

Относительная стабильность бургундского государства до прихода франков связывается, в частности, и с усилиями епископа Вьенна как по поиску компромиссов со светской властью, так и внутри разобщенной арианским расколом церкви. Авит считал, что «... состояние церкви — дело не только епископов: это общий повод для беспокойства всех верующих. Кем бы мы ни были и каким бы образом мы ни руководили церковью, мы ведем дела католической веры» (Ер. 39). Мечтая о торжестве никейской веры во всей вселенной, Авит, тем не менее, не игнорировал препятствия, создаваемые политическим соперничеством между различными государствами, рожденными в результате развала Западной Римской империи. Благодаря доверию государей и отношениям с высокопоставленными чиновниками при дворе он мог получать информацию о других германских королевствах Запада, дополненную его корреспондентами, находящимися в более удаленных местах; в отношении Востока он также имел более выгодную позицию, поскольку бургундский король, как патриций, подчинялся, по крайней мере, формально, византийскому императору.

Так, Авит просит епископа Рима²⁶⁷ написать иерусалимскому патриарху с просьбой о предмете благочестия (Ер. 20), весьма вероятно, речь идет о фрагменте истинного Креста, за что Авит впоследствии благодарит епископа Иерусалима, подчеркивая, что его престол занимает почетное место во вселенской Церкви (Ер. 25).

Епископ Вьенна пытался разобраться и в сути «Акакианской схизмы». Природа христологических споров, раздирающих Восток, — тема, которую он кратко затрагивает в письме (Ер. 30), прежде чем развить ее в трактате из двух книг *Contra Eutychianam haeresim* (Ерр. 2–3). Этот сюжет возник в дополнение к обсуждению вопросов, касающихся арианского богословия, когда король, после беспорядков в Константинополе, спровоцированных изменениями в Трисагионе (512 г.) поручил Авиту написать соответствующее произведение. На фоне константинопольского политического кризиса, информация и предположения епископа Вьенна привели его к неправильному пониманию характера конфликта между монофизитами и ортодоксами. Эти трактаты Авита не представляют особой ценности, но как документы переходного периода имеют большое значение для иллюстрации той путаницы и дезинформации, которыми сопровождалась богословские дебаты.

служить Риму, а не бороться за свои собственные независимые интересы» (Ер. 93). От Константинополя Сигизмунду был пожалован титул патриция. Также король бургундов перешел в католичество, думается, под сильным влиянием епископа Вьенна.

²⁶⁷ Речь может идти в равной степени, как о папе Симмахе (498–514), так и о Гормизде (514–523), поскольку упоминаются трудности коммуникации через королевство остготов при Теодорихе (493–526).

Послания (Ерр. 39–42) также показывают нам, что Авит не обладал достоверной информацией, но желал быть в курсе происходящего. Письма 40 и 41 взаимосвязаны, так как, по сути, епископ Вьенна пишет об одном и том же деле папе и епископу Равенны Петру. Петр Равеннский был полезным союзником для Авита в его поисках информации: он был епископом Равенны в правление Теодориха, и в этом качестве принимал участие в религиозной политике остготского короля. Авит пишет Петру: «Мы не слышали от каких-либо властей, что происходит между церквами Рима и Константинополя, вместо этого мы ориентируемся на слухи или информацию от различных посланников» (Ер. 40). Авит выражает надежду, что через двух своих посланников (Алетия и Вивенция), буде они благополучно доберутся до Рима, он, наконец, получит достоверную информацию из первых рук о состоянии веры в Восточной церкви. В письме папе Авит пишет, упоминая предыдущее отправление, доставленное ему и всей Вьеннской провинции через священнослужителя из Арля, об осуждении Евтиха и Нестория. Однако в том письме, сетует Авит, ничего не говорилось о результатах переговоров между папой и Константинополем, поэтому епископ сообщает, что направил двух представителей своего клира для получения точной информации (Ер. 41): «... это заставляет нас пребывать в неуверенности и беспокойстве, хотя ты приказал нам дожидаться результата второго посольства, отправленного в Константинополь, твой сын, мой святой брат Эннодий, ничего не сообщил мне, ... добился ли он своей цели» (Ibid.). Авит полагает, что ответ папы «просветит его и станет его оракулом». Он априори находится на стороне Рима, поскольку, толком не понимая сути конфликта, обвиняет Константинополь в «порочном упрямстве». «Мы слышали от разных и надежных источников, что Греция похваляется своим примирением с Римской церковью»²⁶⁸ (Ibid.).

В письме 42 (ответ папы), Гормизд поправляет Авита, уточняя, что посольство было одно, а не два. Что касается греков, то желание мира у них выражено только на словах, оно «исходит только из их ртов, но не из их

²⁶⁸ Здесь имеется в виду период восстания Виталиана. См. об этом: *Грацианский М. В.* «Православная партия» и приход к власти императора Юстина I (518–527 гг.) // *Византийский временник*. 2007. Т. 66. С. 125–145; *Он же.* Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 97–104. В течение 514–515 гг., когда византийский полководец халкидонит Виталиан (о его личности и восстании упоминают Захария Ритор, Евагрий, Комит Марцеллин и др.), восставший против императора Анастасия, контролировал Константинополь, казалось, что раскол может быть урегулирован. По этому поводу в 515 г. Авит направил письмо патриарху Константинополя Тимофею с выражением преждевременной радости по поводу урегулирования конфликта: «Поскольку мой господин, твой [духовный] сын, патриций Сигизмунд, отправил посольство к славнейшему принцепсу [Анастасию], тем самым, он предоставил для меня священную возможность проявить уважение к тебе ... Какого же католика не будет радовать мир двух таких великих церквей ... Какая стабильность может быть в теле, голова которого качается?» (Ер. 9). См. тж.: *Грацианский М. В.* Император Юстиниан Великий... С. 103–104.

сердец, они только говорят, но не делают». Кроме того папа предостерегает Авита от ереси: «Сохраняйте постоянство в вере ... и избегайте компании грешников ... они пытаются соблазнить тех, кто живет далеко обманом и различными трюками»²⁶⁹ (Ер. 42).

В целом же, письма Авита свидетельствуют о его блужданиях в тумане слухов, доходящих до него во Вьенне, попытках получить достоверную информацию о событиях, происходящих вокруг Бургундского королевства, и особенно в духовной сфере, чтобы играть роль миротворца в ситуации духовных разногласий. Однако реальной возможностью для эффективных действий Авит не обладал, занимая несколько периферийное место в современных ему условиях.

П. И. Лыиков

Волгоградский государственный университет

**Гражданская война в Византии 1321–1328 гг.: проблемы хронологии
в сочинениях Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина**

Гражданская война в Византии 1321–1328 гг., завершившая почти полувековое правление императора Андроника II Палеолога (1282–1328), получила значительное освещение в работах зарубежных и отечественных специалистов (Т. Д. Флоринский, У. В. Бош, Г. Вайсс, А. Лайу, К. Киррис, Д. Никол и др.). Тем не менее вопросам, связанным с хронологией конфликта, до настоящего времени не уделялось должного внимания: нам не известно ни одной специальной работы, посвященной указанной теме. Задача исследования заключается в выявлении основных хронологических проблем в изложении событий гражданской войны в нарративных сочинениях Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина, выяснении возможных причин их возникновения и уточнении данных на основании сведений кратких хроник.

В период войны двух Андроников оба историка находились по разную сторону баррикад, что в целом может объяснить достаточно противоречивый характер материала, изложенного в кн. VIII и гл. 1–7 кн. IX сочинения Григоры и кн. I труда Кантакузина. Преследуя цель представить ту или иную информацию в выгодном для себя свете, авторы не пренебрегали умышленным умалчиванием или искажением фактов. Использование таких приемов в большинстве своем не ускользает от взгляда исследователя: для этого иногда не требуется прибегать к сопоставлению двух текстов, но достаточно внимательного прочтения одного источника. Поскольку следствием такого подхода византийского историка часто является нарушение логики или последовательности изложения материала, установление правильной хронологии описываемых событий с опорой на

²⁶⁹ Вероятно, это намек на то, что проповедники еретического толка могут действовать в Галлии.

данные других источников становится первоочередной задачей в рамках восстановления причинно-следственных связей между ними.

Разумеется, далеко не во всех хронологических неувязках, которыми грешат сочинения Григоры и Кантакузина, следует видеть желание их авторов намеренно исказить те или иные данные для достижения своих целей. Так, например, тот факт, что они расходятся в дате начала (у Григоры это 20 апреля, у Кантакузина — 19 апреля 1321 г.), а также завершения конфликта (24 мая и 19 мая 1328 г. соответственно), по всей видимости, связан с ошибкой, допущенной Кантакузином. Восстановить верную датировку и подтвердить версию Григоры в обоих случаях помогают в том числе сведения кратких хроник.

В рамках настоящей работы нас главным образом интересуют те хронологические казусы, которые возникли в тексте источников умышленно, в результате попытки историков скрыть какую-либо значимую информацию. Мы проиллюстрируем нашу точку зрения на основании двух наиболее показательных примеров.

Несмотря на достаточно критическое восприятие, сложившееся в историографии в отношении труда Кантакузина, его ценность для исследования эпохи гражданских войн, в том числе войны двух Андроников, не поддается сомнению. Последовательное и подробное изложение материала в кн. I не идет ни в какое сравнение с беглым и зачастую путаным повествованием в кн. VIII–IX сочинения его оппонента. Тем не менее в своем стремлении приукрасить те или иные факты он местами нарушает хронологию событий. В качестве примера приведем описание первого похода Андроника III на Константинополь, организованного весной 1321 г. вскоре после его побега из столицы. По словам Григоры, мятежным войском командовал Сиргианн Палеолог, имевший во время первого этапа вооруженной конфронтации большое влияние на молодого императора, однако Кантакузин предпочел исключить его из повествования и взамен выдвинул на передний план свою собственную фигуру, при этом максимально сократив изложение. Результатом подобной манипуляции явилась хронологическая лакуна величиной в месяц, которую можно закрыть, только опираясь на свидетельства Никифора Григоры.

Труд последнего в описании интересующих нас событий не столь тенденциозен, однако и его можно уличить в искажении и намеренном умалчивании фактов, которые наносят ущерб правильной хронологии событий. Так, он, полагая, умышленно путает местами события 1326–1327 гг. и отчасти утаивает их содержание, чтобы выставить Андроника III виновником начала третьего этапа вооруженной конфронтации двух императоров. Посольство, отправленное старым императором к сербскому кралю Стефану Дечанскому, возглавивший его Григора помещает перед вторым бракосочетанием молодого Андроника; последнее событие можно уверенно датировать октябрём 1326 г. Таким образом, указание на Пасху, которую послы отпраздновали по пути в Сербию, вроде бы должно

указывать на весну 1326 г. Тем не менее подобная датировка представляется маловероятной. Переговоры в Черномене между Андроником III и болгарским царем Михаилом Шишманом, состоявшиеся, как показывает краткая хроника, впервые изданная Б. Т. Горяновым, в начале мая 1327 г., следует рассматривать как ответную реакцию молодого императора на миссию Григоры, о цели которой, отметим, последний не сообщает ровным счетом ничего. Искусственно отдалив эпизод с посольством от встречи в Черномене, Григора, таким образом, уничтожил возможную причинно-следственную связь между переговорами Андроника II с сербами и Андроника III с болгарами и возложил вину за начало очередного этапа гражданской войны целиком и полностью на молодого василевса.

Итак, следует заключить, что хронологические проблемы в рассматриваемых нарративных сочинениях могли быть связаны не только с тем, что время их фактического создания отстояло от времени начала и завершения конфликта на несколько десятилетий. Причина появления многих неувязок, нарушений последовательности и логики в описании некоторых важных событий, на наш взгляд, кроется в стремлении обоих историков умышленно исказить конкретные факты, чтобы преподнести деятельность лидера одной из соперничающих партий или свои собственные поступки в максимально благоприятном свете. Восстановить правильную хронологию позволяет внимательное сопоставление данных двух исторических трудов, а также активное привлечение к исследованию сведений, содержащихся в кратких хрониках.

В. В. Майко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Основные проблемы византийской археологии Крыма на современном этапе

Византийская археология является на сегодняшний день неотъемлемой и важной частью византистики, очень часто выступая в качестве единственного способа расширения источниковой базы. Сказанное справедливо и для Крымского полуострова, где сосредоточие византийских памятников и объектов византийского времени является наибольшим для всей территории России.

Крымская византийская археология прошла большой путь становления и развития, изучение которого является темой самостоятельных штудий, только начатых²⁷⁰. На сегодняшний день многолетними стационарными раскопками разнообразных памятников византийского времени занимаются археологические экспедиции Крымского Федерального университета,

²⁷⁰ См. например: *Майко В. В.* Византиноведческие исследования института археологии Крыма в XXI веке // *Χερσόβινος Θέματα: империя и полис. Материалы научной конференции.* Севастополь, 2017. С. 68–75.

изучающие Мангуп и памятники его округа, совместная экспедиция Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма этого Университета и Института археологии Крыма РАН, раскапывающая Эски-Кермен. Постоянные раскопки памятников южного и восточного Крыма ведут еще две экспедиции нашего учреждения. В поле зрения экспедиций Института археологии Крыма РАН и Херсонесского заповедника постоянно находится Херсонес и близлежащие памятники.

Основные проблемы византийской археологии Крыма логично рассматривать по основным ее хронологическим периодам. Надо признать при этом, что критерии выделения этих периодов, да и само их количество является темой непрекращающихся дискуссий. К тому же для разных частей полуострова и абсолютная, и, конечно же, относительная хронология византийского присутствия будет различна. Тем не менее, по крайней мере, с VI в. по 1475 г. в Таврике, независимо от политической подчиненности, существовали различные варианты археологических культур, которые с полным основанием можно считать провинциальными византийскими. Их комплексный анализ — тема отдельной работы. В данном случае остановимся на проблематике изучения всех составляющих материальной культуры. Под этими составляющими мы понимаем культовое строительство, невозможное без участия византийских инженеров и подчиненное общевизантийским канонам, фортификационные сооружения, особенности городской инфраструктуры в целом и соответствие ее застройке византийских городов центральных провинций, характерные черты квартальной планировки, система монастырских центров, погребальный обряд и археологические артефакты, как поступавшие на полуостров из Константинополя и центральных городов империи, так и местного происхождения. Не претендуя на исчерпывающий перечень, на наш взгляд, можно говорить о следующих основных проблемах.

Городская инфраструктура. Ее эталоном для полуострова является, конечно же, Херсонес, где прослежены ее особенности, но, в подавляющем большинстве, последнего периода существования города второй половины XIII в. Состав, размеры, расположение, особенности хозяйственной деятельности городских кварталов данного периода в разных частях этой византийской столицы полуострова хорошо изучены и опубликованы. Проблемами остаются время возникновения не только самих кварталов и построек внутри них, но и самой этой системы. Единым ли был этот процесс в рамках середины X в. для всех частей полуострова, или Херсонес, наиболее связанный с Константинополем, шел «опережающими темпами»? Каков был механизм городской перепланировки в Херсонесе по сравнению с другими городами Таврики? Эти остальные города подражали Херсонесу или вырабатывали свои приемы застройки? Не менее сложной проблемой является и реконструкция городской инфраструктуры ранневизантийского периода до середины X в. Была ли она единой на протяжении, по крайней мере, VI–IX вв., каков был состав того или иного квартала на каждом этапе

этого длительного периода, отличалась ли специфика хозяйственной деятельности.

Все эти вопросы еще ждут своего освещения, особенно для памятников юго-западной, южной и восточной Таврики. Относительно Боспора интересные материалы были получены в последние годы благодаря масштабным охраняемым археологическим раскопкам. Обобщение материалов многолетних раскопок Сугдеи, позволило проследить эти особенности для VIII – первой половины X в. и второй половины X – первой четверти XIII в.

Важнейшей проблемой остается обнаружение, географические особенности расположения и состав построек византийских монастырей всего хронологического периода. Исходя из небольшой территории полуострова, важен механизм взаимосвязи монастырей с городскими центрами.

Важнейшим для поздневизантийского периода второй половины XIII–XIV вв. является вопрос о степени сохранения византийской городской инфраструктуры тех городов восточной части полуострова, которые вошли в состав Золотоордынского государства. В чем были причины ее изменений и затронули ли они систему городских кварталов. Сразу отметим, что, к сожалению, материалов для подобных выводов мало, но их обобщение позволит продвинуться вперед в правильном понимании этой проблемы. Актуальна она и для периода второй половины XIV – первой половины XV в. Как удалось гегуэцам приспособить ее к тем лигурийским западноевропейским урбанистическим канонам, которым они стремились следовать на любых подконтрольных территориях Причерноморья и Средиземноморья.

Артефакты. Типологизация предметов материальной культуры, как морфологическая, так и технологическая, успешные разработки в области сужения хронологических рамок их активного бытования, постоянно пополняют список датирующих маркеров для всех периодов провинциально-византийских культур Крыма. Тем не менее, не считая нумизматического и сфрагистического материала, некоторых предметов этнографического костюма и украшений, наиболее значимыми до сих пор остается амфорная тара и поливная импортная, как белоглиняная, так и красноглиняная посуда. Рабочими и подтвержденными временем являются хронологические реперы, представленные элементами костюма и украшениями и разработанные для периода VI–IX вв.²⁷¹ Сложнее обстоит дело с подобными реперами для периода второй половины X–XIII вв. Существующих разработок²⁷² явно

²⁷¹ Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241; Айбабин А. И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 121–134.

²⁷² См. подробнее: Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. 467 с.

недостаточно. Особенно остро это ощущается для периода XII в., важного в плане определения изменения характера и степени византийского присутствия на полуострове. Проблемой является определение не только реперов, но и вообще состава византийского импорта в материальных культурах Таврики золотоордынского и генуэзского времени. Для второй половины XIII в. общеевропейский средиземноморско-черноморский характер провинциальной византийской культуры приморских городов Таврики очевиден. Для более позднего времени это не только единичные «последние» предметы византийского импорта, в основном керамики, но и местные им подражания, выполненные и переселявшимися мастерами, и местными умельцами, подражавшими им. Все это позволяет ставить проблему о специфике крымской Византии и в составе Золотой Орды, и генуэзских факторий и, даже, «после Византии».

Д. И. Макаров

Уральская государственная консерватория имени

М. П. Мусоргского (Екатеринбург)

Григорий Палама — экзистенциалист?

Истолкование Исх. 3:14 у св. Григория Паламы и Феофана Никейского*

В 1996 г. греческий историк философии Я. Димитракопулос опубликовал работу с аналогичным названием, посвященную полемике с «экзистенциалистским» прочтением учения св. Григория Паламы в известной книге прот. И. Мейендорфа, вышедшей в 1959 г. Современные ученые (Ж.-К. Ларше, Н. Рассел, А. Хулиарас, Р. Гуэрра, П. Ж. Кальварью и др.) в целом согласны с тем, что соответствующее тринитарное и антропологическое учение Паламы достаточно традиционно; однако, на наш взгляд, Я. Димитракопулос преувеличивает эту традиционность, тогда как Я. Полемис, напротив, заявляет чуть ли не о революционном разрыве Феофана Никейского (ок. 1315–1381) с паламитской традицией. Обе оценки, как нам представляется, подлежат вдумчивому и выверенному источниками пересмотру.

Трудно признать справедливым принципиальное заключение Н. Рассела относительно того, что Православная Церковь ни в 1351 г., ни впоследствии не настаивала на том, что паламитское различие сущности и энергии не является *единственно необходимым* для всех ее чад способом мышления о Боге²⁷³. Здесь нужно, как нам кажется, четко различать два аспекта. Само наличие в Боге сущности и энергии, как указывал и Палама (и на этом постоянно делается акцент в книге Рассела), явствует из

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

²⁷³ Russell N. Gregory Palamas and the Making of Palamism in the Modern Age. Oxford, 2019. P. 241.

раскрытой IV, V и VI Вселенскими соборами двуприродности Спасителя и наличия у Него двух природных энергий и воли. Но *говорить* об этом различении и об этом наличии у Бога живой и выявляющей Его энергии возможно, очевидно, не только на паламитском языке, но и, допустим, на более консервативном богословском языке св. Симеона Нового Богослова, который мог называть Христа Сущностью.

Тема ипостаси Божией, особенно в ее взаимоотношении с энергиями — одна из труднейших в плане осмысления даже для современных неопаламитов (таких, как Дэвид Брэдшоу), на что и указывает Норман Рассел, отмечая, что она как таковая «заслуживает дальнейшего исследования»²⁷⁴. Именно это и попытался осуществить в своей работе Рафаэле Гуэрра.

Исх. 3:14 Палама понимал, согласно Р. Гуэрра, как указание на примат ипостаси над сущностью в самом Боге и — шире — как знак превосходства сверх-онтологического уровня над онтологическим²⁷⁵. Ипостась (также и в случае тварных сущих) «образует, скорее, единственный способ полагания (darsi) сущности и природы — при помощи воипостазирования [в конкретных ипостасях]»²⁷⁶. При чем речь идет не только об ипостаси Отца; не случайна надпись 'O ΩΝ на иконах Христа. Приходится заключить, что Бог-Сын²⁷⁷ так

²⁷⁴ Russell N. Gregory Palamas... P. 240.

²⁷⁵ Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi nella concezione ontologica di Gregorio Palamas. Tesi di dottorato. Salerno, 2018–2019. P. 126.

²⁷⁶ Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi... P. 126.

²⁷⁷ Например, у св. Илария Пиктавийского (середина IV в.) в De Trinitate, V.22 (*Hilaire de Poitiers. La Trinité. T. II (Livres IV–VIII) / Text écrit. Par P. Smulders; trad. et notes par G. M. de Durand, Ch. Morel et G. Pelland. [Sources chrétiennes, 448]. Paris, 2000. P. 134.22.6–136.22.15*). Впрочем, уже у папы Григория Великого (590–604) мы видим пример того, как латинская традиция продолжает «прото-эссенциализм» Каппадокийцев: в своем толковании на Исх. 3:14 св. Григорий так и не уточняет, о Каком из Лиц Троицы идет речь, говоря лишь о сверхбытии сущности Сущего, по сравнению с которым наше собственное бытие есть как бы небытие («Моральные [поучения] на книгу Иова», XII, XXXVII.45: *Grégoire le Grand. Morales sur Job. Troisième partie (Livres XI–XVI) / Texte latin, intr., trad. et notes par A. Vocognano. Paris, 1975. [Sources chrétiennes, 221]. P. 208.32–42; ср.: S. Gregorii Theologi Oratio XXX.18; XXXI.23 в: Grégoire de Nazianze. Discours 27–31 (Discours théologiques) / Intr., texte crit., trad. et notes par P. Gallay et M. Jourjon. [Sources chrétiennes, 250]. Paris, 1978. P. 262.1–264.18, 320.8–15*). Мы берем слово «прото-эссенциализм» в кавычки, говоря о св. Григории Богослове, потому что этот термин в большей степени подошел бы экзегезе несторианской. Так, Бабай (Баввай) Великий (551–628), толкуя Исх. 3:14, отмечает содержащееся в данном стихе указание на то, что Бог существует «вечно, сущностно и неизменно...» (цит. по латинскому переводу А. Васхальде: *Tractatus Mar Babai De divinitate et de humanitate et de persona unionis, I, 2 // Babai Magni Liber de unione / Interpr. A. Vaschalde. Romae; Parisiis, 1915. [CSCO. Scriptores Syri. Series II. T. 61]. P. 15.14–16*). Подобного рода явления отмечают и в отношении триадологии антипаламитов (особенно Акиндина) с их внереляционным Богом (*Saint Gregory Palamas. The One Hundred and Fifty Chapters / A critical ed., trans., and study by R. E. Sinkewicz. Toronto, 1988. P. 228–230. Ch. 126; Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi... P. 183*). Сходный образ мысли Григория еще раньше описал мон. Дэвид

же, как Бог-Отец и Св. Троица в целом, может именоваться Сущим²⁷⁸. Добавим, что в том, что касается Св. Духа, столь авторитетный экзегет древней Церкви, как преп. Исихий Иерусалимский (первая половина V в.), толкуя Лев. 9:6, утверждает, что слава Господня — это Дух Святой²⁷⁹. Всё это подтверждает мысль Р. Гуэрра о том, что ипостась — «краеугольный камень онтологии Григория Паламы»²⁸⁰ с содержащимся в ней учением о внутритринитарной перихорезе (взаимопроникновении) ипостасей Св. Троицы.

В качестве отдаленной параллели отметим, что и в древнеславянском Ирмологии, изданном К. Ханником, встречаем христологическую экзегезу Исх. 3:2–4, каковую тем самым, по-видимому, можно считать преобладающей и в литургических источниках²⁸¹.

Мысль Паламы и Феофана Никейского, как и составителей Ирмология, радикальным образом отличается от философского неоязыческого дискурса Михаила Пселла (ок. 1018–1095); согласно данному автору, «сущее [sic вместо Сущий!] — имя единства, само же единство есть [единство] объединенных [предметов]. В Свою очередь, Бог — наипростейшее из всех [сущих], так что Богу, скорее, подобало бы приписать [имя] “Единое”, а не “Сущее”»²⁸².

Димитракопулос совершил открытие, состоящее в том, что в «Триадах» 3.2.12 (р. 666.15–18 Χρήστου) Палама в слегка видоизмененном

Бэлфур: *Balfour D. Palamas' Reply to Gregoras' Account of Their Debate in 1355 // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*. 1982. Bd. 32/4. P. 245–256 (особ.: P. 254–256).

²⁷⁸ Отметим также более традиционалистскую (в свете иудейских и проиудейских истолкований) позицию св. Кирилла Александрийского, состоящую в том, что в Неопалимой Купине Моисею явился «сей блаженный ангел, [говорящий] словно бы от Лица Божия» (S. Cyrilli, Alexandrini archiepiscopi, Glaphyra in Exodum. I, 8 // PG. T. 69. Col. 416A). Иной эрудит может отметить опасную близость такого подхода к строгому субординационизму Евномия, для которого имена четко отражают сущности, а потому: «Ангел» = образ Сущего («как бы Сущий») ≠ Сущий. См.: *Vaggione P. R. Eunomius of Cyzicus and the Nicene Revolution*. Oxford, 2000. P. 137–139. Но тут-то в случае св. Кирилла и вступает в действие параконсистентная логика Божественного, согласно которой, «Ангел» = образ Сущего = Сущий (но не безначально, как Отец, а по способу рождения). Ибо за всяким именем стоит ипостась: «Ибо недостаточно исчислить различия Лиц, но необходимо исповедовать, что каждое Лицо существует в [Своей Собственной и] истинной ипостаси» (S. Basilii Magni ad Neocaesaream Epistula // Brief des Basilius von Caesarea nach Neocaesarea // *Athanasius. Werke / Hrsg. von H. Ch. Brennecke, U. Heil, A. von Stockhausen*. Bd. III/1 (Dokumente zur Geschichte des arianischen Streites). Berlin; Boston, 2020. S. 853–862, 860.24–27).

²⁷⁹ *Hesychii presbyteri Hierosolymitani Commentarius in Leviticum // PG. T. 93. Col. 891A: Gloriam esse Domini Spiritum...*

²⁸⁰ *Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi...* P. 172 (ср. тж. P. 181).

²⁸¹ Канон 8 гласа «Седмь седмицею пещь...», ирмос 4 (*Hannick Chr. Das altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar. [Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et dissertationes, L]. Weiher; Freiburg im Breisgau, 2006. S. 236 (славянский текст); греческий оригинал — S. 237).*

²⁸² *Michaelis Pselli In locum Novi Testamenti (Rom. 1:20), de vocabulis “aeterno” et “immortali” // Michael Psellus. Theologica / Ed. L. G. Westerink et J. M. Duffy. Vol. II Monachii; Lipsiae, 2002. P. 128.37–40.*

виде воспроизводит отрывок из DNV, 4 (p. 182.18f. Suchla; PG. T. 3. Col. 817D; *Димитракопулос*, 2019, 329–332, 336). Этот отрывок не указан в аппарате издания Христу на с. 666. Гуэрра напрасно сомневается именно в этом частном открытии Димитракопулоса, но, похоже, согласен с общей интерпретацией мысли Паламы у греческого ученого²⁸³, полемически заостренной против теории прот. И. Мейендорфа о будто бы имевшем место «христианском экзистенциализме» Паламы. Впрочем, тот же ученый показал значение DNV в целом для умозрений св. Григория: особенно в том, что касается Божественной П/премудрости, проявляющейся в творении²⁸⁴.

В DNV, 4 сказано, что Бог является «самим бытием сущих»²⁸⁵. Тем более Он является — по энергии — Своим собственным бытием (a fortiori: мог ли Он дать бытие сущим, не располагая бытием Сам?). Поэтому Я. Полемис напрасно усматривает предпосылку мысли Феофана Никейского о том, что Сущность Божия — всецело Ум и Сущая-в-Себе-Премудрость (αὐτοσοφία), так что в Ней тождественны мышление и бытие, исключительно в трудах Фомы Аквинского²⁸⁶. По Ареопагиту, Бог — абсолютное Бытие, содержащее и предсодержащее в Себе всякое иное бытие (DNV, 4)²⁸⁷. И бытие, и мышление суть энергии сверхнеименоваемой Сущности Бога, разные грани той Его «единотворящей силы», пришествие которой во вселенную поддерживает сотворенный мир в целостности и являет его бледным отражением всепревосходящего всеединства Творца с Собой Самим²⁸⁸. Во всяком случае,

²⁸³ Более того, Р. Гуэрра указывает присутствие этой же цитаты из DNV, 4 в «Триадах» 2.1.33 (ГПС. Т. 1. Σ. 494.9–16; *Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi...* P. 79), подчеркивая в этой связи: «Значение богословия Псевдо-Дионисия как прочно усвоенного Паламой образца для собственной мысли, а не просто как источника внешних заимствований проступает во всех творениях учителя безмолвия...» (*Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi...* P. 79).

²⁸⁴ *Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi...* P. 266–269. Написание П/п указывает на то, что речь в соответствующих контекстах может идти как о Христе — воплощенной Премудрости Божией, так и об общих энергиях Св. Троицы.

²⁸⁵ DNV, 4 // *Corpus Dionysiacum*. Bd. I. S. 183.8; рус. пер. Г. М. Прохорова, с. 413: Ἄλλ' αὐτός ἐστι τὸ εἶναι τοῖς οὐσι... Ср.: DN XI, 1–2, *passim* (*Corpus Dionysiacum*. Bd. I. S. 217.5–219.24).

²⁸⁶ *Πολέμης Γ. Δ. Ὁ μητροπολίτης Νικαίας Θεοφάνης καὶ τὸ «Περὶ Θαβωρίου φωτὸς» ἔργον αὐτοῦ // Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν*. 1987–1989. Τ. 47. Σ. 201–219 (здесь: Σ. 209–210). См.: *Theophani Nicaeni De luce Taborico Oratio secunda // Ζαχαροπούλου Γ. Σ. Θεοφάνης Νικαίας (- † 1380/1). Ὁ βίος καὶ τὸ συγγραφικὸ τοῦ ἔργο*. [Byzantine Texts and Studies, 35]. Θεσσαλονίκη, 2003. Σ. 197.994–198.1010. Ch.: *Σωτηρόπουλος Χ. Νηπτικαὶκαὶ Πατέρες τῶν μέσων χρόνων*. Αθήνα, 1996. Σ. 224.1033–1041 (здесь: Σ. 224.1041–1048). Подробнее об этом отрывке в контексте его близости воззрениям Варлаама Калабрийского и, что нам представляется более важным, монаха-паламита Давида Дисипата см.: *Makarov D. The First Origin, Thinking and Memory in the Byzantine Philosophy of the Late 13th and 14th Centuries: Some Historico-Philosophical Observations // The Ways of Byzantine Philosophy / Ed. M. Knežević*. [Contemporary Christian Thought Series, 32]. Alhambra, CA, 2015. P. 341–351 (здесь: P. 343–345).

²⁸⁷ DN V, 4 // *Corpus Dionysiacum*. Bd. I. S. 183.4–5; рус. пер. Г. М. Прохорова, с. 411.

²⁸⁸ Божественный мир, т. е. Энергия единения всего сущего с Сущим-Самим-по-Себе, «благодаря преобладанию единства пребывает Весь во всём всецело с Собой

ни о каком «уклонении Феофана от богословия Паламы и — шире — мистической традиции Православия вообще»²⁸⁹ не может быть и речи, если смотреть на глубинный, а не на поверхностный смысл текстов и фактов.

Эта линия фактов, отчетливо указывающих на испытанное Феофаном Никейским системное влияние Ареопагитик, Я. Полемисом игнорируется.

Исх. 3:14, в свою очередь, цитируется Паламой во всем корпусе его сочинений лишь дважды и не может служить ключом к его мысли²⁹⁰. Однако имманентный смысл, заключенный в самом этом стихе, способен пролить свет на проблему глубинных истоков паламитского — и православного вообще энергетизма. Р. Гуэрра удачно замечает в этой связи, что «преизбыток Божественного бытия таков, что его невозможно выразить в понятии “сущность”, так что всякое онтологическое рассуждение о Боге неизбежно оказывается гиперонтологическим и выходит за пределы бытия ... основными источниками Паламы здесь, кажется, выступают прежде всего Псевдо-Дионисий Ареопагит и Максим Исповедник»²⁹¹. Собственно сущность оказывается «ядром Божества»²⁹², но не Богом во всей Его полноте. В этой связи Р. Гуэрра справедливо указывает на Исх. 3:14 как на библейский источник мысли Паламы (цитируемый по Септуагинте)²⁹³. Так, можно полагать, осмысляя эту мысль во всей полноте ее внутренних взаимосвязей, что именно как Сущий Бог и является «сущностью того, что окрест Него»²⁹⁴.

Только Сущему принадлежит приснобытие. И Он не может сделать сущие вечными именно потому, что не может отречься от Себя (2 Тим. 2:13) и Себя сделать тварным²⁹⁵.

Это — одна из причин, по которым рассуждение Димитракопулоса следует признать достаточным, но не исчерпывающим. Но есть и еще причины, побуждающие нас к такого рода утверждениям.

Так, углубление паламитского энергетизма происходит у Феофана Никейского. В трактате «Против вечности мира» он эксплицитно выделяет два вида энергии, связанной с Богом и Его действием по творению мира — (а) безначальную и нетварную энергию Божию и (б) конкретную,

сверхобъединённым (μένει δι' ὑπεροχὴν ἐνώσεως ὅλη πρὸς ὅλην καὶ καθ' ὅλην ἑαυτὴν ὑπερηωμένη)»: DN XI, 2 // Corpus Dionysiacum. Bd. I. S. 219.20–24; рус. пер. Г. М. Прохорова с небольшим изменением, с. 532.

²⁸⁹ Πολέμης Γ. Δ. Ὁ μητροπολίτης... Σ. 210 (здесь: Σ. 214). Ср. несколько более положительное суждение о Феофане: Αὐτόθι. Σ. 217.

²⁹⁰ Димитракопулос Я. Григорий Палама — экзистенциалист? С. 333.

²⁹¹ Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi... P. 77.

²⁹² Ibid. P. 91.

²⁹³ Ibid. P. 125.

²⁹⁴ S. Gregorii Palamae Orationes pro hesychastis // ГПС. Т. 1. Θεσσαλονίκη, 1988. III.2.25. Σ. 676.25–26. См. тж. комментарий Р. Гуэрра к этой главе: Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi... P. 169–171.

²⁹⁵ «Против вечности мира», гл. 31: Θεοφάνους Νικαίας Ἀπόδειξις... Σ. 24.3–4.

направленную на объект, а потому и завершающуюся с сотворением (завершением формирования) данного объекта²⁹⁶. Вторая энергия является продуктом первой и не привносит в Бога сложности²⁹⁷.

По поводу сходных (и являющихся основанием для феофановских) идей Григория Паламы Р. Гуэрра замечает: «Таким образом, сложность является внутренней структурой, присущей тому способу, которым творения используют Божественную энергию, а не чем-либо присущим Божеству как таковому»²⁹⁸. В Божестве все энергии разделены — и едины.

Уже одна эта экспликация Феофаном взаимной соотнесенности единства энергий Божиих с множественным характером их бытия позволяет поставить его на одно из самых видных мест в сонме мыслителей-паламитов, по-новому приоткрывших издревле рассматривавшуюся в византийской патристике тему.

Я. В. Манохин

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

«Некипрские» периоды кипрского архиепископства свт. Епифания Саламинского

Период второй половины IV в. в истории Кипрской христианской церкви можно считать «Эпохой Епифания», поскольку наибольшая активность в церковной жизни связана с деятельностью кипрского архиепископа Епифания Саламинского (ок. 315–403)²⁹⁹. Управляя достаточно внушительной церковной территорией, свт. Епифаний очень часто отсутствовал по разным причинам.

Основными биографическими источниками выступают сочинения самого свт. Епифания и упоминания о нем некоторых современников: свт. Василия Великого, блж. Иеронима Стридонского (342–420), сирийских архимандритов Акакия и Павла, Палладия Еленопольского (363–430) и архиеп. Феофила Александрийского (385–412), Ермий Созомен (400–450) и Сократ Схоластик (380–440). Существуют и два жития — пространное и

²⁹⁶ «Против вечности мира», гл. 37: Θεοφάνους Νικαίας Ἀπόδειξις ὅτι ἐδύνατο ἐξ αἰδίου γεγενῆσθαι τὰ ὄντα καὶ ἀνατροπὴ ταύτης / Εἰσαγωγή, κείμενο, μετάφραση, εὐρετήρια ἀπὸ Ἰ. Δ. Πολέμη. [Corpus Philosophorum Medii Aevi. Philosophi Byzantini, X]. Ἀθήνα, 2000. Σ. 42.23–43.8.

²⁹⁷ «Против вечности мира», гл. 36: Θεοφάνους Νικαίας Ἀπόδειξις... Σ. 42.9–15.

²⁹⁸ Guerra R. Il ruolo dell'ipostasi... P. 146.

²⁹⁹ См.: Асмус В., *прот.* Святитель Епифаний Кипрский (к 1600-летию преставления) // Журнал Московской Патриархии. М.: Издательство Московской Патриархии, 2003. № 5. С. 68–76; Crouzel H. Encore sur divorce et remariage selon Épiphanes // Vigiliae Christianae. 1984. Vol. 38. P. 271–280.

краткое³⁰⁰. Однако они не выдерживают научной критики в плане достоверности сведений³⁰¹.

В период 367–387 гг. свт. Епифаний был активным участником споров о праздновании Пасхи, ведя переписку со свт. Афанасием Великим (296–373) и другими архиереями³⁰². Но источники не сообщают нам об оставлении им пределов Кипра. В 376–377 гг. свт. Епифаний посещает Антиохию в рамках постарианских споров, вызвавших раскол в Антиохийской церкви³⁰³. В 382 г. свт. Епифаний принимает участие в Римском Соборе, созванном епископом Римским Дамасом (304 или 305 – 384) по поводу решения разногласий между Западом и Востоком, а также по урегулированию церковного конфликта в Антиохии.

В 385 г. свт. Епифаний совершил путешествие в Антиохию и в Палестину совместно с блж. Иеронимом Стридонским³⁰⁴. В Антиохии спутники посетили своего друга и единомышленника еп. Павлина, который в 378 г. рукоположил Иеронима во пресвитеры³⁰⁵, а в Палестине — свою знакомую, знатную римлянку Паулу, меценатку «кипрского строительства» свт. Епифания, жившую в Вифлееме и страдавшую уже в то время от некой тяжелой болезни.

В период 383–393 гг. в жизни свт. Епифания можно назвать созданием «палестинского плацдарма», зарождавшихся тогда оригенистских споров³⁰⁶. Будучи палестинцем по своему происхождению, свт. Епифаний очень часто посещал палестинские монастыри и города и вел там активную проповедническую деятельность. Он также поддерживал дружбу со свт. Иоанном II Палеонидором (до 356–417), еп. Иерусалимским. На Пасху 393 г. два предстоятеля вместе совершили праздничное богослужение в г. Вефиле. Но уже в 394 г. взгляды двух архиереев разойдутся в рамках оригенистских споров в Палестине.

394-й г. характеризуется активным противостоянием Епифания Кипрского в Палестине свт. Иоанну II Иерусалимскому³⁰⁷, причем на территории самой Палестины. Для разрешения споров оба епископа обратились около 396 г. к римскому епископу Сирицию (334–399), который

³⁰⁰ PG. T. 41. Col. 23–116 и Dindorfius. 1862. Vol. 5. P. V–XXVII.

³⁰¹ См.: *Nautin P.* Épiphane (saint) de Salamine // *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques.* 1963. T. 15. P. 617–631; *Schneemelcher W.* Epiphanius von Salamis // *Reallexikon für Antike und Christentum.* T. 5. Stuttgart, 1962. Col. 909–927; *Tandonnet R.* Épiphane (saint) de Constantia (Salamine) en Cypre // *Dictionnaire de spiritualité, ascétique et mystique, doctrine et histoire.* 1960. T. 4. Fasc. 1. Col. 854–861.

³⁰² Epiph. Ep. Euseb. et al.; De fide. 22; Adv. haer. 50.1.8, 50.3.1–4, 51.26.1–4, 51.27.1–3, 70.11.1–6.

³⁰³ Epiph. Adv. haer. 77.20–21; Athanas. Alex. Ad Antioch. Col. 809.

³⁰⁴ Adv. Rufin. 3.22. Ep. 108.20.

³⁰⁵ Hieron. Contr. Ioan. Hieros. 41.

³⁰⁶ Epiph. Ep. Ioan. Hieros. 9.

³⁰⁷ Hieron. Adv. Rufin., 3.33.

обличил свт. Епифания за вмешательство во внутренние дела Иерусалимской церкви и призвал обе стороны к примирению. Фактически примирение состоялось, завершив первую стадию споров, но уже в 399 г. споры возобновились с новой силой, но скорее всего в этот период свт. Епифаний не покидал Кипра.

Постепенно вторая стадия оригенистских споров перешла во вражду свт. Епифания со свт. Иоанном Златоустом (347–407) и в период 402–403 гг. кипрский архиерей совершил путешествие в Константинополь, где вступил в открытую конфронтацию со свт. Иоанном. Уже в характерном для свт. Епифания стиле поведения, кипрский архиерей, прибыв в Константинополь, совершил без ведома Константинопольского архиепископа богослужение в одном из храмов и даже совершил диаконскую хиротонию³⁰⁸. Противодействия свт. Епифания в Константинополе свт. Иоанну не принесли результатов, в итоге первый решил возвратиться обратно³⁰⁹, а последний на Соборе осудил деятельность свт. Епифания³¹⁰.

На обратной дороге в начале мая 403 года свт. Епифаний тяжело заболел и 12 мая умер на борту корабля так и не добравшись до места своего служения³¹¹.

Свт. Епифаний посещал и другие города и провинции империи: Сирию (г. Верию и г. Халкиду вплоть до Ефрата), Малую Азию (Карию и Галатию). Однако источники не раскрывают нам даты данных путешествий.

Свт. Епифаний за свое почти 37-летнее управление Кипрской церковью отсутствовал на территории управляемой им церкви в сумме около 11 лет. Определить более точно невозможно в связи с отсутствием в источниках информации о длительности путешествия в месяцах, указаны только года. Но, несмотря на свое отсутствие на кафедре почти четверть периода своего управления, свт. Епифаний сумел многое сделать для процветания Кипрской Церкви, оказать авторитетное влияние на ход общецерковных исторических событий и внести огромный вклад в развитие христианской догматики.

О. А. Манохина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Палестинская ветхозаветная экзегетическая традиция IV–V вв.

В IV–V вв. была сформирована палестинская экзегетическая ветхозаветная традиция, ставшая опорой для внешних и внутренних

³⁰⁸ Socr. Hist. eccl., VI.12.14.

³⁰⁹ Socr. Hist. eccl., VI.14; Sozom. Hist. eccl. VIII.15.

³¹⁰ Phot. Bibl. Cod. 59. См.: *Dechow J. F. Dogma and Mysticism in Early Christianity: Epiphanius of Cyprus and the Legacy of Origen.* Macon: Mercer University Press, 1988.

³¹¹ Socr. Hist. eccl., VI.14; Sozom. Hist. eccl. VIII.15; Vita S. Epiphaniï // PG. T. 41. Col. 109.

конфессиональных споров (в частности для полемики с представителями других авраамических религий — иудеев и самаритян). Основной формой толкования ветхозаветных текстов в Палестине были схолии и постишные комментарии.

Одним из известных палестинских экзегетов был епископ Кесарии Палестинской Акакий Одноглазый (339–366), ученик церковного историка Евсевия Кесарийского (ок. 265–339), автор его биографии. О жизни данного палестинского епископа сохранилось мало сведений, в основном он известен как арианский полемист, конфликтовавший с другим палестинским епископом-ортодоксом свт. Кириллом Иерусалимским, находившимся в его непосредственном подчинении (в процессе арианских споров Акакий низлагает свт. Кирилла)³¹². Акакий Кесарийский был автором ряда трактатов, в частности и схолий на книгу Екклесиаста. Последнее произведение полностью не сохранилось до нашего времени, но по свидетельству блж. Иеронима Стридонского (342–420) состояло из 17 книг. Фрагменты данных схолий сохранились в катенах Прокопия Газского (465–528). Фрагменты антилогии Акакия против Маркелла Анкирского (285–374), в котором приводится множество цитат их ветхозаветных псалмов с пояснениями их значений, сохранились в «Панарионе» свт. Епифания Кипрского (315–403).

Наиболее ярким представителем палестинской ветхозаветной экзегетической традиции является преп. Исихий Иерусалимский (2-я пол. IV в. — ок. 451), автор целого корпуса толкований (схолий) на книги Ветхого Завета. Известно 10 трактатов, основная часть которых полностью сохранилась до нашего времени, а остальные сочинения — фрагментарно, однако фрагменты достаточно крупные, что позволяет подробно изучить взгляды преп. Исихия на ветхозаветные события или учения³¹³. Это такие произведения как: «Комментарий на книгу Левит»³¹⁴, «Схолии к Книге пророка Исаии»³¹⁵, «Главы о 12 пророках»³¹⁶, «Извлечение из пророков»³¹⁷, «Схолии к книгам малых пророков»³¹⁸, «Главы на Книгу пророка Исаии»³¹⁹, «Схолии на Библейские песни»³²⁰, «Комментарий на Книгу Иова»³²¹, фрагменты схолий на книги Исход, пр. Иезекииля, пр. Даниила, Книги

³¹² См.: *Hanson R. P. C. The Search for the Christian Doctrine of God: The Arian Controversy.* New York: Continuum International Publishing Group, 2005. P. 318–381.

³¹³ См.: *Tampellini S. Aspetti di polemica anti giudaica nell'opera di Esichio di Gerusalemme (con particolare attenzione al Commentario al Levitico)* // *Annali di Storia dell'Esegesi.* Vol. 16. № 2. Bologna, 1999. P. 353–358.

³¹⁴ CPG. № 6550; PG. T. 93. Col. 787–1180.

³¹⁵ CPG. № 6559.

³¹⁶ CPG. № 6557; PG. T. 93. Col. 1345–1369.

³¹⁷ CPG. № 6556; BHG. № 1591c; PG. T. 93. Col. 1340–1344.

³¹⁸ CPG. № 6558.

³¹⁹ CPG. № 6559; PG. T. 93. Col. 1369–1386.

³²⁰ CPG. № 6555.

³²¹ CPG. № 6551.

Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней Соломона, Премудрости Соломона, Иова³²², комментарии («краткий» и «большой») на книгу Псалтирь³²³.

Большой корпус экзегетических сочинений принадлежит перу газского христианского софиста и богослова Прокопия. Он был автором комментариев на книги Ветхого Завета: Бытия, Исход, Левит, Чисел, Второзакония, Иисуса Навина, Судей, Песнь Песней и пророка Исаии, а также схолий на I и II Царств, Паралипоменон и Притчи Соломона. Данные толкования представляют собой комментарии к каждому стиху каждой из перечисленных книг, в котором приводятся значения тех или иных слов, а также краткие выжимки и цитаты из святоотеческого предания. Это является характерной чертой толкования древней литературы античных философов. Но при этом не используется содержательная составляющая античной языческой философии. Так и в текстах толкований Библейских книг Прокопия мы не встречаем ссылок на античных писателей, например, Гомера или других.

Патриарх Фотий был знаком с экзегетическими произведениями Прокопия, а именно толкованиями на Октотевх, Царств и Паралипоменон и упоминает их в своей «Библиотеке»³²⁴.

Основной заслугой Прокопия из Газы является создание первой катены (от *catena* — *лат.* «цепь») — сборника отрывков и цитат из экзегетических сочинений Святых Отцов и Учителей Церкви, которые излагались последовательно при толковании той или иной книги Ветхого или Нового Завета. Благодаря катенам Прокопия сохранились постишные комментарии многих ранневизантийских экзегетов не только Палестины, но всего христианского мира³²⁵.

Ветхозаветная христианская экзегетическая традиция в Палестине IV–V вв., находясь в русле общецерковной традиции, сформировала свою собственную идентичность в ситуативных геополитических и религиозно-культурных условиях данного периода, в рамках взаимодействия с античными политеистическими религиями, а также авраамическими конфессиями. Перечисленные экзегеты были активными полемистами. Кроме того, основными центрами возникновения палестинской ветхозаветной экзегетической традиции в Палестине были крупные интеллектуальные центры — Кесария Приморская (Палестинская), как столица региона, Иерусалим — духовная столица региона, Газа — южно-

³²² CPG. № 6560.

³²³ CPG. № 6552; PG. T. 27. Col. 649–1344 и CPG. № 6553.

³²⁴ Phot. Bibl. Cod. 206.

³²⁵ См.: *Petit F.* La Chaine grecque sur la Génèse, miroir de l'exégèse ancienne // *Stimuli: Exegese und ihre Hermeneutik in Antike und Christentum. Festschrift für Ernst Dassmann.* Münster: Aschendorff, 1996. P. 243–253 (особ.: P. 244); *Болгова А. М.* От схолий к катенам: христианизация комментариев к текстам в Газской школе // *Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика.* № 7 (126). Вып. 22. Белгород, 2012. С. 74–78.

палестинский торгово-экономический и интеллектуальный центр. Именно в русле палестинской ветхозаветной экзегетической традиции возникает новая форма сборников постишных комментариев различных авторов — катены, ставшие еще и ценными историческими источниками, на основе которого возможно восстановить тексты, утраченных оригиналов в разные исторические периоды.

А. Н. Масловский

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник

Византийская керамика в золотоордынском городе.

Состав, хронология, объём поступления, влияние на местное производство

Время существования городов Золотой Орды — не самый блестящий период для торговли и ремесла Византии. Тем не менее, не могло не возникнуть самых разнообразных связей между городскими центрами обоих государств. Поскольку большую часть находок из раскопок золотоордынских городов составляют фрагменты керамики, источник очень емкий, попробуем рассмотреть некоторые аспекты этих контактов на примере керамических импортов из Византии в составе комплекса крупного золотоордынского города.

Керамика палеологовской Византии и Трапезундской империи представлена на территории Улуса Джучи следующими группами поливных сосудов и винных амфор.

1. Трапезундские (предположительно³²⁶) амфоры (так называемые «амфоры с дуговидными ручками») грушевидной формы с основным стандартом объемом порядка 50 литров. В пер. половине – сер. XIV в. на них иногда встречаются клейма с греческими именами, сложными лигатурами или эмблемами.

2. Триллийские (предположительно³²⁷) амфоры (так называемые «амфоры с высокоподнятыми ручками») удлинённо-эллипсоидной формы, представленные преимущественно сосудами объемом в несколько литров.

3. Поливные чаши со светло-желтой глазурью с орнаментом сграффито толстой линией³²⁸. Большую часть орнаментов составляют концентрические окружности в центре или сильно стилизованные

³²⁶ Волков И. В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1989. С. 87–96.

³²⁷ Волков И. В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности / Ред. В. Я. Кияшко. В. Е. Максименко. Вып. 1. Азов, 1992. С. 150, 153.

³²⁸ Масловский А. Н. Об одной группе византийской поливной керамики кон. XIII – 1-й пол. XIV в. из раскопок золотоордынского Азака // Степи Европы в эпоху средневековья / Гл. ред. А. В. Евлевский. Том 8. Донецк, 2010. С. 231–252.

растительные элементы со штриховкой. Наиболее вероятным представляется их производство на территории Трапезундской империи.

4. Светлоглиняная очень тонкостенная керамика, представленная почти исключительно двумя видами кухонных сосудов (горшки, низкие котлы). Имеются основания локализовать ее производство в северном районе Константинополя.

5. Кувшины со сложной орнаментацией и двусторонним покрытием глазурью³²⁹. В их декоре используются декоративные налеты. Отдельные элементы выполнены в технике резерва. Производство достаточно уверенно можно связывать с Константинополем.

6. Преимущественно кубки на невысокой ножке и плоскодонные чашечки с тонкими стенками³³⁰. Для декора использованы изображения людей, птиц, льва, монограммы, сложные растительные розетки.

Все другие группы встречаются значительно реже или ввозились непродолжительный период.

Поступление византийской продукции в Золотую Орду сильно изменялось со временем. Лучше всего хронология импорта прослеживается на материалах Азака, но эти же закономерности фиксируются и в материалах других городов. Для последней четверти XIII в., когда уже можно с уверенностью говорить о существовании городов Золотой Орды, византийская продукция абсолютно доминирует среди всего импорта. Полива 3 группы и близких к ней производственных центров составляет более $\frac{3}{4}$ всей поливной керамики³³¹. Ее очень много даже в городах Поволжья (Укек, Болгар), где она конкурирует с продукцией Ширвана, Средней Азии и Ирана. Амфоры 1 и 2 групп в богатых районах составляют до $\frac{1}{5}$ всего керамического комплекса. В 1 четверти XIV в. начинается устойчивое поступление поливных сосудов 4 и 5 групп.

Уже к концу пер. четверти XIV в. доля византийской поливной керамики резко сокращается, составляя менее $\frac{1}{3}$ всего импорта поливной керамики в Азаке, и продолжает снижаться в дальнейшем. Это можно связывать с наращиванием объема производства мастерских Юго-Восточного Крыма, а несколько позже с развитием производства поливы в Нижнем Поволжье и других центрах. К концу пер. трети XIV в. прекращается поступление амфор 2 группы (Триллия), что хорошо объяснимо, если согласиться с локализацией их производства в районе

³²⁹ Крамаровский М. Г. Три группы поливной керамики из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. СПб, 1996. С. 102–103.

³³⁰ Кравченко А. А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 111–120.

³³¹ Масловский А. Н. Изменение объема и состава импортов в керамическом комплексе золотоордынского Азака как отражение событий политической жизни и изменений в экономике Золотой Орды // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 2 (168). С. 42–46 (здесь: С. 44. Рис. 2).

Никеи. К концу пер. пол. XIV в. прекращается поступление 4 группы керамики. В 50-е гг. XIV в. начинается поступление 6 группы керамики и одновременно резкое сокращение ввоза трапезундских амфор (1 группа). Спустя несколько лет ввоз амфор восстанавливается, хотя и далеко не в прежнем объеме и продолжается до самого конца существования городов Золотой Орды, наряду с поливной керамикой 4 и 6 групп.

Золотая Орда была емким рынком сбыта для византийской керамики, который нельзя недооценивать. В пер. пол. XIV в. здесь существовало несколько десятков городов разного размера, с населением общей численностью в сотни тысяч человек. Импорты поступали также на сельские поселения. Даже в Среднем Поволжье (Укек) она составляла 12% всей импортной керамики³³². В период расцвета керамика греческого производства присутствовала в каждом городском домохозяйстве.

При широком импорте готовой продукции, византийское гончарство оказало очень слабое влияние на керамическое производство Золотой Орды. Оно свелось к имитации местными ремесленниками некоторых форм сосудов и орнаментов поливной посуды. Не зафиксировано следов переселения сюда мастеров. Вероятно, самым ярким проявлением византийского влияния является производство в городах Золотой Орды амфор, имитировавших форму, а иногда и объемный стандарт сосудов. Наиболее массовым производством местных амфор было в Азаке, но оно отмечено даже в таких удаленных центрах как Маджар и Укек.

А. В. Мастыкова

*Институт археологии РАН; Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского (Москва-Симферополь)*

Византия и варвары на южном берегу Крыма (V – XIII вв.)*

В римское время Южный берег Крыма представлял собой часть морской границы Империи, доказательством тому являются остатки крепости Харакс на полуострове Ай-Тодор. Для позднеимперского времени (середина III – первая половина V в.) у нас нет прямых свидетельств римского присутствия на южнокрымском побережье, однако, вполне возможно, что некрополи типа Чатыр-Даг и Ай-Тодор с трупосожжениями, содержавшие предметы вооружения, принадлежат варварским федератам германского происхождения, состоящих на службе Рима.

В ранневизантийское время (V – VII вв.) Юго-Западный Крым, так называемую страну Дори, населяли готы. Их некрополи, наиболее известным

³³² Кубанкин Д. А., Масловский А. Н. Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского Областного музея краеведения) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 130–154 (здесь: С. 131).

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

из которых является Суук-Су, являются ярким археологическим свидетельством присутствия готов на побережье. Материальная культура этого народа имеет ярко выраженные культурные черты восточногерманского происхождения, проявившиеся в женском уборе, который представляет собой реплику «княжеского» убора центральноевропейских германских элит. По свидетельству Прокопия Кесарийского (*De Aedificiis*, III, VII.11, написано около 560 г.), император Юстиниан воздвиг две крепости – Алустон и Горзувиты (нынешние города Алушта и Гурзуф) и, таким образом, контролировал как прибрежную территорию, так и морские пути между Херсонесом – главной византийской базой в Крыму, и Боспором Киммерийским, важнейшим стратегическим регионом Северного Причерноморья. В силу этого, готы страны Дори оказались в сфере военного, политического и экономического господства Империи и в непосредственном контакте с ранневизантийской цивилизацией.

Раскопки Института археологии РАН, проведенные в 2017–2018 гг., на археологическом комплексе Горзувиты (Гурзуф), продемонстрировали глубокую византизацию местного населения в VII – XIII вв. Здесь обнаружены остатки жилищ, двух сменяющих друг друга во времени церквей, самая старая из которых содержит коллективную гробницу XI – XIII вв., а также некрополь в основном с плитовыми могилами. Архитектура храмов и характер храмовой гробницы, материальная культура и погребальные обычаи населения Горзувит – типично византийские. Биоархеологические исследования останков людей, захороненных в некрополе и в гробнице нижнего храма, позволяют сделать вывод о местном происхождении населения византийских Горзувит, а их модель питания соответствует средиземноморским популяциям средневековья.

А. С. Матвеева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)

Радость и печаль в письмах византийских интеллектуалов

Византийское литературное личное письмо (*literarische Privatbriefe*)³³³ представляет собой сложный феномен. Современные исследователи видят в нем тесное переплетение коммуникативного и эстетического аспектов. С одной стороны, такие личные письма служили для общения. С другой стороны, они составлялись образованными византийцами, которые расценивали эпистолярную практику как особый вид искусства (*τέχνη*). На протяжении всей византийской истории существовала развитая эпистолярная теория, правила которой были важнейшими ориентирами при написании писем. Личное литературное византийское письмо является

³³³ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. S. 206–207.

довольно строго регламентированным текстом, созданным в соответствии с нормами высокой литературы.

Хотя существует довольно много подходов для изучения византийских писем, вопрос об интерпретации остается дискуссионным³³⁴. Сами ученые византийцы трактовали письмо как «образ души» (εἰκόνα τῆς ψυχῆς) его создателя. Обращает внимание то, что византийская эпистолярная теория немало внимания уделяет выражению эмоций и переживаний³³⁵. Полагаю, что данная аутентичная рефлексия делает актуальным анализ византийских эпистолярных с применением подходов истории эмоций.

«Эмоция» — термин, смысл которого меняется в зависимости от дискурса той или иной научной дисциплины (психология, нейробиология, антропология и т. д.) История эмоций на первый план выдвигает социальный аспект человеческих эмоций. Люди всех эпох испытывали эмоции. Но способы и нормы выражения, оценивания, описания эмоций варьируются в соответствии с историческим периодом, культурой, конкретным сообществом. Культурная изменчивость выражения эмоций и привлекает историков. Эмоции можно определять как проекции человеческих психических переживаний, желаний, чувств в социальном пространстве³³⁶.

Я предлагаю сосредоточиться только на анализе двух основных текстуальных эмоций в *literarische Privatbriefe*. Речь идет о радости (ἡδονή) и печали (λύπη), двух фундаментальных человеческих эмоциях. Византийская эпистолярная теория опиралась на достижения позднеантичной эпистолярной теории, которая давала совокупность идей и советов по созданию литературно совершенного письма (ἐπιστολή)³³⁷. Для византийской эпистолярной теории типичным является выражение радости по поводу получения письма и печали, возникающей при отсутствии/молчании друга³³⁸. Использование данных эмоций в таком контексте — закономерное развитие важнейшего эпистолярного концепта φιλία (дружба). Для образованных византийцев дружба трактовалась как одно из самых ценных

³³⁴ См.: *Сметанин В. А.* Византийское общество XIII–XV вв. (по данным эпистолографии). Свердловск, 1987; *Grünbart M.* Formen der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert. Wien, 2005; *Mullett M.* Letters, Literacy and Literature in Byzantium. Aldershot, 2007.

³³⁵ *Karlsson G.* Idéologie et cérémonial dans épistolographie byzantine. Textes du Xe siècle analysés et commentés. Uppsala, 1959. P. 94–97; *Bourbouhakis E.* Epistolary Culture and Friendship // *A Companion to Byzantine Epistolography* / Ed. by A. Riehle. Leiden; Boston, 2020. P. 279–306.

³³⁶ *Shouse E.* Feeling, Emotion, Affect // *A Journal of Media and Culture*. 2005. Vol. 8. № 6. [Электронный ресурс] URL: https://journal.media-culture.org.au/mcjournal/article/view/2443?source=post_page__ (дата обращения: 28.02.2022). См.: *Plamper J.* The History of Emotions: An Introduction. Oxford, 2015.

³³⁷ См.: *Seccarelli P.* Ancient Greek Letter Writing: A Cultural History (600 BC – 150 BC). Oxford, 2013; *Черноглазов Д. А.* Античная эпистолярная теория в Византии: замечания о неизданном греческом учебнике из Cod. Vat. Gr. 1405 // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2017. № 21. С. 838–849.

³³⁸ *Kotzabassi S.* Epistolography and Rhetoric // *A Companion to Byzantine Epistolography*... P. 187–188.

чувств, которое заставляет желать постоянного общения. Эпистолярная практика становится единственным способом поддержать дружеский разговор на расстоянии. Наряду с другими эпистолярными топосами выражения радости и печали становятся каркасом для создания оригинального текста.

Например, в корреспонденции Николая Кавасилы (1321/22–1399), известного поздневизантийского богослова³³⁹, наблюдается систематическое топосное выражение радости и печали. Это создает определенную эмоциональную лексическую палитру: ἡδομαι (радоваться), ἡδονή (удовольствие), χαρίς (радость), χαρίζομαι (быть приятным), φιλέω (любить), ἀνιάω (печалиться), λύπη (грусть), ἀλγέω (огорчаться)³⁴⁰.

Топос печали нередко может развиваться при помощи описания болезненных состояний³⁴¹. Полагаю, что фиксация (порой детальная) авторами собственных болезненных симптомов играет роль топосов, которые призваны подчеркнуть негативные переживания автора, а также вызвать сочувствие у адресата.

Итак, выражения радости и печали являются топосными эмоциями византийских литературных писем. Они апеллируют к двум важнейшим, диаметрально противоположным человеческим чувствам. Эмоциональные эпистолярные топосы можно расценивать как особые текстуальные конструкции, дающие возможность коммуникации в сообществе византийских интеллектуалов.

Ю. М. Мозаричев, А. С. Ергина

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица

Росписи пещерных церквей Таврики

В период средневековья в Горной Юго-Западной Таврике функционировало не менее 60 пещерных церквей. Часть из них имела росписи. В настоящее время их фрагменты сохранились в шести памятниках. Это: храм Южного монастыря (Мангуп); церковь на поляне Кильсе-Тубю (округа Мангупа); церкви «Успения» и «Трех всадников» (Эски-Кермен); храм «Донаторов» (округа Эски-Кермена); церковь № 12 на Загайтанской скале (Инкерман). Авторы конца XVIII – начала XX вв. оставили описания ныне утраченной стенописи еще семи объектов: церкви св. Георгия

³³⁹ PLP. 30539; *Correspondance de Nicolas Cabasilas / Éd. M.-H. Congourdeau. Paris, 2010.*

³⁴⁰ *Enepekides P. Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd. 46. S. 33 (Ep. 6.1–2); S. 43 (Ep. 16.15–16); S. 43 (Ep. 16.14–15); Correspondance... P. 97 (Ep. 17); P. 145 (Ep. 26); P. 189 (Ep. 30).*

³⁴¹ *Enepekides P. Der Briefwechsel... Ep. 4.2–6, 9–11; Ep. 14.5–7; Correspondance... P. 41, 43 (Ep. 8).*

(Климента), «Храма с крещальной», церкви «География (Евграфия)», церкви монастыря св. Георгия, церковью монастыря св. Софии (все Инкерман); главного храма Шулдана; церкви «Судилище» (Эски-Кермен).

Учитывая незначительное число памятников и плохую сохранность большинства из них, в историографии росписи пещерных церквей Крыма получили недостаточное освещение. По данной проблеме была опубликована лишь одна монография. Это работа О. И. Домбровского «Фрески средневекового Крыма» (Киев, 1966). При этом, внимание автора привлекли не все, даже сохранившиеся тогда, росписи (например, церковь на поляне Кильсе-Тубю).

Искусствоведческий анализ и присутствующие в ряде памятников эпиграфические материалы позволяют установить хронологию некоторых из них.

XIII веком датируются росписи церкви «Трех всадников», «Храма с крещальной», церкви «География (Евграфия)» (в последнем случае — третья четверть). Стенопись церкви «Успения», церкви № 12 на Загайтанской скале относятся к первой половине — середине XIV в., храма «Донаторов» — середине — второй половине XIV в. Церковь монастыря св. Георгия, базилика св. Георгия (Климента), храм Южного монастыря Мангупа были расписаны в первой — третьей четверти XV в. Церковь на поляне Кильсе-Тубю — в третьей четверти XV в. Меньше «зацепок» имеется для датировки церкви «Судилище» (скорее всего не позднее XIII в.), монастыря св. Софии (вероятно XIV–XV вв.) главного храма Шулдана (очевидно XV в.).

Анализ росписей позволяет выделить следующие сюжетные композиции.

1) Эски-Кермен. Церковь «Трех всадников». На северной стене находится фреска размерами 1,85 x 3,4 м., на которой изображены три святых воина на конях: св. Георгий, св. Дмитрий, св. Федор.

Церковь «Успения». В апсиде была композиция Деисус (святые в полный рост). В нижнем регистре апсиды — сюжет Поклонение жертве как тип иконографии Службы святых отцов. На своде алтарной арки — Благовещение. Далее на потолке — Рождество Христово и Крещение. Северная стена содержала небольшие композиции в два регистра: Сретение и образы трех преподобных (пророков?). Рядом, в высоту всей стены изображен святой в святительском облачении в полный рост, а в написанном аркосолии просматривается фигура св. Георгия в полный рост в боевом облачении. В нише, декорированной орнаментом, имеется изображение Одигитрии. На западной стене находятся сюжеты Успение Богородицы и убрис.

Храм «Донаторов». В конхе апсиды Деисус. В нижнем регистре алтаря просматривается образ Христа-младенца в чаше и шести святителей по бокам в крестчатых облачениях над алтарем — Поклонение жертве. На сводах алтарной арки — Благовещение. На восточной стене, в нише, изображения двух мучениц: Анастасии и Марии (Параскевы?). Северная

стена представляет собой ряд акросолий с изображениями святых воинов. В ближайшей к алтарю — св. Федор на коне. Далее св. Георгий и св. Дмитрий Солунский в окружении, возможно, ктиторов пещерного храма. На западной стене предположительно были образы великомученика Акиндина Никомидийского и донаторов церкви (женская и мужская фигуры). На потолке две композиции: к северу — Богоявление, к югу — Сретение. На своде северного нефа можно отметить пять образов в медальонах и две сцены из жизни Федора Стратилата: Исповедание веры перед царем и Казнь святого мученика. Своды аркосолий образуют паруса где изображены: на западной — св. Ефимий, на восточной — св. Савва.

Храм «Судилище». В XIX в здесь еще были видны фигуры Деисуса (Предтеча). Ныне эти росписи утрачены.

2) Мангуп. *Церковь Южного монастыря.* В конхе апсиды — Деисус. В нижнем регистре ниша, декорированная убрусом, с Хризмой в конхе и медальоном с изображением Эммануила. По сторонам ниши — композиция Служба святых отцов. Центральная часть свода алтарной арки декорирована Спасом Нерукотворным. Слева изображение арх. Михаил, справа — св. Георгия, св. Федора, св. Дмитрия. На сводах алтарной арки — Благовещение. Своды церкви над алтарной преградой изображают Богородицу Знамение. Далее с одной стороны пророк Моисей, с другой — пророк Аарон, св. Параскева, св. Марина.

Пещерная церковь на поляне Кильсе-Тубю. Всю алтарную часть занимает композиция Деисус. Над ним фрагмент убруса, декорированного красным орнаментом.

3) Шулдан. *Главный храм.* Исследователи XIX в. отмечали на северной стене образ Богородицы.

4) Инкерман. *«Храм с крещальной».* В конхе апсиды исследователями были отмечены фигуры из Деисуса. Ниже просматривались контуры фигур святителей в рост, по низу панель из параллельных зигзагообразных линий красного и черного цветов, образующих треугольники. На скамье был геометрический орнамент в виде параллельных зигзагообразных линий красного и черного цветов.

Храм География (Евграфия). В конхе апсиды, вероятнее всего, был помещен образ Христа, предположительно Эммануила, который был отделен прямоугольной рамой. В нижнем регистре апсиды изображение восьми фигур святителей, по четыре с каждой стороны от престола.

Монастырь св. Софии. Уже в XIX в. росписи здесь были неразличимы.

Базилика св. Георгия (Климент). Исследователи XIX – начала XX в. отмечали, что в пространстве храма были видны изображения Христа с пророками и образы двух святых воинов.

Церковь в Георгиевской (Крымской) балке. В апсиде два сюжета: в конхе — Вознесение; в нише — Деисус. В центре свода церкви над алтарной частью — поясное изображение святого в медальоне белого, желтого и красного цветов (св. Лавр?). На южной части свода видны

фигуры сюжета явление Ангела св. Пахомию Великому. На северной части свода две композиции: Сошествие Святого Духа на апостолов и св. Иоанн Богослов и его ученик Прохор.

Церковь № 12 (Загайтанская скала). В конхе апсиды — Вознесение. Средний регистр содержит Деисус. Нижний регистр — Святительский чин. Своды алтарной арки традиционно декорированы сюжетом Благовещение. На центральной части свода просматривается в медальоне, поддерживаемом ангелами, Ветхий Денми. Далее следуют композиции Сретение и Воскрешение Лазаря. Северо-западная стена (северная) содержит изображение сюжета Преображение Господне, а затем Распятие Господне и Сошествия во Ад. На юго-восточной стене (южной) — композиции Рождество Христово и Крещение. На юго-западной стене наоса (западной) над дверным проемом была написана Тайная вечеря.

В. Л. Мыц

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Византийские амфоры XIII в. из крепости Алустон

Монгольские завоевания на территории Восточной Европы продолжались на протяжении 20–70-х гг. XIII в. и сопровождались катастрофами регионального порядка. К таким событиям стоит отнести и захват ими Таврики. Первоначально монгольские набеги были направлены на районы Восточного Крыма, прежде всего на Сугдею, подвергавшуюся погромам в 1223 и 1238 гг. В 1249 г. ими проводится перепись населения Сугдеи («взято число») с целью сбора дани. Херсонес и Климаты Готии также попадают в зависимость от ордынцев. Население Юго-Западного Крыма и Южнобережья сохранило автономию, выплачивая монголам дань. Об этом свидетельствует Вильгельм Рубрук, прибывший в Сугдею в 1253 г.

Весной 1278 г. монголы начинают завоевание Горной части Таврики (от Сугдеи до Херсона). В результате этого похода оказались разрушенными византийские города (Херсон, Эски-Кермен, Сүйрен, Тепе-Кермен, Бакла, Алустон и др.), крепости, монастыри и поселения (всего порядка 70 населенных пунктов)³⁴². На этих памятниках выявлены слои тотальных пожаров и катастрофических разрушений. Керамика XIII в. в основном аналогична сосудам византийского Херсона, что указывает на общность материальной культуры всего региона.

Малым городским византийским центром, подвергшимся разрушению в XIII в., является крепость Алустон. Однако следы его разгрома не столь впечатляющи, как в Херсоне и Эски-Кермене. Здесь, на площади более чем в

³⁴² Мыц В. Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // *Rex Mongolica* и Евразийские потрясения XIII–XIV веков / *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 69–106.

4000 кв. м не выявлено закрытых комплексов, т. к. все строения XIII в. подвергались нивелировке и перестройке при возрождении города в XIV в.

В качестве датирующего материала, исследователи чаще всего привлекают амфоры, поливную керамику и нумизматические находки. Среди материалов из слоя пожара XIII в. особое место занимают фрагменты амфор, так как они составляют 50–70% от общего числа находок. Амфоры XIII в. из Алустана относятся к четырем типам.

Тип I. Особенно многочисленны (целые и фрагментированные составляют 62% амфорных находок) круглодонные сосуды с грушевидным желобчатым туловом, коротким горлом и высоко поднятыми дуговидными ручками. Эти амфоры по херсонесской классификации 1971 г. относятся к «типу XXIII»³⁴³, а по типологии 1995 г. — «классу 45»³⁴⁴, по N. Günsenin — «тип IV»³⁴⁵. Датируются в широких пределах — XII–XIV вв.³⁴⁶, что далеко не всегда оправдано конкретными условиями находок. Черепок амфор варьируется от кирпично-красного до светло-оранжевого. Встречаются амфоры, изготовленные из каолиновой (белой) глины. Материалы Алушты по данным признакам позволяют говорить о том, что амфоры первого типа поступали как минимум из 4–5 центров. Подобные амфоры в слоях XIV в. Алустана встречались исключительно в виде разрозненных обломков, что указывает на прекращение их поступления на рынок города.

Тип II. Следующую по численности группу (28% находок амфор XIII в.) составляют амфоры с вытянутым веретенообразным туловом, покрытым частыми бороздками, высоко поднятые над валикообразным венчиком ручки. Черепок обычно ярко красный. Встречаются сосуды двух размеров и объемов: от 1 до 4,5 л. По классификации 1971 г. относятся к «типу XXV», по типологии 1995 г. — «класс 52», по N. Günsenin — «тип III»³⁴⁷. А. Л. Якобсон считал данные амфоры «местной формой»³⁴⁸. Однако в Крыму они были явно привозными, центр их производства точно не установлен. Время бытования исследователи традиционно ограничивают XII–XIII вв.³⁴⁹

Тип III. Амфоры с внутренней бугристой поверхностью (9% от общего числа) имеют массивное плоское дно, овальные ручки, горло в виде раструба.

³⁴³ Антонова И. А., Даниленко В. Н., Иващута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 94.

³⁴⁴ Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 73–77.

³⁴⁵ Günsenin N. Recherches sur les Amphores Byzantine dans les Turcs // Recherches sur la Ceramique Byzantine / Ed. by V. Deroche, J. M. Spiesre. Athens: École Française d'Athènes. 1989. P. 271–276. Fig. 12–13.

³⁴⁶ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 111–112. Рис. 69, 1, 4.

³⁴⁷ Günsenin N. Recherches... P. 271–276. Fig. 12–13.

³⁴⁸ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство... С. 111. Рис. 68, 5–8.

³⁴⁹ Антонова И. А., Даниленко В. Н., Иващута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса... С. 93. Рис. 24.

Поверхность покрыта белым (с зеленым отливом) ангобом. Черепок плотный розово-красный с включением известковых частиц. По этому признаку данные сосуды («тип XXII» по херсонесской классификации 1971 г. и «класс 48» по типологии 1995 г.³⁵⁰ относят к изделиям мастерских Херсонеса XII–XIV вв.. А. Л. Якобсон считал, что за пределами Юго-Западного Крыма данные амфоры не встречаются³⁵¹. Однако в настоящее время их находки известны на Тамани, где они неизменно сопутствуют находкам амфор II и III типов. Время существования не выходит за пределы XIII в.

Тип IV. Встречается редко в слоях XII–XIII вв. (в Алуште менее 1%). Он не вошел в классификации Херсонеса 1971 и 1995 гг. А. Л. Якобсон обратил внимание на наличие данных сосудов³⁵². По характеру желобчатости определял дату этих амфор в пределах IX–X вв.³⁵³ Амфоры такого типа встречаются исключительно в слоях XII–XIII вв. и происходят из закрытых комплексов XIII в. крепости Исар-Кая³⁵⁴, Эски-Кермена и др. В Пятницкой церкви Чернигова (начало XIII в.) они использованы в качестве голосников. В. Ю. Коваль, изучая массовый амфорный материал Южной Руси XI–XII вв, отнес близкие по форме сосуды к III группе «типу 1»³⁵⁵. По его наблюдениям, доля амфор группы III в общем объеме амфорного материала составляет чуть более 2%³⁵⁶.

Место их производства устанавливается пока предположительно на территории современной Турции. В ходе раскопок 2001–2009 гг. в Кадыкалеси/Анайя (район Давутлар, к югу от Кушадасы, Малая Азия) получена самая большая коллекция (32 целые амфоры и несколько сот фрагментов), состоящая из изделий нескольких типов. Среди них турецкий исследователь Синан Мимароглу интересующие нас амфоры выделил в «тип 1» Кадыкалеси/Анайя³⁵⁷.

А. Д. Назаров

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Из Ирана в Византию: два аспекта пребывания Артабана Аршакуни на службе Юстиниана I*

³⁵⁰ Там же. С. 95; Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры... С. 83–88.

³⁵¹ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство... С. 113.

³⁵² Там же. С. 75. Рис. 43, 16.

³⁵³ Там же. С. 43.

³⁵⁴ Мыц В. Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // Советская археология. 1987. № 2. С. 228–246 (здесь: С. 240. Рис. 10, 3).

³⁵⁵ Коваль В. Ю. Византийские амфоры (магарики) в Южной Руси // Библиотека Vita Antiqua: 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Київ, 2012. С. 48. Рис. 3, 1, 2; 4, 1.

³⁵⁶ Коваль В. Ю. Византийские амфоры... С. 48.

³⁵⁷ Mimaroglu S. Kadikalesi/Anaia Bizans Dönemi amphoraları // Sanat Tarihi Dergisi. 2011. № 20/1. S. 63–92.

* Исследование проведено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00240.

Среди восточноримских военачальников, упомянутых в сочинениях Прокопия Кесарийского, особенный интерес представляет фигура Артабана из армянского царского рода Аршакуни (Аршакидов)³⁵⁸. За свою жизнь Артабан успел послужить правителям двух держав: иранскому шаханшаху Хосрову I Ануширвану (531–579) и восточноримскому императору Юстиниану I (527–565). Такой пример не является чем-то уникальным, поскольку в VI в. многие нахарары (представители армянской аристократии) переходили из одного противоборствующего лагеря в другой³⁵⁹.

Причиной бегства Артабана в Иран стали боевые действия на территории византийской Армении в 538/539 г., в ходе которых был убит его отец Иоанн. Во главе группы переселенцев стоял армянин Васак, который был зятем погибшего аристократа и, по мнению Н. Г. Адонца, происходил из рода Мамиконянов (Proc. VP. II.3.8–31)³⁶⁰. Причины появления Артабана в Восточной Римской империи неизвестны. Произошло это в первой половине 40-х гг. VI в. Вместе с ним находился его брат Иоанн, который позднее погиб в бою с маврами (Proc. BV. II.24.2, 15).

Прокопий Кесарийский донес до нас сведения об участии Артабана в двух заговорах, каждый из которых представляет отдельный интерес. Первый из них имел место в Африке в 546 г. после того, как против Юстиниана I восстал восточноримский военачальник Гонтарис, замышлявший, по словам Прокопия, «тиранию». Именно действия Артабана, который организовал успешное покушение на лидера бунтовщиков, позволили справиться с мятежом. Важно подчеркнуть, что опорой армянского аристократа в этом предприятии стали его соотечественники, в первую очередь, племянник Григорий. Также доверенным лицом Артабана был дорифор Арташир, вероятно, перс (Proc. BV. II.27.9–10, 28.6–33).

Юстиниан I щедро вознаградил Артабана за этот успех и, более того, одобрил его брак со своей племянницей Прейектой, благодарной Артабану за спасение от Гонтариса. Женитьбе воспрепятствовала императрица Феодора, сославшаяся на то, что у Артабана уже была жена. Это спровоцировало его возмущение, сподвигшее на участие в неудачном заговоре против Юстиниана I в 548/549 г. В круг лиц, замышлявших

³⁵⁸ См. подробнее: The Prosopography of the Later Roman Empire / Ed. by J. R. Martindale. Vol. 3. Cambridge, 1992. P. 125–130.

³⁵⁹ Preiser-Kapeller J. Aristocrats, Mercenaries, Clergymen and Refugees: Deliberate and Forced Mobility of Armenians in the Early Medieval Mediterranean (6th to 11th Century A.D.) // Migration Histories of the Medieval Afroeurasian Transition Zone: Aspects of Mobility between Africa, Asia and Europe, 300–1500 C.E. / Ed. by J. Preiser-Kapeller, L. Reinfandt, Y. Stouraitis. Leiden; Boston, 2020. P. 330–333.

³⁶⁰ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. 2-е изд. Ереван, 1971. С. 126.

убийство императора, также входили Аршак Аршакуни и персо-армянин Ханаранг (Proc. BG. III.31–32)³⁶¹.

Отдельно нужно обратить внимание на мотивы, которые побудили Артабана организовать упомянутые заговоры. Рассмотрим сначала инцидент, произошедший в Африке в 546 г. Прокопий Кесарийский вложил в уста Григория, племянника Артабана, слова о знатности своего дяди, а также о недопустимости находиться в подчинении у такого человека, как Гонтарис (Proc. BV. II.27.11–19). Предположительно, такая речь лишь отчасти является плодом литературного вымысла. Представляется логичным, что Артабан считал для себя недостойным служить незнатному лицу. Что касается неудавшегося покушения на Юстиниана I, можно предположить, что сорвавшаяся женитьба на Прейекте могла быть расценена как неблагодарность правителя, как нарушение сувереном своих обязательств.

При подведении итогов необходимо обозначить значение клановых связей в процессе адаптации Артабана к реалиям жизни в восточноримском обществе. В критических ситуациях в чужой стране он прибегал в первую очередь к помощи родственников. Также Артабан мог рассчитывать на поддержку других армяно-персидских переселенцев в Византии. Характер связей с последними лицами остается неизвестным, однако нельзя исключать, что они могли основываться на узах боевого товарищества или имели черты, свойственные для взаимоотношений между патронами и клиентами. Конечно, для организации заговоров было недостаточно апелляции к родству. Важное значение имели идеалы, которые разделялись в среде армянской аристократии. Аргументация, основанная на обращении к общим ценностям, давала Артабану возможность заручиться поддержкой других иммигрантов из державы Сасанидов, в том числе и соотечественников.

В. Е. Науменко, А. Г. Герцен

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

О времени строительства византийской крепости на Мангупе.

Существуют ли основания для возобновления дискуссии?*

Современная гипотеза о времени строительства Мангупской крепости в последнее десятилетие правления императора Юстиниана I (527–565), была сформулирована А. Г. Герценом в 1990 г. Она обосновывалась результатами археологических исследований памятника. В качестве хронологических маркеров использовались данные письменных и эпиграфических источников — отсутствие упоминаний крепости в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках» и фрагмент плиты со строительной

³⁶¹ По всей видимости, он был выходцем из парфянского рода Канарангиянов. См. об этом семействе подробнее: *Pourshariati P. Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. London; New York, 2008. P. 265–271.*

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФ №22-28-00296.

надписью Юстиниана I, обнаруженный при изучении Мангупской базилики в 1913 г.³⁶² Последующие материалы раскопок городища никогда не давали повода сомневаться в такой версии событий. Однако, недавно А. И. Айбабин предложил иную хронологию возведения крепости на Мангупском плато — последняя четверть VI в. или после 590 г., в правление императора Маврикия (582–602). Главными аргументами для передатировки крепостного строительства на Мангупе-Доросе являются сведения того же Прокопия Кесарийского и отсутствие среди материалов его раскопок датированных временем Юстиниана I археологических комплексов, имеющих отношение к сооружению крепостных стен.

В таком случае ему приходится признать случайный характер строительной надписи Юстиниана на городище и связывать ее происхождение с развалом расположенной в соседней с Мангупом Каралезской долине раннесредневековой оборонительной стены, интерпретированной в качестве одного из участков «длинных стен» Прокопия Кесарийского³⁶³. Ввиду очевидной дискуссионности гипотезы А. И. Айбабина, позволим себе вновь вернуться к основным аргументам традиционной точки зрения на время строительства Мангупской крепости.

О датировке трактата Прокопия Кесарийского «О постройках» и его «крымском экскурсе». Слабым звеном концепции А. И. Айбабина является абсолютизация им сведений Прокопия Кесарийского применительно к исторической ситуации в Таврике, подчеркнутая принятием наиболее поздней из всех возможных вариантов даты составления трактата «О постройках» — около 560 г.³⁶⁴ Такой подход к информации источника и его хронологии нам не кажется правомерным.

Несмотря на дискуссионность времени появления трактата Прокопия «О постройках», в историографии преобладает гипотеза о его ранней дате, около 554 г.³⁶⁵ Более того, недавно Ф. Монтинаро была предложена еще

³⁶² Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 87–166 (здесь: С. 133–136).

³⁶³ Айбабин А. И. Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на внутренней горной гряде Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. XXVI. С. 475–497 (здесь: С. 477–482). См. также: Айбабин А. И. К дискуссии об эпиграфических свидетельствах о деятельности Византии в Горном Крыму в VI веке // Вестник Волгоградского Государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 6. С. 6–18 (здесь: С. 7–8). О Каралезском укреплении см.: Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1991. Вып. II. С. 105–118 (здесь: С. 114–115).

³⁶⁴ Айбабин А. И. Ранневизантийский и хазарский периоды... С. 477–478.

³⁶⁵ Cameron A. Procopius and the Sixth Century. London; New York, 2005. P. 83–85; Greatrex G. The Date of Procopius' *Buildings* in the Light of Recent Scholarship // *Estudios byzantinos*. 2013. Vol. 1. P. 14–28; Greatrex G. Perceptions of Procopius in Recent Scholarship // *Histos*. 2014. Vol. 8. P. 101–103; Croke B. The Search for Harmony in Procopius' Literary Works // A

более радикальная версия ранней хронологии трактата: его ранняя (Краткая) редакция написана около 550 г. в качестве приложения к первым семи книгам трактата «О войнах», более поздняя (Пространная) редакция — около 554 г., вместе с заключительной VIII книгой того же сочинения³⁶⁶. В таком случае поздняя датировка трактата «О постройках» (около 560 г.), последовательным сторонником которой остается, пожалуй, лишь М. Уитби³⁶⁷, уже не выглядит убедительной, и традиционная точка зрения о возведении Мангупской крепости в последнее десятилетие правления Юстиниана I по-прежнему имеет право на существование.

О строительной надписи Юстиниана I из раскопок Мангупской базилики. Обнаружена в 1913 г. в ходе раскопок трехнефной базилики, являвшейся на протяжении всей истории Мангупского городища его кафедральным храмом³⁶⁸. Фрагмент известняковой плиты, на которой высечена надпись с именем Юстиниана I³⁶⁹, был использован в качестве строительного материала в обкладке одной из плитовых могил³⁷⁰. Позднее А. Ю. Виноградовым была частично восстановлена нижняя строка надписи с датой — «... в 11-й индикт, в... году», что позволило предложить три возможных варианта ее более точной хронологии — 532–533, 547–548 или 562–563 гг.³⁷¹

Для всех исследователей, датировавших сооружение Мангупской крепости постюстиниановским временем, вторичный характер находки позволял рассматривать ее как случайно попавшую на территорию городища³⁷². В последнее время популярной становится версия о том, что первоначально она была связана с привратной башней оборонительной стены в

Companion to Procopius of Caesarea / Ed. by M. Meier, F. Montinaro. Leiden; Boston, 2021. P. 28–58 (здесь: P. 36).

³⁶⁶ Montinaro F. Power, Taste and the Outsider: Procopius and the *Buildings* Revisited // *Shifting Genres in Late Antiquity* / Ed. by G. Greatrex, H. Elton, L. McMahon. Burlington, 2015. P. 191–206 (здесь: P. 193–206).

³⁶⁷ Whitby M. Justinian's Bridge over the Sangarius and the Date of Procopius' *de Aedificiis* // *The Journal of Hellenic Studies*. 1985. Vol. 105. P. 129–148 (здесь: P. 141–146); Whitby M. Procopius' Buildings and the Panegyric Effect // *A Companion to Procopius of Caesarea* / Ed. by M. Meier, F. Montinaro. Leiden; Boston, 2021. P. 137–151 (здесь: P. 151).

³⁶⁸ Лепер Р. Х. Сообщение о раскопках на Мангупе в 1913 г. // *Известия Таврической Ученой Архивной комиссии*. 1914. № 51. С. 297–300 (здесь: С. 298).

³⁶⁹ Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // *Известия Императорской Археологической комиссии*. 1918. Вып. 65. С. 9–21 (здесь: С. 18. Рис. 1).

³⁷⁰ Лепер Р. Х., Мусеев Л. А. Раскопки на Мангупе // *Отчет Императорской Археологической комиссии за 1913–1915 гг.* Петроград, 1918. С. 72–84 (здесь: С. 74–75. Рис. 112).

³⁷¹ Виноградов А. Ю. К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // *Херсонесский сборник*. 2001. Вып. XI. С. 70–71.

³⁷² Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // *Готский сборник. Известия Государственной Академии истории материальной культуры*. 1932. Т. XII. Вып. 1–8. С. 107–152 (здесь: С. 135, 141).

соседней с Мангупом Каралезской долине³⁷³. Такой подход к интерпретации сведений источника не выглядит убедительным. На Мангупе использование ранних построек в качестве источника для строительных материалов при возведении более поздних сооружений является постоянной практикой. Многие известные строительные надписи на городище обнаружены в переотложенном состоянии. В этой связи сам факт ведения дискуссии об их происхождении выглядит бессмысленным занятием. Более продуктивным представляется возможность уточнения даты строительной надписи, если следовать ее новому прочтению. А. Ю. Виноградов склоняется к 547–548 гг., как наиболее вероятной хронологии мангупской находки³⁷⁴.

В контексте истории и археологии Мангупского городища не менее правдоподобными представляются две другие возможные даты источника. Наиболее ранняя из них, около 532–533 гг., соответствует масштабам военно-политической истории Византии в начале правления Юстиниана I, имевшей на тот момент значительные ресурсы, необходимые для реализации такого крупного военно-фортификационного проекта, как возведение крепости на обширном Мангупском плато. Поздняя датировка надписи, около 562–563 гг., предлагает компромиссное решение для дискуссии вокруг времени сооружения крепости, объясняя ее отсутствие в трактате Прокопия Кесарийского и закономерность находки надписи Юстиниана I на территории городища.

Об археологических комплексах времени Юстиниана I из раскопок Мангупа. А. И. Айбабин полагает, что все изданные находки VI в. из раскопок городища не связаны с его оборонительными сооружениями, и поэтому нет оснований сомневаться в точности информации Прокопия Кесарийского³⁷⁵. Горизонт строительства укрепления А.XIX в ущелье Демир-Капу Главной линии обороны крепости, из которого происходит монета Юстиниана I³⁷⁶, он склонен датировать более поздним временем. С такими выводами уважаемого оппонента мы не можем согласиться.

В отношении результатов раскопок укрепления А.XIX нет никаких оснований отказываться от их первоначальной интерпретации. Стратиграфически здесь хорошо зафиксирована принципиальная разница в использовании данного района Мангупского плато, от участка жилой застройки во второй половине III – V вв. до возведения поверх нее крепостной стены около середины VI в., на что указывает, в том числе, монета Юстиниана I из слоя ее строительства. Кроме материалов раскопок в ущелье

³⁷³ Сидоренко В. А. «Готы» области Дори.... С. 115; Айбабин А. И. Ранневизантийский и хазарский периоды... С. 478; *Он же*. К дискуссии об эпиграфических свидетельствах... С. 7–8.

³⁷⁴ Виноградов А. Ю. Византийские надписи Северного Причерноморья // *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. London, 2015. Vol. V. № 171 (Режим доступа: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>).

³⁷⁵ Айбабин А. И. Ранневизантийский и хазарский периоды... С. 478.

³⁷⁶ Герцен А. Г., Манаев А. Ю. Демир-Капу (укрепление А.XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2005. Вып. XI. С. 314–345 (здесь: С. 323, 328–330).

Демир-Капу существуют и другие археологические данные о возведении крепости на Мангупе при императоре Юстиниане I. Следы такого строительства выявлены еще на четырех фортификационных объектах ее Главной линии обороны — укреплениях А.I, А.XI, А.XIV и А.XVI. Синхронные участки внутрикрепостной застройки открыты в Лагерной балке, вблизи церкви св. Константина, на месте цитадели на мысе Тешкли-бурун и княжеского дворца 1425–1475 гг.

Для характеристики масштабов активности Византии в период 527–565 гг. на городище показательным является анализ коллекции нумизматических находок из раскопок ранневизантийского яруса застройки на месте дворца, который датируется серединой VI – первой половиной VIII вв.³⁷⁷ Среди них наиболее многочисленными (более 38%; 97 из 252 найденных монет) являются именно монеты, выпущенные при императоре Юстиниане I.

Таким образом, серьезных оснований для отказа от высказанной ранее традиционной точки зрения на время строительства византийской крепости на Мангупе мы пока не видим. Ее возведение в конце правления императора Юстиниана I не только не противоречит имеющимся данным письменных и эпиграфических источников, но и по-прежнему находит полное соответствие в материалах археологических исследований памятника.

И. С. Охлунина

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

«Таково было гостеприимство персов»: пищевые привычки турок в описании Мануила II Палеолога*

Поздневизантийский период в истории государства ромеев стал временем интенсификации взаимоотношений с турками вследствие впечатляющей экспансии Османского государства. Готовность византийцев взаимодействовать с турками-османами в этот период с одной стороны была вынужденной, вызванной давлением конкретных социально-экономических и политических обстоятельств. С другой стороны, вслед за Р. Шукуровым можно говорить о сложившемся к тому времени греко-тюркском симбиозе, т. е. об интенсивных культурных контактах между двумя мирами, которые трансформировали обе стороны, и даже о «подсознательной открытости» византийцев тюркскому миру¹. В этих условиях византийцы столкнулись не только с проблемой сохранения автономии византийского государства, но и

³⁷⁷ Науменко В. Е., Набоков А. И. Детали костюма ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции. Симферополь, 2021. С. 201–210.

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

¹ Shukurov R. *The Byzantine Turks, 1204–1461*. Leiden; Boston, 2016. P. 385.

защиты от потери самобытности собственной культуры под воздействием мощных культурных влияний с мусульманского Востока.

На уровне интеллектуальной рефлексии реакцией на эти вызовы времени стало формирование негативного образа турок и мусульманского вероисповедания в сочинениях ряда византийских авторов: очевидные религиозные различия и обычаи турок рассматривались ими как часть враждебного «варварско-языческо-тюркского» мира, который противопоставлялся «своему» «римско-христианско-греческому миру».

Одним из компонентов «инаковости» образов турок, которые отмечали современники, были описания их традиций питания. В нашем докладе мы проанализируем сообщения Мануила II Палеолога в «Диалоге с неким Персом — мударрисом в Анкире Галатийской» об особенностях пищевых привычек турок, которые он подметил в ходе повседневного общения с ними. «Диалог с неким Персом» описывает дискуссию между императором и мусульманским богословом об исламе и христианстве, которая вероятно имела место во время пребывания Мануила в турецком лагере под Анкарой зимой 1391 г. В данном произведении Мануил использовал антиквизированный этноним «перс» для обозначения своего собеседника — мусульманского богослова, вероятно намекая на его высокое происхождение, хотя в тексте произведения часто встречается и другой этноним — «турки», когда речь заходит об этом народе.

С литературной точки зрения «Диалог» был составлен в рамках традиции полемических диспутов с мусульманами, которая берет начало в VIII в. в связи со стремительным распространением ислама. Целью автора была апология христианского вероисповедания. Однако кроме воспроизведения стереотипов об исламе и попыток разобраться в религии своего оппонента в полемике о двух верах, Мануил снабжает читателя описаниями некоторых деталей повседневной жизни турок. Рассказывая читателю о том, как однажды в холодное и ненастное утро он завтракал с мусульманским богословом немалым количеством орехов и меда, предложенными в качестве угощения, он резюмирует, что «таково было гостеприимство персов». В другом эпизоде Мануил повествует об усилиях хозяина, старавшегося обогреть и накормить гостей, собравшихся в его доме: возле костра он поставил большое бронзовое блюдо, полное зимних фруктов, а также хлебными лепешками, которые «похожи на бумагу и плохо пропекаются».

В этих эпизодах прослеживается уважительное отношение Мануила к своим собеседникам-мусульманам, поскольку он принимает участие в трапезе, чтобы уважить хозяев, и затем поделился оставшейся едой со стоящими рядом. Орехи и сладости традиционно являлись знаком гостеприимства в турецкой Анатолии, о чем можно судить по сообщениям путешественника Ибн Батуты. С другой стороны, мы можем увидеть в этих сюжетах маркеры «инаковости» турок. В качестве такового, можно рассматривать сообщение о турецком хлебе. Мануил указывает на то, что хлеб плохо пропечен, что косвенно может свидетельствовать о том, что этот хлеб не совсем пришелся ему по вкусу.

Упоминание о недостаточно пропеченном турецком хлебе могло использоваться автором как своеобразное свидетельство «варварства» турок. Со времен античности хлеб представлялся как показатель цивилизованности народа, поэтому названный недостаток турецкого хлеба служил значимым маркером границ между «цивилизованными» византийцами, которые знали толк в выпечке хлеба, и нецивилизованными турками. Примечательно, что европейские путешественники XVI в. также сообщали о плохо пропеченном турецком хлебе.

Еще одним эпизодом, который может свидетельствовать об особенностях турецкой пищи в восприятии Мануила, является его рассказ о хитрости византийского охотника, участвовавшего в охоте вместе с турками. Когда ему удалось убить на охоте большого и толстого кабана, он решил спрятать его тушу при перевозке, забросав ее травой, чтобы не подвергнуться многочисленным проклятиям, оскорблениям, а может и побоям от тех, кто не может даже выносить вид свиней. Очевидно, что в данном случае Мануил намекает на запрет на потребление свинины в исламе. Поскольку свинина была наиболее часто употребляемым видом мяса в византийском обществе, такой запрет мог рассматриваться автором как своего рода символическая граница, разделяющая «своих» христиан от «чужих» иноверцев (мусульман и евреев).

Анализ упоминаний пищевых привычек турок в «Диалоге с неким Персом» показывает, что эти описания в большей степени свидетельствовали о предпочтениях самого автора и неизбежно искажали реальную картину, поскольку автор делал акценты на значимых для него как носителя отличной от турок культуры деталях турецкого быта. Поскольку принятие пищи в византийском и тюркском обществах регулировалось системой норм и табу, которые возникали из ценностных установок этих обществ, еда становилась одним из важнейших маркеров «Другого» во взаимоотношениях «своих» и «чужих», что оказало несомненное влияние на восприятие Мануилом чуждой ему культуры.

О. В. Ошарина

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

К портрету ранневизантийской цивилизации Египта (позднеантичные ткани и их взаимодействие с другими видами искусства)

Обратившись к композициям, представленным на тканях христианского Египта, можно заметить, что только небольшая часть изображений связана с библейской тематикой. Значительная же доля сюжетов и образов принадлежит богатому наследию античной культуры. При создании рисунков для работы ткачей художники обращаются не только к живописным и мозаичным композициям, саркофагам, но и к предметам торевтики, изделиям из кости и дерева. Проанализируем на конкретных

примерах, какие именно сюжеты и образы, и в какие периоды заимствуются коптскими мастерами, и есть ли в этом определенная закономерность.

Иногда выбор того или иного античного символа был уже в самое раннее время рекомендован или регламентирован отцами Церкви, как например, образ павлина, феникса, голубя, мотив открытой двери и виноградной лозы. В других случаях традиционные античные изображения «освящались» христианскими богословами только с течением времени, как изображение аллегорий и персонификаций, композиции с богиней Афродитой, полет квадриги Александра Македонского. Наиболее востребованными оказались символы, отражающие идеи возрождения и обретения вечной жизни.

В качестве образцов для создания текстильных композиций художники обращаются к наиболее известным памятникам ведущего направления того или иного вида искусства. Так для II-III вв. – это рельефы саркофагов, с IV по VI вв. – мозаичные композиции и изделия из кости, VI-VII вв. проходят под влиянием торевтики и элементов архитектурного убранства, в том числе, росписей.

Эра мученичества и возникновение мучеников, и, как следствие, развитие темы Апокалипсиса, привело к идее воздаяния после смерти. Образы египетских святых были напоминанием важнейшей христианской морали: праведники вознаграждаются вечной жизнью и блаженством, они сияют в вечной славе «как звезды, во веки, навсегда» (Дан.12,3). Особую популярность в этот период получают равноапостольная св. Фекла, мученики св. Мина, св. Коллуф и св. Сисиний.

Круг библейских циклов и персонажей носил на территории Египта достаточно ограниченный характер: Жертвоприношение Авраама, Даниил во рву львином, Три отрока в печи огненной, Воскрешение Лазаря, история Ионы и сцены богородично-христологического цикла. В основном, это были эпизоды детства Христа: поклонение волхвов, Рождество, Омовение, Крещение. Из жизни Богородицы особой любовью пользовались две сцены: встреча Марии с Елизаветой и Благовещение.

Обратившись к богородично - христологическому циклу, отметим, что сцены с их изображениями появляются на памятниках сравнительно поздно, не ранее VII века. Некоторые исследователи объясняли этот факт реакцией христиан на завоевание Египта в 642 году арабами. Библейские же сцены и образы своего расцвета достигают в VII-VIII вв., и, как нам представляется, связаны с распространением евлогий из Святой Земли. Это подтверждается как хронологически, так и тематически — использованием сюжетов паломнического искусства на памятниках египетского происхождения.

Н. Г. Пашкин

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

**Судьба Яна Гуса в зеркале византийской миссии
на Констанцкий собор***

В истории с делом Яна Гуса остаются вопросы, на которые трудно найти ответ, оставаясь в русле традиционного подхода к этой проблематике. В канун открытия Констанцкого собора (1414–1418), на котором произошла неожиданная расправа с чешским проповедником, едва ли что-то предвещало подобный исход. Последствия такого исхода сильнее всего ударили по интересам римского короля Сигизмунда Люксембурга (1410–1438, с 1433 г. — император), от которого и исходила инициатива приглашения Гуса на церковный собор. Мотивы Сигизмунда не поддаются простому объяснению. Ни политическая обстановка в Чехии, ни сами идеи Гуса принципиально ничем ему в тот момент не угрожали. Как выяснилось уже после ареста Гуса, король выдал последнему вовсе не гарантии безопасности, а лишь подорожную охранно-пропускную грамоту. Впрочем, это лишний раз указывает на то, что перед началом собора король не допускал самой возможности судебного процесса, и можно предположить, что приезд Гуса был нужен ему в силу каких-то других, не очевидных соображений. В таком случае поворот в его судьбе предопределили силы, игравшие против Люксембурга. Чтобы добавить ясности в картину событий, представляется целесообразным обратить внимание на едва заметный след, оставленный в истории Констанцкого собора отношениями Запада и Византии.

Необходимо исходить из того, что сам Констанцкий собор был подготовлен на фоне сложного геополитического противостояния, в эпицентре которого стоял конфликт короля Сигизмунда с Венецианской республикой. Конфликт носил многослойный характер. На Востоке Сигизмунд, в качестве обладателя с 1387 г. венгерской короны, отстаивал в борьбе с Венецией права на побережье Далмации. Одновременно как глава Священной Римской империи он стремился сохранить ее влияние в Италии, обеспечить ей контроль над Миланом и средство давления на Неаполь. В итальянской политике Люксембурга ключевую роль играл папа Иоанн XXIII (1410–1415). В его руках была возможность признать права Сигизмунда на императорскую корону и на этой основе узаконить поход короля в Италию. Решив таким способом задачи на севере и на юге полуострова, Люксембург достигал бы своей главной цели — изоляции Венеции как со стороны континента, так и непосредственно внутри Италии. Гипотетическим результатом подобной стратегии Сигизмунда могло быть принуждение Венеции не просто к миру в вопросе о Далмации. В его интересах было

* Исследование проведено при поддержке гранта президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социо-культурные вызовы и ответы на них».

скрепить мир с республикой союзом, обращенным против турок. По-видимому, лишь в сочетании с этой целью борьба за Далмацию обретала смысл. В планируемом Крестовом походе королю был нужен союз с Константинополем. Для Венеции же, напротив, одинаковую опасность представляла угроза альянса Люксембурга как с Византией на Востоке, так и с папой на Западе.

Для Византии в сложившейся ситуации оптимальным вариантом был курс на посредничество. Судя по всему, этой цели уже служил союз императора Мануила II (1391–1425) с султаном Мехмедом I (1413–1421), который сформировался в финале османской междоусобицы 1409–1413 гг. Незадолго до ее окончания в апреле 1413 г. завершилась военная кампания в Италии. Между Венецией и королем Сигизмундом было заключено пятилетнее перемирие. Оно было достигнуто благодаря решению папы о созыве церковного собора. Теперь следовало ожидать, что на соборе определится позиция понтифика в отношении сторон конфликта. В конце того же года было решено, что собор будет созван в немецком Констанце в ноябре 1414 г. Все это время самого папу Иоанна XXIII уже не один год сопровождал византийский дипломат Мануил Хрисолора. Папа мог быть использован византийцами как гарант их нейтралитета в отношениях между латинскими государствами. Инструментом, гарантирующим его, стала бы церковная уния. Но чтобы император дал на нее формальное согласие, от понтифика ему нужна была гарантия такого же нейтралитета, исключаящая продолжение европейского конфликта.

Стратегия Сигизмунда предусматривала иное. Римский король рассматривал предстоящий собор и папу как средства достижения своих целей в борьбе с Венецией. Византия интересовала его на этом пути как союзник, а не посредник. Свой сценарий был и у Венеции. Он заключался в том, чтобы в крайнем для нее случае просто исключить папу из политической игры. Для этого достаточно было уничтожить саму легитимность Иоанна XXIII. Констанцкий собор созывался в условиях продолжающейся Великой латинской схизмы (1378–1417).

Перед началом собора Сигизмунд готовился встать во главе него. Он мог надеяться, что сумеет своим авторитетом предотвратить низложение папы, сделав последнего проводником своей итальянской политики. По его же инициативе к участию в соборе были приглашены греки. Скорее всего, в январе 1415 г. в Констанц прибыл вышеупомянутый Мануил Хрисолора. Сигизмунду было важно вызвать Византию на переговоры об унии, что явилось бы фактическим выражением их согласия на заключение союза против турок, а также стало бы мощным средством поддержки легитимности папы. Однако ни то, ни другое было неприемлемо для Венеции.

В этом международно-политическом контексте по-новому видятся некоторые аспекты, связанные с Яном Гусом, который прибыл в Констанц к самому открытию собора еще в отсутствие самого Сигизмунда. Слушания Гуса в форме равноправного диспута могли быть задуманы как

дипломатический жест, намекающий на возможность диалога с греками. Поначалу Гус был принят благожелательно; в течение трех недель ему ничто не угрожало, но в конце ноября 1414 г. он внезапно был помещен под арест. Следует обратить внимание, что перед этим в Италии неудачно завершились последние переговоры между представителями Венеции и римского короля. Это предопределило судьбу папы Иоанна XXIII. Собор, который он едва успел открыть, вскоре должен был низложить его под предлогом ликвидации латинской схизмы. Одновременно была предрешена участь Гуса. Процесс над ним был выгоден соперникам Сигизмунда, так как позволял решить две задачи. Во-первых, наносился удар по репутации короля. Инцидент с Гусом был демонстрацией того, что собор ставит себя выше его авторитета. Во-вторых, начавшаяся расправа с Гусом была очевидным сигналом, посылаемым грекам. Византийцам она давала понять, что в настоящий момент равноправный диалог по вопросам веры исключен. Таким образом, в корне пресекалась сама возможность постановки вопроса о греко-латинской унии. Вместе с ней в интересах одного из геополитических игроков уничтожалась почва для гипотетического сближения византийского императора с римским королем.

А. Ю. Пашкова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

К вопросу о христианизации Писидии

В Писидии, горном регионе на юге Малой Азии (к северу от Памфилии) к IV в. мы можем говорить о сложной религиозной ситуации, в которой присутствовали языческие культы, культ римского императора, а также христианство³⁷⁸.

Первые сведения о христианстве в Писидии традиционно связываются с появлением там апостола Павла. Он и Варнава путешествовали из Перги в Антиохию Писидийскую через всю область во время своей первой миссионерской поездки в 45–49 гг. (Деян. 13–14).

Не упоминается, какой маршрут они выбрали через Писидийское нагорье, но можно предположить, что скорее всего они выбрали западную ветвь *Via Sebaste*³⁷⁹, так как Павел и Варнава поставили Артемона первым епископом Селевкии Сидера (северная Писидия), а Марк (один из их спутников) основал первую христианскую общину в Аполлонии (Созополе).

На своем пути Павел, вероятно, прошел через множество писидийских поселений, и, учитывая предполагаемые основания

³⁷⁸ Lane Fox R. Pagans and Christians in the Mediterranean World from the Second Century AD to the Conversion of Constantine. London: Viking, 1986. P. 321.

³⁷⁹ Mitchell S. Cremna in Pisidia. An Ancient City in Peace and in War. London: Duckworth, 1995. P. 70.

христианских общин в Аполлонии и Селевкии, не исключено, что он оказал некоторое влияние на эти общины.

Скудные свидетельства социального контекста раннего христианства в Писидии рисуют разнообразную картину. В течение первых трех столетий материальные источники ограничивались надписями — свидетельствами, которые, как правило, касаются только состоятельных людей. Традиционно считается, что христианство с наименьшей вероятностью привлекло людей, глубоко укоренившихся в социальных традициях — знатные семьи, которые занимали общественные должности жрецов и соревновались в щедрости по отношению к богам. Первые христиане чаще всего работали в городах; в сельской местности о них в первое время практически ничего не слышно³⁸⁰. Для Писидии это, по-видимому, подтверждается ограниченным числом сельских признаков христианства, присутствующих только на территории Аполлонии, а также всеми близлежащими второстепенными центрами.

Примерно в середине III в. христиане в районе Эвмении в Исаврии начали использовать «эвменийскую формулу» для защиты своих могил. Эта практика была также воспринята в соседних районах Писидии, а именно в Аполлонии и Барисе. Однако, за исключением указанных двух городов, эпиграфика из Писидии полностью отсутствует в течение первых трех столетий христианской эры.

Контрастируя с многочисленными свидетельствами доконстантиновского христианства в эпиграфике соседних Фригии и Ликаонии³⁸¹, это, по-видимому, свидетельствует об очень ограниченном распространении новой религии в регионе.

Присутствие на Никейском соборе в 325 г. епископов шести писидийских городов, в которых нет известных материальных или других признаков наличия христианской общины, подчеркивает невозможность определить реальную степень распространения христианства, поскольку в этих городах, несомненно, к тому времени были устоявшиеся общины. Более того, христианские общины в Писидии существовали без «видимых признаков» деятельности епископов, ведь появление епископата представляет собой кульминацию оформления зрелой церковной организации³⁸².

Лучшим примером здесь является Аполлония, в которой к концу III в. имелась уже крупная и хорошо развитая община христиан, но, тем не менее, она парадоксальным образом не была представлена в Никее, будучи зафиксирована в источниках такого рода только применительно к собору в Константинополе в 381 г.

Удовлетворяя религиозные потребности людей своего времени так, как этого не могли сделать приходящие в упадок гражданские культы,

³⁸⁰ MacMullen R. *Enemies of the Roman Order*. Cambridge, Massachusetts, 1966. P. 169.

³⁸¹ Mitchell S. *Anatolia: Land, Men, and Gods in Asia Minor*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

³⁸² Levick B. *Roman Colonies in Southern Asia Minor*. Oxford: University Press, 1967. P. 220.

христианство и, в частности, его отношение к загробной жизни и обещание спасения души, стало важнейшим фактором в истории региона уже в IV в.

Процесс оформления зрелой церковной организации в Писидии ускорился после образования отдельной провинции Писидия в начале V в. со столицей в Антиохии Писидийской. Неформально наиболее авторитетным городом региона, обладавшим «первенством» (πρωτεύων) был Сагаласс в центре страны. Археологически появление базилик в городах Писидии относится большей частью к началу V в. Это свидетельствует об успехах христианизации уже в масштабах всей области.

И. Н. Попов

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Евсевий Памфил и Мамврийский дуб Авраама: культурная память ранних христиан и ее влияние на развитие христианской Св. Земли

Священный дуб (теревинф) в Мамре, близ Хеврона, издревле почитался евреями и др. семитскими народами как место проживания древнего праотца Авраама (Быт. 18). В нач. IV в. на эту святыню обращает внимание римское правительство императора Константина Великого. Мамре, наряду с тремя другими местами Палестины (Гроб Господень и Елеонская гора в Иерусалиме, пещера Рождества в Вифлееме), становится в ряду первых и, стало быть, важнейших святынь, которые должны были стать центрами паломничества для христиан со всей ойкумены. Появление Мамре в этом ряду выглядит очень необычно и до сих пор находит мало объяснения в науке. Какое отношение имела память об Аврааме, ветхозаветном праотце, к христианству?

Для оценки событий эпохи Константина вокруг Мамре мы кратко излагаем основные черты традиции культурной памяти ранних христиан об Аврааме и на ее основе рассматриваем взгляды на этот вопрос Евсевия Памфила, авторитетнейшего христианского мыслителя константиновской эпохи. Мы обращаемся к анализу сравнительно мало изученного трактата Евсевия «Евангельское доказательство»³⁸³, сопоставляя его с хорошо известной «Церковной историей».

Изучение трудов Евсевия позволяет установить, что столь необычное возвышение Мамре было тесно связано именно с трудами Евсевия, с его взглядами на фундаментальный для христиан мировой процесс истории спасения человечества и, в частности, на значение Авраама в ней. Образ Авраама, представленный Евсевием, существенно отличался от общепринятого ныне восприятия христианской традиции. Если ныне Авраам воспринимается христианами в основном лишь в рамках ветхозаветной

³⁸³ *Eusebius Pamphilus. Demonstratio Evangelica / Hrsg. von I. A. Heikel // Eusebius' Werke. Bd. 6. Leipzig, 1913.*

истории, как прародитель еврейского народа, получивший особое благословение от единого Бога, то у Евсевия фигура Авраама играла одну из ключевых ролей в истории человечества как таковой.

Взгляды Евсевия опирались на проведенный им подробнейший критико-полемический разбор иудейской традиции, ветхозаветных преданий и законодательства. Авраам для Евсевия — первый и истинный христианин, следовавший принципам истинной веры задолго до появления христианской церкви. Авраам удостоился первым из людей воочию видеть воплощенного Спасителя, который явился ему в сопровождении двух ангелов у Мамврийского древа. По мнению Евсевия, ветхозаветная традиция в целом должна быть подвергнута своего рода «деконструкции». Память об Аврааме, а также все древнейшие предания до времен Моисея необходимо отделить от религии иудеев, т. к. эта религия основана на строгом соблюдении Моисеева закона. Древние же праведники, праотцы, жившие до времен Моисея, этот закон явно не соблюдали, но скорее следовали неким законам «естественного благочестия», которые свойственны изначально всем людям и которые Евсевий отождествляет с христианским вероучением.

Взгляды Евсевия в позднейшие времена не получили широкого распространения в христианской традиции, хотя их следы можно обнаружить в Византии. Тем не менее, в эпоху императора Константина эта евсевиева концепция истории человечества явно пользовалась большим влиянием. Под впечатлением от аргументов Евсевия в процессе становления христианских паломнических центров Св. Земли, статус Мамре оказался приравнен к статусу важнейших святых мест, связанных с земной жизнью Христа.

А. В. Постернак

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Проблемы историографии женского церковного служения в Византии

Женское служение (диаконалиссы, вдов, стариц, дев) в Византии и в более ранний период в Древней Церкви активно изучается историками и богословами, начиная с эпохи Нового времени³⁸⁴. В XIX – начале XX в. интерес исследователей к этой проблеме был вызван актуальными событиями, поскольку в Лютеранской и Англиканской церквях было возобновлено служение диаконалисс. Именно тогда появился ряд монографий, в которых церковная деятельность женщин в древности рассматривалась как предыстория современного женского служения (Дж. Людлов)³⁸⁵. Большой вклад в изучение данного вопроса сделали представители немецкой школы

³⁸⁴ См., например: *Zimmermann M. De presbyterissis veteris ecclesiae commentariolus. Lipsiae, 1704* (первое издание: *Annaberg, 1681*). Здесь и далее в тезисах невозможно привести полный перечень научной литературы, поэтому в ссылках в качестве иллюстраций приведены отдельные наиболее значимые монографии.

³⁸⁵ *Ludloff J. M. Women's Work in the Church. L.; N. Y., 1866.*

конца XIX – начала XX в. (Г. Ахелис, А. Кальсбах)³⁸⁶. После Второй мировой войны крупные монографии по названной тематике появились во Франции, Бельгии и Канаде (Р. Метц, Р. Гризон, П. Лафонтен)³⁸⁷. Серьезным обобщающим и не утратившим до сих пор актуальности исследованием женского церковного служения стал труд А. Мартимора³⁸⁸.

В отечественной историографии в середине XIX – нач. XX вв. сложилась сходная ситуация, когда к проблеме женского служения в древности авторы обращались, видя необходимость его возрождения для развития актуальной приходской жизни или миссионерства (С. В. Троицкий)³⁸⁹. В современных условиях это уже объект историко-богословского изучения энциклопедического характера (М. Желтов, А. Постернак)³⁹⁰.

Некоторые современные исследования (например, монография Уты Айзен³⁹¹, основанная на обширном эпиграфическом материале) созданы в рамках относительно новой гендерной традиции с целью пересмотреть вопрос о роли женщин в Церкви, начиная с раннего времени.

Хотя диакониссам в Церкви посвящено большое количество исследований, собственно о служительницах именно византийского времени публикаций не очень много и они связаны с частными аспектами их служения в храме Святой Софии, особенностями их посвящения и роли в богослужении (Э. Теодору, В. Каррас, Р. Тафт, П. Вирт)³⁹². В основном в историографии, посвященной роли женщин в Византии, внимание уделяется

³⁸⁶ *Achelis H.* Altkirchliche Diakonissen // *Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche* / Hrsg. von J. Herzog, A. Hauck. Bd. 4. 3. Aufl. Leipzig, 1898. S. 616–620; *Kalsbach A.* Die altkirchliche Einrichtung der Diakonissen bis zu ihrem Erlöschen // *Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte*. Bd. 22 (Supplementheft). Freiburg am Breisgau, 1926.

³⁸⁷ *Metz R.* La consécration des vierges dans l'Église romaine. P., 1954; *Gryson R.* Le ministère des femmes dans l'Église ancienne. Gembloux, 1972; *Lafontaine P. H.* Les conditions positives de l'accession aux ordres dans la première législation ecclésiastique (300–492). Ottawa, 1963.

³⁸⁸ *Martimort A.-G.* Les Diaconesses: Essai historique. Rome, 1982.

³⁸⁹ *Троицкий С. В.* Диаконисса в Православной Церкви. СПб., 1912. Отредактированное и исправленное переиздание в книге: Служение женщин в Церкви: Исследования / Отв. ред. С. Н. Баконина. М., 2013. С. 25–334.

³⁹⁰ *Желтов М., диак.* Диаконисса // *Православная энциклопедия*. Т. 14. М., 2007. С. 580–587; *Служение женщин в Церкви: Источники* / Сост. свящ. А. Постернак. М., 2015.

³⁹¹ *Eisen U. E.* Amtsträgerinnen im frühen Christentum: Epigraphische und literarische Studien. Göttingen, 1996.

³⁹² *Theodoru E.* Berühmte Diakonissen der byzantinischen Zeit // *Diakonat und Diakonie in frühchristlicher und ostkirchlicher Tradition* / Hrsg. von A. Jensen, G. Larentzakis. Graz, 2008. S. 135–152; *Karras V. A.* Female Deacons in the Byzantine Church // *Church History*. 2004. Vol. 73/2. P. 272–316; *Karras V. A.* Women in the Byzantine Liturgy. Oxford, 2005; *Taft R. F.* Women at Church in Byzantium: Where, when – and why? // *Dumbarton Oaks Papers*. 1998. Vol. 52. P. 27–87; *Wirth P.* Zur Geschichte des Diakonats an der Hagia Sophia // *Polychronion: Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag* / Hrsg. P. Wirth. Heidelberg, 1966. S. 380–382.

другим проблемам. Например, женской агиографии (К. Яжджевска)³⁹³, общественно-политическому, имущественному и юридическому статусу женщин (Е. Когут, А. Лайу, Ж. Бокам)³⁹⁴; их роли в развитии монашества (А.-М. Тэлбот)³⁹⁵ и иконопочитания (Дж. Херрин)³⁹⁶, а также в периоды иконоборчества (А. Каждан)³⁹⁷. Естественно, более пристальное внимание уделяется учеными женщинам императорского дома (Л. Гарлэнд, П. Мэличар)³⁹⁸, знатым благотворительницам и основательницам храмов и обителей³⁹⁹, хотя исследуются материальные памятники и повседневной, и праздничной жизни обычных женщин⁴⁰⁰, а сама женская повседневность рассматривается в разных ракурсах: например, сопоставляется с жизнью язычников или мужчин (Дж. Кларк)⁴⁰¹.

Таким образом, в рамках сложившейся обширной историографической традиции статус и различные служения женщин рассмотрены достаточно подробно, хотя именно церковный аспект изучен недостаточно.

А. А. Пржегорлинский

Волгоградский государственный университет

Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии

Богатство и бедность в Византии как контекст разночтений в евангельских рукописях

Социотворческая сила Библейских текстов, т. е. их многогранное влияние на византийское общество — факт несомненный. Но вот обратное влияние средневековой повседневности на тексты, через века несущие свой

³⁹³ *Jazdzewska K.* Hagiographie Invention and Imitation: Niketas' Life of Theoktiste and Its Literary Models // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2009. Vol. 49. P. 257–279.

³⁹⁴ *Когут Е. В.* Положение женщины в Палеологовской Византии: вторая половина XIII – середина XV вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2014; *Laiou A.* The Role of Women in Byzantine Society // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1981. Bd. 31. S. 233–260; *Beaucamp J.* La situation juridique de la femme à Byzance // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1977. № 78–79. P. 145–176.

³⁹⁵ *Talbot A.-M.* Women's Space in Byzantine Monasteries // *Dumbarton Oaks Papers*. 1998. Vol. 52. P. 113–127.

³⁹⁶ *Херрин Дж.* Женщины и иконопочитание в ранней Церкви // *Восточнохристианский храм. Литургия и искусство* / Под ред. А. М. Лидова. СПб., 1994. С. 86–101.

³⁹⁷ *Kazhdan A. P., Talbot A.-M.* The Women and Iconoclasm // *Byzantinische Zeitschrift*. 1992. Bd. 84. Heft 2. S. 391–404.

³⁹⁸ *Garland L.* Byzantine Empresses, Women and Power in Byzantium, AD 527–1204. New York, London, 1999; *Melichar P.* Empresses of Late Byzantium: Foreign Brides, Mediators and Pious Women. Berlin, 2019.

³⁹⁹ См. проект Венского университета: *Female Founders in Byzantium and Beyond* / Ed. L. Theis, M. Mullett et al. [Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. Bd. 61–62]. Wien, 2011–2012.

⁴⁰⁰ См. Каталог выставки из американских собраний: *Byzantine Women and Their World* / Ed. I. Kalavrezou. Cambridge (Mass.), 2003.

⁴⁰¹ *Clark G.* Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. Oxford, 1994; *Byzantine Women. Varieties of Experience, A. D. 800–1200* / Ed. L. Garland. London, 2006.

незыблемый авторитет, представляется не столь явным и требующим уточнений и конкретизаций. Источником для таких реконструкций применительно к византийским реалиям должна стать известная совокупность греческих рукописей Нового Завета, датированных II–XV вв.⁴⁰² Причем в данном случае интерес представляют узлы разночтений социально ориентированных фрагментов Нового Завета.

Действительно, на исходе античности и в христианском средневековье, социальные реалии византийского общества весьма своеобразно скорректировали текст, предопределив появление в рукописной традиции характерных разночтений.

Конечно, гипотезе о том, что социальная среда, в частности, проблема богатых и бедных, могла не только влиять на экзегезу Нового Завета, но предопределять метаморфозы и самого текста, казалось бы, препятствует факт высочайшего авторитета, а значит и неприкосновенности Священного Писания в средневековье. Тем не менее, имеются факты обратного. Ограничусь двумя примерами.

Узел разночтений во фрагменте Лк. 6:20. Самым ранним из сохранившихся является вариант текста в папирусе P⁷⁵: μακάριοι οἱ πτωχοί, ὅτι ὑμετέρα ἐστὶν ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ⁴⁰³. В последующие века в этом стихе появляется эпитет τῷ πνεύματι, в результате которого «нищие» превращаются в «нищих духом». История редактур стиха Лк. 6:20 может быть реконструирована с опорой на справочный аппарат NA 27⁴⁰⁴.

Отсутствовавшее прежде слово «дух» в дативусе (τῷ πνεύματι) появляется в этом стихе впервые в V в.⁴⁰⁵ Этот прецедент имеет место в Вольфенбюттельском кодексе (в системе обозначений Грегори — 026). Хронологически второй прецедент встречается в Синайском кодексе (Ⲱ),⁴⁰⁶ но характеризует не первоначальный текст, а является межстрочной схолией. Неизвестный редактор слову οἱ πτωχοί приписал τῷ πνεύματι с надстрочной титлой⁴⁰⁷; так произошла подмена «нищих» на «нищих духом». Издание NA

⁴⁰² A Bibliography of Greek New Testament Manuscripts by J. K. Elliott. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Обширный материал и сканы рукописей см. на сайте Центра изучения рукописей Нового Завета (The Center for the Study of New Testament Manuscripts) [<http://csntm.org>].

⁴⁰³ Постраничный скан кодекса P⁷⁵ см.: http://www.csntm.org/Manuscript/View/GA_P75 (доступ от 09.09.2019).

⁴⁰⁴ Nestle-Aland Greek-English New Testament. Greek text Novum Testamentum Graece in the Tradition of Eberhard Nestle and Erwin Nestle / Ed. by Barbara and Kurt Aland, Johannes Karavidopoulos, Carlo M. Martini, Bruce Metzger. English text 2nd Edition of the Revised Standard Version. The critical apparatuses prepared and edition together with Institute for New Testament Textual Research, Munster/Westphalia by Barbara and Kurt Aland. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1998 (27nd Edition). (Далее: NA 27).

⁴⁰⁵ NA 27. P. 172.

⁴⁰⁶ Постраничный скан Синайского кодекса см.: <http://www.codex-sinaiticus.net>.

⁴⁰⁷ [http://www.codex-sinaiticus.net/en/manuscript.aspx?dir=next&folioNo=1&lid=en&quire, No=78&side=r&zoomSlider=0#35-6-20-14](http://www.codex-sinaiticus.net/en/manuscript.aspx?dir=next&folioNo=1&lid=en&quire,No=78&side=r&zoomSlider=0#35-6-20-14).

27 отмечает эту приписку в качестве корректуры второго порядка (κ²); ее следует датировать VII в.⁴⁰⁸

Хронологически третье подобное чтение встречается в Тбилисском кодексе IX в. Θ (038)⁴⁰⁹. Основанием данной корректуры явился, по-видимому, вариант параллельного фрагмента в Евангелии от Матфея, в котором οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι имеет место во всех известных греческих рукописях: μακάριοι οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι ὅτι αὐτῶν ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν (Мф. 5:3).

Наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что переписчики-редакторы V, VII, IX вв. были движимы намерением гармонизировать параллельные места двух Евангелий: Матфея и Луки. Но, как видно, следствием такой гармонизации текста стало исчезновение социально-ориентированного акцента Евангелия от Луки. С исчезновением из текста категории земной нищеты сам текст обезвреживается на уровне социальной проблематики. В обновленном чтении «нищие», в смысле социальные низы, лишались своего преимущественного права на блаженство в Царствии небесном.

Но одно дело — прецеденты редакции текста, а иное — тиражирование более поздней редакции. И именно эта вторая редакция утвердилась в последующей традиции византийского текста, о чем свидетельствуют минускульные рукописи 33. 579. 2542 и рукописные семейства *f*¹ *f*¹³. Именно эти рукописи «сделали погоду», предопределив византийский вариант текста и традицию славянских переводов.

Узел разночтения в Мк. 10:24. Иной пример редакции, предполагающей схожую логику, обретается в евангельском фрагменте Мк. 10:23–24, содержащем логику Иисуса относительно сотериологической перспективы богатых. В древнейших рукописях, в стихе Мк. 10:23, содержатся слова Иисуса о трудности имеющим богатство (οἱ τὰ χρήματα ἔχοντες) войти в Царство Божие. В более поздних рукописях, в следующем стихе, в Мк. 10:24, появляется узел разночтения. Иисус как будто бы корректирует Сам Себя. В результате «имеющие богатство» или «богатые» превращаются в «надеющихся на богатство» (τοὺς πεποιθότας ἐπὶ [τοῖς] χρήμασιν). Соответственно, богатство перестает быть фатальным препятствием для спасения. Критерий переносится с обладания богатством на привязанность сердца к богатству.

История этого искажения берет свое начало в традиции цитирования текста, а именно в цитировании Евангелия от Марка Климентом Александрийским (рубеж II–III вв.). Непосредственно же в рукописях новозаветных такое чтение встречается в трех кодексах V в. (A, C, D), в IX в. в кодексе Θ, а затем оказывается растиражированным в уже известных нам семействах минускульных рукописей *f*¹ *f*¹³. То есть, это чтение станет

⁴⁰⁸ Aland K., Aland B. Der Text des Neuen Testaments. 2. Auflage. Stuttgart, 1989. S. 322–333.

⁴⁰⁹ Скан кодекса см.: http://www.csntm.org/Manuscript/View/GA_038_digital (доступ 07.01.2020).

характерным для византийского типа текста, а затем предопределил традицию славянских переводов.

Итак, в изысканиях этой статьи речь не шла о том, какое чтение является более правильным и (или) совершенным. Речь не шла и о причинах появления конкретных вариантов чтения. Важно было определить то, какому чтению из имеющейся совокупности вариантов традиция отдала предпочтение.

Общая тенденция двух редактур фрагментов текста, в которых акцентируется социальная проблематика, имеет вектор в сторону нивелирования разницы между богатыми и бедными перед лицом сотериологической перспективы. Так, акцент на блаженстве бедных в тексте Луки и отсутствии духовных перспектив для богатых в тексте Марка был особенно актуален в первые века христианства. Но с изменением общественного статуса христианства и по мере вхождения в Церковь всех без исключения социальных слоев, этот мотив явно утрачивает свою актуальность и становится прямо-таки некорректным по отношению к саношитым и вполне состоятельным особам.

В. В. Прудников

Институт востоковедения РАН (Москва)

Норманны и византийцы: симбиоз или отторжение

С момента первого своего появления в Южной Италии в начале XI в. норманны стали представлять угрозу для византийских владений на полуострове. Если верить итало-норманским хроникам, норманны сразу взяли курс на поддержку сепаратистских устремлений лангобардов. Поначалу империи удавалось успешно противодействовать попыткам норманнов завоевать Апулию. Но ситуация кардинально изменилась в 40-х гг., когда из Нормандии пришли братья Готвили. Именно им удалось приобрести обширные владения на полуострове за счет Византии. Роберт Гвискар и его младший брат Рожер в течение нескольких десятилетий завладели не только Апулией, но и Калабрией и Сицилией. Роберт Гвискар продолжил вести завоевания византийских территорий на Балканах с 1081 по 1085 гг. И только смерть смогла его остановить.

При этом византийцы охотно брали на службу небольшие норманнские контингенты. Те же братья Готвили отлично показали себя в экспедиции Георгия Маниака на Сицилии. Норманны доказали свою эффективность на службе империи тем, что успешно противодействовали набегам тюрок-сельджуков на востоке Малой Азии. Однако на этой службе они проявили себя не только в качестве доблестных воителей, но и доставляли немало беспокойства своим нанимателям.

Редкий из известных нам предводителей норманнских наемников не пытался поднять мятеж и узурпировать власть в стране. Так проявили себя старшие братья Готвили в 40-х гг. на Сицилии, когда, будучи недовольны

проведенным византийским военачальником дележом добычи, дезертировали из армии и отправились покорять Апулию. В 50-х гг. XI в. Жерве Франкопулос, считая себя несправедливо обойденным по службе, отправился в Малую Азию и там попытался организовать свою маленькую Нормандию. С той или иной долей уверенности то же можно сказать и о его последователях: Роберте Криспине и Русселе де Баллиоле. Последнему это даже почти удалось.

Существовало довольно много норманнов, которые верно служили империи и не пользовались такой популярностью как вышеперечисленные предводители норманнских наемников. Из письменных источников нам становится известно о патрикии Рандольфе, который храбро сражался на стороне Михаила VI, а также о тагматофилархе Раимбальде из фемы Лонгивардия, о некоем Жильпракте и родственнике Роберта Гвискара Константине Умбертопуле⁴¹⁰. Данные сигиллографии говорят о некоем Захарии, франке, вестархе и стратиге Селевкии, исполнявшем свои обязанности в период с 1060 по 1080 гг. Вильгельм, *antropos du basileus* и магистр, был стратигом Селевкии и Исаврии до 1085 г. Встречаются печати ипата Вильгельма и Вильгельма Нормана. Шене предполагает, что эти печати с одинаковой вероятностью могли принадлежать как одному и тому же человеку, так и разным, учитывая, насколько данное имя было в ходу в Нормандии⁴¹¹. Шлюмберже опубликовал печать Готье Петронаса, патрикия, антиипата и стратига, которая была украшена образом святого Михаила и датируется серединой XI в. Другая печать принадлежала Феодору Франгопулу, проэдру. Известны печати Рауля магистра и магистра Боэмунда, возможно, того самого Боэмунда, сына Роберта Гвискара⁴¹².

Норманнское сообщество Южной Италии на протяжении XI в. оставалось крайне нестабильным. По этой причине родственники Готвилей и те из норманнов, с кем у них случались конфликты, искали помощь и поддержку в Константинополе. Итало-норманнские хроники пестрят сообщениями о том, как тот или иной представитель знати в результате возникшей междоусобицы покинул свои владения в поисках лучшей жизни.

Предводители латинян приходили на византийскую службу, привозя с собой семью, как это сделал Руссель де Баллиоль, что делало крайне призрачными шансы укорениться в среде византийской аристократии. До 1081 г. только Константину Умбертопулу удалось последнее. При Алексее Комнине ситуация изменилась: латиняне получили возможность жениться на женщинах знатных византийских родов, что привело к созданию новых византийских родов норманнского происхождения: Петралифы, Раули и пр.

⁴¹⁰ *Cheyne J.-C. L'implantation des Latins en Asie Mineure avant la Première Croisade / Éd. par M. Balard, A. Ducellier // Migrations et diasporas méditerranéennes (X^e–XVIe siècles). P., 2002. P. 115–124 (здесь: P. 118).*

⁴¹¹ *Ibid.*

⁴¹² *Ibid.* P. 119.

А. П. Каждан, проведя исследования социального состава господствующего класса Византии XI–XII вв., пришел к выводу о том, что наибольшее число иммигрантов из «латинян» в Византию дали норманны: «при этом прочным включением в состав византийской знати были лишь среди норманнов: из семей «латинского» происхождения одна — немецкая (Герарды), не занимавшая видного положения, одна (Монферраты) вышла из Северной Италии, но она так и не закрепились в империи, и только норманны дали пять эллинизированных семей, часть которых (Рожеры, Петралифы и Раули) принадлежала к элите. Норманнские огречившиеся семьи сохранили свое значение до самого конца XII века»⁴¹³. Под элитой здесь ученый понимает «комниновский клан», который составляли вышеназванные «военные роды».

«Комниновский клан» представлял собой новую социальную организацию империи, при которой отменялся старый принцип социальной открытости. То есть на важные посты в империи могли претендовать только те лица, которые принадлежали к семьям, составлявшим «Комниновский клан».

Успехи норманнов в значительной мере зависели от того, что они «... некогда овладели военными технологиями рыцарства. Норманнская настороженность и применяемые ими уловки зачастую впечатляли их противников»⁴¹⁴.

Путем включения норманнов в правящую верхушку через смешанные браки и эллинизацию правителям из династии Комнинов удалось подчинить «независимый норманнский дух»⁴¹⁵. Однако в конце XII в., в эпоху Андроника I и Ангелов, пошел обратный процесс, в результате которого на смену «рыцарству Комнинов» в управлении империей опять вернулись евнухи⁴¹⁶.

М. Л. Радченко

Белгородский инженерный юношеский лицей-интернат
Первые годы работы школы Либания в Антиохии (по его автобиографии)

Риторическое образование на Римском Востоке во 2-й пол. IV в. представлено одной из крупнейших школ — школой Либания (314–393). Организация и тип обучения в подобных школах, в том числе и в школе Либания, следовал установившейся древней традиции и представлял собой

⁴¹³ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М.: Наука, 1974. С. 214.

⁴¹⁴ The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. P. Kazhdan. Vol. III. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 1493.

⁴¹⁵ Kazhdan A. P. Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / Ed. by A. E. Laiou, R. P. Mottahedeh. Washington: Dumbarton Oaks Publishing Service, 2001. P. 83–100 (здесь: P. 99).

⁴¹⁶ Ibid. P. 100.

группу студентов, формировавшуюся вокруг схоларха — руководителя и главного учителя школы. Со временем, круг преподавателей мог существенно расширяться за счет студентов, окончивших обучение и присоединившихся в своей деятельности к своему учителю.

Представление о школе Либания дают нам, прежде всего, его собственные речи и оставленная им автобиография. В работах исследователей, занимавшихся вопросом функционирования риторической школы Либания, выделяется, в первую очередь, работа Рафаэлла Крибиоре «Школа Либания»⁴¹⁷. Однако нельзя сказать, что эта тема исследована до конца.

Начало риторической школы Либания было положено в Антиохии, однако точное местоположение школы определить не столь просто, вследствие того, что в зависимости от успеха Либания как ритора, оно могло меняться. Согласно его автобиографии, преподавать он начинал в своем собственном доме (Lib. Or. 1, 101), однако позже ритору удалось перебраться в более представительное здание, располагающееся на краю городской площади (Lib. Or. 1, 102). Произошло это вследствие назначения Либания официальным ритором Антиохии.

Автобиография Либания дает нам представление и о составе его студентов в первые годы работы школы. Изначально количество его учеников составляло всего 15 юношей, привезенных им из Константинополя (Lib. Or. 1, 101). В дальнейшем, в период расцвета школы, количество учеников Либания будет доходить до 200 человек, обучающихся одновременно. Эту информацию дает возможность получить обширная переписка Либания.

Р. Крибиоре в своем анализе делает акцент на то, что студентами Либания были исключительно молодые люди, поскольку доступ к риторическому образованию для девушек был закрыт⁴¹⁸. И действительно, в автобиографии Либания, а также в его обширной переписке фигурируют исключительно студенты-юноши, обычно выходцы из семей, относящихся к высшему классу. Определить возраст студентов Либания несколько затруднительно, поскольку в его автобиографии отсутствует упоминание об этом, тем не менее, благодаря дополнительным источникам мы можем сделать некоторые выводы о примерной возрастной категории студентов риторической школы. Традиционно, возраст начала обучения составлял 14–15 лет, верхняя возрастная граница, установленная для изучения риторики, равнялась 20 годам.

Начиная преподавательскую деятельность в Антиохии в качестве ритора, Либаний, согласно его автобиографии, работал в течение всего дня: «невозможно раньше захода солнца поруководить всеми» (Lib. Or. 1, 104). И несмотря на то, что в последующем Либаний часто будет прибегать

⁴¹⁷ Cribiore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton: Princeton University Press, 2007.

⁴¹⁸ *Ibid.* P. 30.

к помощи ассистентов из числа окончивших курс студентов, он по-прежнему будет стремиться лично контролировать обучение каждого.

Либаний, как в начале функционирования школы, там и в дальнейшем, когда количество обучающихся возрастет, старался быть в курсе всех достижений его учеников, постоянно поддерживал связь с их родителями, что видно из его переписки. Да и полностью доверить процесс обучения студентов своим ассистентам Либаний вряд ли бы смог. Во всяком случае в Or. 1, 108 Либаний подчеркивает «свою наибольшую заинтересованность» в обучении студентов, в отличие от других риторов: «Я же до полудня делал то же, что и прочие учителя, а затем, из них одни завтракали тотчас, другие, приняв предварительно ванну, а я оставался за теми же занятиями» (Lib. Or. 1, 108).

В данной части автобиографии нет уточнения того, кого же именно подразумевает Либаний, проводя сравнительную аналогию, поэтому есть основание предположить, что подобная характеристика преподавательской деятельности применялась Либанием ко всем его «коллегам» и ассистентам. Этим подчеркивается ответственность и скрупулезность, с которой Либаний подходил к своему преподаванию и к своим студентам.

Сам процесс обучения в риторической школе являлся некоей аналогией того образования, которое было получено самим Либанием. Такой вариант реконструкции предлагает нам Р. Крибиоре. То есть, в начале своего обучения Либаний обучался грамматике, примерно с 13 лет он начал изучение риторики, позже, на рубеже 14–15 лет возможен вариант посещения одновременно учителей грамматики и риторики⁴¹⁹. И хотя студенты могли следовать и более упорядоченному курсу обучения, сначала грамматике, затем уже риторике, ничто не мешало им выбрать и вариант обучения Либания⁴²⁰.

Обращаясь к методам преподавания Либания, отметим, что в качестве воспитательных средств им использовались, прежде всего, его речи (призывающие или, при необходимости, обличительные), а также принуждение и наказания. Однако прибегать к последним мерам Либаний все же не спешил, предпочитая оказывать воздействие на студентов посредством речей и увещаний⁴²¹.

В итоге риторическая школа Либания являлась одной из крупнейших школ своего времени, а сам ритор, полагая, что риторическое образование является залогом успешности, стремился к привлечению студентов. Те упоминания о преподавательской деятельности, которые мы находим в его автобиографии, показывают нам, насколько важна была для Либания его деятельность и ученики.

⁴¹⁹ *Ibid.* P. 32.

⁴²⁰ Criore R. *Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton, 2001. P. 54.

⁴²¹ Перфилова Т. Б. Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в римской провинции Сирия и других грекоязычных владениях Римской империи // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 1–3.

О. А. Родионов

Институт всеобщей истории РАН

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Неизвестная страница истории исихастских споров? К вопросу о значении 1-2 Слов «Исихастского утешения» Каллиста Ангеликуда

Прп. Каллист Ангеликуд — византийский подвижник и богослов-исихаст, расцвет деятельности которого пришелся, по-видимому, на 60–80-е гг. XIV в. В 70–80-е гг. этот подвижник руководил небольшим монастырем в городе Меленикон в Македонии (ныне — Мелник в Болгарии).

Два акта патриарха Константинопольского Филофея Коккина 1371 г. содержат довольно скудные сведения, позволяющие, однако, сделать вывод, что патриарх знал и почитал Каллиста как опытного исихаста и наставника монашествующих. По-видимому, у Каллиста были какие-то трения с местным епископом. Насколько позволяют судить источники, конфликт, повлекший за собой вмешательство патриарха, мог заключаться в следующем. Часть братии обители не принимала представлений Каллиста Ангеликуда о духовной жизни и противилась его руководству. Отголоском этих споров, вероятно, служат Слова 1 и 2 «Исихастского утешения» (самого главного и наиболее обширного из произведений Каллиста), в которых автор полемизирует с неким не названным по имени, но, по-видимому, достаточно авторитетным лицом.

Патриарх Филофей Коккин, известный ученик и сторонник Григория Паламы, возможно, в ответ на ходатайство Каллиста Ангеликуда, издал упомянутые документы, где в числе прочего засвидетельствовал свое почтение к личности настоятеля обители и его достоинство как духовника и истинного исихаста, а монастырь подчинил непосредственно патриаршему управлению, выведя из-под юрисдикции местной церковной власти и закрепив за ним земельные владения, уже находившиеся в его фактическом пользовании.

Оппонент Каллиста, к которому он обращается в 1 и 2 Словах «Исихастского утешения» (Vat. gr. 736, f. 4v–68v), не назван по имени, однако в 1 Слове прямо указано, что речь идет о монахе, хотя и «из тех, которые у нас ныне называются киновийными».

В других сочинениях Каллиста Ангеликуда встречается упоминание неких «обретающихся в миру киновийных» монахов, которые, как явствует из текста, вовсе не подчиняются правилам послушания и иным установлениям, естественным как для общежительного, так и для келлиотского типа монашества: от такого братства Каллист рекомендует немедленно бежать. Возможно, речь идет об общинах, придерживавшихся правил, предвосхищавших установления «идиоритмии», которая предполагала большую свободу в отношении распорядка дня, правил поведения и личной собственности. Во всяком случае, в 1 Слове

«Исихастского утешения» с принадлежностью адресата к «киновиатам» связывается отсутствие реального духовного опыта.

Следует отметить, что в текстах Каллиста Ангеликуда нет указаний на какое-либо «оскудение наставников»: он говорит об обретении опытного наставника как о деле совершенно естественном; упоминает и знаменитые монашеские центры, в частности, Афон и Вифинский Олимп. О связях Ангеликуда с Афоном свидетельствуют как немногочисленные акты афонских обителей, так и нахождение нескольких уникальных рукописей сочинений Каллиста именно в афонских библиотеках. Каллист, однако, подчеркивает, что в его времена стало непросто найти «созерцательного человека». Это положение вещей он связывает с распространением самомнения, самоугождения, лукавства и неверия. Устав, по которому жил сам Ангеликуд и основные адресаты его текстов, сходен с келлиотским или позднейшим «скитским», получившим распространение на Руси в XV в. Каллист негативно относился к привнесению в этот наиболее удобный для безмолвнической (исихастской) жизни устав элементов киновиальной жизни, прежде всего, неумеренного пения и исполнения Типикона во всей полноте, в ущерб собственно «безмолвническому» молитвенному деланию, к чему были склонны некоторые современники Ангеликуда, формально принадлежавшие к тому же типу монашества, что и он сам. В то же время, автор не считает возможным критиковать настоящих общежительных монахов, для которых подобная практика была естественна. Эти уточнения позволяют констатировать отличие упомянутых выше «живущих в миру киновиатов» от представителей традиционного общежительного монашества.

Оппонент Каллиста Ангеликуда, к которому обращены 1 и 2 Слова «Исихастского утешения», отстаивал мнение, согласно которому обращение к Богу «вообще» и обращение ко Христу совершенно тождественны, поскольку всякий раз, произнося слово «Бог», молящийся подразумевает и «одного из Святой Троицы», Сына Божия, Христа. По-видимому, позиция этого неизвестного монаха была близка к той, что отражена в «Пятидесяти познавательных главах о превосходстве божественных гимнов» некоего монаха Дионисия (автора середины XIV в.): в этих главах содержится скрытая критика практики так называемой Иисусовой молитвы, составляющей основное занятие безмолвников; подобная же критика в устах оппонента заставила Ангеликуда составить свою апологию молитвенного призывания Иисуса Христа.

Каллист утверждает, что ум никогда не обретет покоя (высшее естественного мира души, высшей степени аскетического подвига), пока не придет к созерцанию в сердце Иисуса (и через это — к вселению Святой Троицы). Эта «внутренняя» для полемики тема его заботит больше всего. В созерцании славы Божией наблюдаются простота, единичность и беспредельность, в то время как в созерцании Иисуса — двойственность, «сложность» и ограниченность, но как раз поэтому в последнем удивительным

образом усматривается и усваивается беспредельная любовь Бога к человеку. Ум, согласно Каллисту, созерцает вокруг Бога Божию славу, а через Иисуса созерцает ее и в себе самом. В этом для него состоит наибольшее благо и различие упомянутых двух созерцаний: одно дело созерцать Бога, а другое, более высокое таинство — образовать с Богом единое тело.

В этом споре, нашедшем отражение только в 1 и 2 Словах «Исихастского утешения», сохранившихся в единственной рукописи (Vat. gr. 736), можно усмотреть неизвестный (хотя и частный) случай полемики, ведшейся в XIV в. начиная с 30-х гг. XIV в. по поводу исихастского метода молитвы и его богословского обоснования. Каллист Ангеликуд дает вполне самостоятельное и в то же время, находящееся в русле исихастской традиции XIV в. обоснование необходимости молитвенного призывания Иисуса Христа и его центрального места в восточно-христианской духовности.

А. А. Роменский

*Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический» (Севастополь)*

**Власть и знатность в Таврике XIII в. по данным «Аланского послания»
епископа Феодора**

Сведения об истории Таврики XIII в. в письменных источниках крайне скудны и фрагментарны, вследствие чего каждое известие нуждается в переосмыслении и комплексной оценке. В новейшей научной литературе возобновилась полемика о путях трансформации политической структуры региона в «постфемный период» и позже, после захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г. и распада единого ромейского государства⁴²². В связи с этим представляется целесообразным еще раз обратиться к давно известному источнику — «Аланскому посланию» епископа Феодора⁴²³, проанализировать контекст употребления автором потестарных терминов, его отношение к власти и местной правящей элите.

Текст послания Феодора адресован константинопольскому патриарху Герману II и написан между 1223 и 1226 гг. (вероятно, около 1225 г.)⁴²⁴.

⁴²² Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Т. 22. Р. 328–329; Степаненко В. П. Византия и Крым в постфемный период: к постановке проблемы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Т. 23. С. 714–716; Чхаидзе В. Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII в.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Т. 23. С. 722–725; Степаненко В. П. Поствизантийский Крым в XIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. Т. 24. С. 465.

⁴²³ Theodori Alanicus sive sermo epistolaris ad episcopos CP. de suo per Alaniam itinere // PG. T. 140. Col. 387–412.

⁴²⁴ Νυσταζοπούλου Μ. Ὁ «Ἀλανικὸς» τοῦ ἐπισκόπου Ἀλανίας Θεοδώρου καὶ ἡ εἰς τὸν θρόνον ἀνάρρησις Γερμανοῦ τοῦ Β΄ // Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1964. Τ. 33. Σ. 271–272;

Источник сообщает о высоком положении херсонской знати и наличии городской администрации, которая, однако, не была вполне самостоятельна в своих решениях. Так, упоминается некий «славнейший» Иоанн, один из знатных людей в Херсоне (τῶν τινά περιφανῶν ἐν Χερσῶνι ... Ἰωάννην τὸν πάνυ)⁴²⁵, опасющийся народных волнений и жестокости Цамана (Τζαμάνης), гонителя автора и его спутников. Феодор рисует мрачную картину жизни в городе, раздираемом внутренними распрями. Положение местной власти (πολίτευμα) выглядит непрочным; она решается освободить иерарха, но не может сопротивляться угрозам «служителя лукавого»⁴²⁶. Неприязненную позицию по отношению к коллеге занимает и херсонский архиепископ, обвинивший его в нарушении границ своей епархии и подвергший церковному суду. Красочное описание противоречий между народом и знатью, вероятно, свидетельствует не столько о постоянной социальной борьбе в городе⁴²⁷, сколько о разобщенности и конфликте херсонитов перед лицом настигшей их опасности от меча неких «язычников» (μάχατρα ἔξωθεν τῶν ἔθνῶν). Впрочем, не исключено, что упоминание о междоусобной войне (ἐμφύλιος πόλεμος) является преувеличением склонного к патетике автора⁴²⁸.

Заслуживает внимания вопрос о личности главного антагониста Феодора, Цамана, охарактеризованного епископом крайне отрицательно. Н. М. Богданова полагала, что его можно отождествить с сельджукским эмиром Хусам ад-Дином Чупаном (Чобаном), предводителем войска, осуществившего поход на Судак в первой трети XIII в.⁴²⁹ О действиях сельджукского полководца в Юго-Западной Таврике ничего не известно, что является слабым местом этой гипотезы. По мнению В. Г. Ченцовой, Цаман являлся должностным лицом, уполномоченным трапезундским императором⁴³⁰. Хотя установление власти трапезундских Великих Комнинов над «Ператией» документируется источниками⁴³¹, в самом тексте «Аланского

Айбабин А. И. Крымская Готия в первой половине XIII в. // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2020. Т. 25. № 6. С. 59.

⁴²⁵ *Theodori Alanicus*. Col. 392.

⁴²⁶ *Theodori Alanicus*. Col. 392–393; Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» // Записки Одесского общества истории и древностей. 1898. Т. 21. С. 16–17.

⁴²⁷ См.: Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991. Вып. 1. С. 119–120.

⁴²⁸ *Theodori Alanicus*. Col. 392–395.

⁴²⁹ Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. С. 119–120. О хронологии событий см.: Джанов А. В. Походы сельджукских войск на Судак и в Киликию в правление Ала-ад-Дина Кайкубада I // Сугдейский сборник. 2008. Вып. 3. С. 46–78.

⁴³⁰ Ченцова В. Г. Материалы к истории Херсона в средние века // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Т. 5. С. 179.

⁴³¹ Контроль Трапезундской империи над Херсоном и Юго-Западной Таврикой подтверждают находки на городище печатей василевсов из династии Великих Комнинов, а также свидетельство Иоанна Лазаропула об «архонтах Херсона», которые сопровождали трапезундского фискального чиновника — Алексея Пактиара, перевозившего ежегодный налог, собранный в Херсоне и «Климатах Готфии». См.: Rosenqvist J. O. The Hagiographic

послания» нет никаких намеков в пользу того, что Цаман осуществляет чью-то волю. Напротив, автор подчеркивает то, что этот «тиран» (τύραννος) поступает незаконно, по своему произволу, руководствуясь лишь собственной злобой и коварством⁴³². Нельзя исключить, что Цаман принадлежал к числу знати византийской Таврики (вероятно, тюркского происхождения). Следует отметить, что представители византийской аристократии XIII в. иногда именовались «тиранами», что могло означать претензии на независимость⁴³³.

Примечательно, что Феодор описывает правителя Боспора (называемого в тексте ἄρχων и δυνάμενος) как своевольного человека, не желающего принять епископа, за которого ходатайствовал весь город⁴³⁴. Конфликты провинциальных архонтов со служителями Церкви не были исключительными случаями, что показывает пример Льва Сгура⁴³⁵.

Свидетельство епископа Феодора подтверждает, что политическая ситуация в Таврике XIII в. развивалась по типичному сценарию для территорий византийской периферии⁴³⁶, характеризуюсь упрочением положения местной элиты и ослаблением позиций сил, претендующих на общеимперскую легитимность.

М. А. Руднева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Волнения в ранневизантийской Александрии: убийство Протерия

Ранневизантийское время было сопряжено со значительными изменениями в развитии государства и общества. Доминирование христианства в Восточной Римской империи не устранило существовавших внутри него разногласий, нарушавших единство церкви. Согласно мнению исследователей, к последствиям решений Халкидонского Собора можно отнести более отчетливое разделение церкви на монофизитскую и ортодоксальную греко-византийскую⁴³⁷. Этот процесс особенно остро происходил в Александрии, где противостояние сторонников и противников

Dossier of St. Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154. Uppsala, 1996. P. 310; Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 205; Шукуров Р. М., Коробейников Д. А. Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223–1230 гг. (загадка текста Иоанна Лазаропула) // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. 1998. Вып. 3. С. 184–191; Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 413–414.

⁴³² *Theodori Alanicus*. Col. 392–393.

⁴³³ Чхаидзе В. Н. Лев Сгур — тиран и патриот. Правитель северо-восточного Пелопоннеса в начале XIII в. // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2017. Т. 22. № 5. С. 206.

⁴³⁴ *Theodori Alanicus*. Col. 397.

⁴³⁵ Чхаидзе В. Н. Лев Сгур... С. 206.

⁴³⁶ Степаненко В. П. Поствизантийский Крым... С. 467.

⁴³⁷ Саврей В. Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М., 2011. С. 197.

решений Собора приводило к волнениям, выливающимся в насилие. Одним из наиболее резонансных событий этого процесса в Александрии стало убийство архиепископа Протерия в 457 г.

Вскоре после Халкидонского Собора в Александрии был низложен монофизитский патриарх Диоскор и возведен Протерий. Согласно выводам М. В. Грацианского, Протерий, первоначально не принимал всецело решений Собора, но в дальнейшем, в свете противостояния со сторонниками смещенного патриарха Доскора, перешел на сторону халкидонитов, поскольку имел необходимость заручиться в этом противостоянии поддержкой Римского папы Льва⁴³⁸.

В 452–453 гг. в Александрии в связи с недовольством деятельностью патриарха Протерия возникли сильные волнения. Инцидент потребовал вмешательства не только префекта Флора, но и самого императора. В городе были приостановлены хлебные раздачи, закрыты бани, театры, но этих мер не было достаточно. Согласно сообщению Евагрия Схоластика, для подавления мятежа император отправил в город «две тысячи вновь набранных воинов» (Evagr. HE., II.5). Однако, эта мера не помогла завершить беспорядки. Опираясь на свидетельство ритора Приска из фиванской епархии, приехавшего в Александрию в период волнений, Евагрий сообщил, что бежавшее во время мятежа войско заперлось «в храме, посвященном некогда Серапису, но было осаждено и заживо сожжено мятежниками» (Ibid.).

Согласно «Хронике» Феофана, восставшие «грозили даже лишить Константинополь подвоза продовольствия» (Theoph. Chron. 5945). Император Маркиан приказал поставлять египетский хлеб не через Александрию, а через Пелусий, что повлекло за собой голод в Александрии, и мятежники были вынуждены прекратить беспорядки (Theoph. Chron. 5945).

В 457 г. император Маркиан, покровительствовавший халкидонитам, умер. В Александрии снова начались волнения, спровоцированные монофизитами, в результате которых Протерий был убит (Zach. HE., IV.2). На оценку этого инцидента авторами источников повлияло их отношение к Халкидонскому собору⁴³⁹. Евагрий Схоластик обвинил в убийстве разбушевавшуюся александрийскую чернь, поскольку «она многочисленна, состоит из людей грубых и разноплеменных» (Evagr. HE., II.8). Между тем, историк привел и противоречащее его мнению сообщение Захарии Митиленского о том, что «всё случилось большей частью так, но виноват был Протерий, поскольку возбудил в Александрии столь великое смятение, и, основываясь на письме Тимофея к Льву, утверждает, что этот дерзкий поступок позволила себе не чернь, а кто-то из воинов», освещая разные мнения о причинах случившегося.

⁴³⁸ Грацианский М. В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М., 2016. С. 51.

⁴³⁹ Кириллов В. М. Захария Митиленский о событиях 457 г. в Александрии // Классическая и византийская традиция. 2016. Белгород, 2016. С. 101–105.

Захария Митиленский видел причины убийства Протерия в его недостойном поведении (Zach. HE., IV.2). Федор Чтец ограничился лаконичным и довольно прямым изложением событий, в ходе которого он прямо обвинил Тимофея Элур в инициировании убийства Протерия (Theod. Lesc., HE., I.8). Феофан Исповедник также обвинил Тимофея, который подкупом и силой овладел Александрийским престолом (Theoph. Chron., 5950) и подослал к Протерию убийц.

Евтихий наряду с лаконичным изложением событий (Eutych. Annal., 101–103 // PG. T. 111. Col. 1055) обозначил место сожжения тела Протерия — ипподром (Eutych. Annal., 108 // PG. T. 111. Col. 1056).

Примечательно, что александрийский ипподром неоднократно становился местом сожжения неугодных взбунтовавшейся городской толпе лиц. В источниках содержится информация, благодаря которой можно сделать вывод, что в Александрии существовал своего рода «ритуал» наказания преступников в форме их протаскивания по главной улице города — Канопскому проспекту (Via Canopica) с избиением и последующей кремацией.

Подобные инциденты имели место во время еврейского погрома 38 г. (Philo. Flac. 65), гонений на христиан при императоре Деции (250 г.) (Euseb. HE., VI.41.3–9), мученической смерти апостола Марка (Hist. Patriarch. 11 (Evetts), 146–147 [48–49]), убийства Гипатии Александрийской (Joh. Nik. 84. 100–102; Socr. HE., VII.7) и пр.

Описывая последовавшие за убийством Протерия события, Евагрий Схоластик привел текст окружного послания императора Льва (457–474 гг.), где тот поручил константинопольскому епископу Анатолию разобраться с положением в Александрии с целью навести «спокойствие и тишину» в городе Александра (Evagr. II.9). Но после того как императором был поставлен в качестве патриарха Александрии Тимофей Элур, вражда между сторонниками и противниками решений Халкидонского Собора не прекратилась и продолжалась с переменным успехом для каждой из сторон.

Убийство Протерия в результате противостояния сторонников и противников решений Халкидонского Собора ознаменовало собой один из трагических эпизодов развития насильственного противостояния в усилившемся расколе Александрийской церкви, а также вошло в длинный ряд местной городской «традиции» социальных волнений и беспорядков.

Л. В. Седикова

Государственный историко-археологический музей-заповедник

Херсонес Таврический (Севастополь)

К вопросу о погребальном обряде в Херсоне XI–XIII вв.

Обряд погребения в средневековом Херсонесе (Херсоне) являлся составной частью погребальной традиции, которая, помимо обряда погребения включала характеристику кладбищ, погребальных сооружений и погребального инвентаря.

В ранневизантийский период и позже – вплоть до X в., жителей Херсона продолжали массово хоронить на кладбищах, расположенных за пределами оборонительных стен, однако, полностью эта традиция не изжила себя и к XIII в.⁴⁴⁰ Первые захоронения в пределах городских стен Херсона появляются, по всей вероятности, в ранневизантийский период. В IX в. новеллой императора Льва VI был окончательно отменен закон о запрещении захоронений в черте города⁴⁴¹.

Археологических источников, содержащих данные о погребальном обряде в Херсоне в XI–XIII вв. достаточно много, но значительная их часть представлена результатами дореволюционных раскопок и их интерпретацией, где вопросы погребального обряда рассматриваются лишь в общих чертах⁴⁴².

В 2001–2006 гг. объединенной экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института классической археологии Техасского университета (США) при участии специалистов из Университета Саленто (Италия) исследовался жилой квартал в Южном районе Херсонеса. Раскопками выявлены три усадьбы и маленький однефный храм⁴⁴³. Здание прямоугольное с полукруглой алтарной апсидой, в которой находился подпрестольный камень с отверстием для ковчега. Внутри храма и вокруг были найдены группы захоронений разных хронологических периодов. К первой относятся две могилы, одна из которых частично располагалась под стеной храма. При его строительстве человеческие останки были перенесены в специально сооруженную гробницу за стеной храма. Другая, почти полностью разрушенная могила, находилась на главной улице. Захоронения в грунтовых могилах внутри храма также ему предшествовали. По данным стратиграфии, ранний могильник можно датировать периодом после VII до середины XI в. На территории Византии известны примеры организации кладбищ X–XI вв. на руинах ранневизантийских храмов и на местах заброшенных античных комплексов⁴⁴⁴.

К этому периоду относятся и два захоронения в ямках под полами помещений исследуемого квартала. В одном случае, это скелет

⁴⁴⁰ Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. С. 1050.

⁴⁴¹ Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении Церкви после Юстиниана. М., 1876. С. 107.

⁴⁴² Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. Вып. I. М., 1905. С. 144.

⁴⁴³ Arthur P., Sedikova L. Chersonesos. Excavation in the Ancient City // The Study of Ancient Territories. Chersonesos & Metaponto. 2001 Annual Report. Institute of Classical Archaeology. The University of Texas. Austin, 2001. P. 16.

⁴⁴⁴ Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for Its Interpretation // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Kraków; Leipzig; Rzeszow; Warszawa, 2012. P. 388, 407; Bouras Ch. Aspects of the Byzantine City. Eighth – Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium / Ed. by A. E. Laiou. V. II. Washington, D.C., 2002. P. 527.

внутриутробного плода 24–26 недель, в другом — кости плода или новорожденного ребенка⁴⁴⁵.

Вторая группа захоронений представлена двумя могилами, устроенными под полом храма во время его строительства. Нижние слои заполнены костями, перемещенными из раннего могильника; верхние относятся к периоду функционирования храма.

Отдельно стоящая могила с двумя погребенными находилась на территории двора. Исследования методом радиоуглеродного датирования позволяют отнести ранние захоронения к концу VIII – концу X вв., поздние — к середине XI–XIII вв. Чрезвычайно бедный инвентарь погребений состоит из бронзовых пуговиц-бубенчиков и серебряной серьги в виде кольца.

В исследованном комплексе впервые документально зафиксирован могильник, не связанный с каким-либо храмом. При строительстве малого однефного храма часть человеческих останков была перемещена в могилы, устроенные под полом и снаружи храма, часть оставлена на месте. В дальнейшем захоронения производились в тех же гробницах; парное захоронение совершено за пределами храма.

По имеющимся сведениям, к XI в. захоронения в пределах городских стен производились в перестроенных больших базиликах, храмах, появившихся на месте разрушенных базилик, в крестово-купольных храмах. Наиболее распространенным типом культовой постройки становится малый однефный храм. За этими храмами прочно закрепилось название «часовни», однако наличие престолов у большинства подобных построек свидетельствует о том, что в них не только совершались захоронения, но и проводилась литургия⁴⁴⁶. Долгое время исследователи придерживались мнения, что коллективные захоронения в херсонесских храмах представляли собой костницы или кимитирии, а погребенные в них человеческие останки являются перемещенными⁴⁴⁷.

Анализ материала из Базилики 1987 г. привел исследователя к выводу, что открытые раскопками человеческие останки не перемещены, а относятся к многоярусным захоронениям, совершавшимся на протяжении длительного времени⁴⁴⁸. В нескольких малых однефных храмах могилы представляли

⁴⁴⁵ Рабинович А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. 15. Симферополь, 2009. С. 234–235.

⁴⁴⁶ Седикова Л. В., Рыжов С. Г. Малые однефные храмы средневекового Херсона (Херсонеса) // *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. Т. II. Самара, 2020. С. 275.

⁴⁴⁷ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 17. М.; Л., 1950. С. 233.

⁴⁴⁸ Сазанов А. В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // *Причерноморье в средние века*. Вып. 4. СПб., 2000. С. 288.

собой как многоярусные захоронения под полом, так и костницы⁴⁴⁹. Погребенные в могилах лежали на спине с вытянутыми или сложенными на груди руками, головой на юго-запад. В костницах перемещенные человеческие останки размещены по принципу компактности.

Время сооружения малых однефных храмов следует связать с масштабной перестройкой городских кварталов XI в. Разрушение храмов, так же, как и всего города, произошло во второй половине XIII в., хотя на отдельных участках жизнь продолжалась и дольше⁴⁵⁰.

М. М. Сеница

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Ранневизантийский энциклопедический антикварианизм: Иоанн Лид, Гесихий Милетский, Стефан Византийский

В контексте исследования культурного континуитета с античностью в Ранней Византии важно рассмотреть антикварианизм на примере Иоанна Лида (PLRE II, 612–615) и писателей-энциклопедистов Гесихия Милетского (PLRE II, 555) и Стефана Византийского (PLRE II, 1032).

От Иоанна Лида дошли 3 произведения: «О магистратах»⁴⁵¹, «О месяцах»⁴⁵² и «О знаменьях»⁴⁵³, посвященные древнеримским административным институтам, календарной традиции и интерпретации природных явлений с точки зрения древнеримской языческой традиции. Также он упоминает свой панегирик в честь префекта претория Востока Зотика, панегирик в честь Юстиниана на латыни и «Историю войн с персами» (Lyd. Demag., III.27–28). Также упоминаются «некие математические гипотезы» (Suid. I 465).

Если Иоанн Лид прямо определяется как антиквар⁴⁵⁴, то вопрос о Гесихии остается открытым, так как сочинения последнего сохранились лишь во фрагментах. Информация о сочинениях Гесихия восстанавливается

⁴⁴⁹ Колесникова Л. Г. Храм в Портовом районе Херсонеса. Раскопки 1963–1965 гг. // Византийский временник. 1978. Т. 39. С. 162; Кленина Е. Ю., Бернацки А. Б. Новый христианский комплекс в Херсонесе: архитектура и хронология // Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг. Warsaw, 2017. С. 116.

⁴⁵⁰ Седикова Л. В. Южный район Херсонеса после разрушения XIII в. // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Симферополь, 2021. С. 234.

⁴⁵¹ *Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State* / Ed. by A. Bandy. Lewiston; New York, 2013.

⁴⁵² *Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus)* / Tr. and ed. by A. Bandy. Lewiston; New York, 2013.

⁴⁵³ *Ioannis Laurentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca Omnia* / Ed. C. Wachsmuth. Lipsiae: B. G. Teubner, 1897.

⁴⁵⁴ *Maas M. John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and Politics in the Age of Justinian.* London; New York, 1992. P. 1–2.

из позднейших источников — «Мириобиблиона» Фотия и словаря «Суда». Известно, что он написал «Всемирную хронику» от времен ассирийского царя Бела до смерти императора Анастасия, историческую работу о царствовании Юстина I и Юстиниана I (Phot. Bibl. 69), «Ономатологи»⁴⁵⁵ — словарь биографий античных писателей, ставший одним из протографов «Суды» (Suid. H 611). Из сохранившихся фрагментов наиболее ценен отрывок «Происхождение Константинополя»⁴⁵⁶, посвященный древнейшей истории города, который относят к первой из вышеперечисленных работ Гесихия⁴⁵⁷. Оценка творчества Гесихия также позволяет считать его представителем антикварного направления в Ранней Византии, так как его произведения обладают признаками антикварианизма, выделяемыми А. Момильяно: интерес к древности, энциклопедичность, систематизация, эрудитский и отвлеченно-научный характер⁴⁵⁸.

О Стефане Византийском (PLRE II, 1032) почти ничего неизвестно, кроме его работы «Этники»⁴⁵⁹. Об авторе «Суда» сообщает на основе работы «Ономатологи» Гесихия Милетского: «Гермолай, константинопольский грамматик»⁴⁶⁰, написавший эпитому «Этник» Стефана Грамматика, посвятив василевсу Юстиниану» (Hesych. Onomat., CCLXX; Suid. E 3048).

Иоанн Лид родился в 490 г. в Филадельфии Лидийской, прибыл в Константинополь в 511 г., где посещал неоплатоническую школу Агапия, а затем служил в префектуре претория Востока, достигнув высших постов и выйдя в отставку в 552 г.⁴⁶¹ В 30-е гг. VI в. он был назначен на пост преподавателя в Константинопольском «аудиториуме» по указу императора Юстиниана (Lyd. Demag., III.26–30, 67; Phot. Bibl. 180). Умер в 50–60-е гг.⁴⁶²

Гесихий был родом из Милета, сыном адвоката Гесихия и Философии, получив хорошее образование (Phot. Bibl. 69). Родился при Анастасии (Suid. H 611). Он также был чиновником и начинал, как и Иоанн Лид, в должности скорописца (*ταχυγράφος*)⁴⁶³ (Lyd. Demag., III.26). Согласно надписям из Милета, он был блестящим оратором в префектуре (претория или Города), а к концу жизни удостоился чина «иллюстрия», то есть, также достиг высших

⁴⁵⁵ Hesychii Milesii Onomatologi, quae supersunt cum prolegomenis / Ed. I. Flach. Lipsiae, 1882.

⁴⁵⁶ Hesychii Illustrii Origines Constantinopolitanae, Anonymi Enarrationes Breves Chronographicae, Anonymi Narratio De Aedificatione Templi S. Sophiae. Lipsiae, 1901.

⁴⁵⁷ Treadgold W. The Early Byzantine Historians. London; New York, 2007. P. 272.

⁴⁵⁸ Momigliano A. Ancient History and the Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1950. Vol. 13, № 3–4. P. 285–315.

⁴⁵⁹ Stephani Byzantini Etnicorum quae supersunt / Ex. rec. A. Meinekii. Berolini, 1849.

⁴⁶⁰ PLRE IIIA, 593.

⁴⁶¹ Maas M. John Lydus... P. 29–31.

⁴⁶² Wallinga T. The Date of Joannes Lydus' De magistratibus // Revue internationale des droits de l'Antiquité. 1992. № 39. P. 359–380.

⁴⁶³ Georgii Codini Excerpta De Antiquitatibus Constantinopolitanis. [Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T. 16]. Bonnae, 1843. P. 18.

рангов⁴⁶⁴. Ряд исследователей доводят время жизни автора до 80-х гг. VI века⁴⁶⁵, исходя из приписываемой ему биографии историка Агафия в «Ономатологах» (Hesych. Onomat., IVa; Suid. A 112).

Биографию Стефана восстанавливают из его эпитомы «Этник». В статье про город Анакторион (Ἀνακτόριον) (Steph. Byz. P. 92–93) Стефан упоминает, что грамматик Евгений устраивал школы незадолго до него (ὁ πρὸ ἡμῶν τὰς ἐν τῇ βασιλίδι σχολὰς διακοσμήσας), которого ассоциируют с грамматиком Евгением (PLRE II, 416) начала VI в. Также он сообщает о Петре Патрикии (PLRE IIIb, 994–998) в ранге магистра, т. е. после 539 г. (Steph. Byz. P. 61). Дискуссионным остается вопрос о роде занятий Стефана. По одной версии — это ученый-энциклопедист Стефан Александрийский (550/555–620), к концу жизни переехавший в Константинополь⁴⁶⁶, по другой — придворный грамматик Юстиниана I (Hesych. Onomat., CCLXX; Suid. E 3048), автор лексиконов⁴⁶⁷, возможно, работавший в «Аудиториуме» (Steph. Byz. P. 92–93).

В целом, Иоанн Лид, Гесихий Милетский и Стефан Византийский являются представителями энциклопедического антикварианизма в Ранней Византии. Традиционное образование и государственная служба определили специфику их антикварных интересов. Авторы принадлежали к одному кругу, были знакомы и читали произведения друг друга. Их кредо: схоластический интерес к древности, составление обширных компилятивных энциклопедий, стремление интегрировать античное прошлое в современную идеологию, романоцентризм, идея преемственности Византии от Рима.

Г. В. Скотникова

Санкт-Петербургский институт культуры

Российский институт истории искусств

**Князь Андрей Боголюбский как великий художник: истоки и смысл
храмоздательной парадигмы**

В истолковании культурно-исторического значения фигуры князя Андрея Боголюбского важно найти адекватные духовному смыслу его деятельности ключи. Развитие современной исторической и искусствоведческой науки в России открывает новую систему координат в осознании заветов древнерусского прошлого.

Традиционно в отечественной историографии доминантой становилась государственно-политическая роль князя Андрея Боголюбского, тогда как

⁴⁶⁴ Kaldellis A. The Works and Days of Hesychios the Illoustrios of Miletos // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2005. Vol. 45. P. 381–403.

⁴⁶⁵ Treadgold W. The Early Byzantine Historians. P. 276.

⁴⁶⁶ Болгов Н. Н., Болгова А. М. Стефан Александрийский — последний схолярх // Проблемы истории, филологии и культуры. 2016. № 2 (52). С. 277–284.

⁴⁶⁷ Лебедева Г. Е., Холод М. М., Морозов М. А. Стефан Византийский и его «Этника»: [Δ] // Европа: Международный альманах. 2003. № 3. С. 166–184.

художественная, тем более церковно-религиозная, составляющие рассматривались как маргинальные. Монографий, посвященных культуре Владимирской земли князя Андрея Боголюбского на протяжении значительного периода не появлялось в России. Так было несмотря на объявленный во Владимире в 1857 г. конкурс написание в течение трех лет исторических сочинений, полученное от Академией наук согласие на их рассмотрение и весьма значительный размер премий, выделенных благотворителями. Время для написания такого труда наступило значительно позднее. В 1945 г. выдающийся знаток Древней Руси, археолог, искусствовед Н. Н. Воронин закончил книгу «Андрей Боголюбский». В отзыве на монографию Д. С. Лихачев писал: «... совершенно ясно, что об Андрее может написать только историк-искусствовед. В этом принципиальное значение Вашей книги»⁴⁶⁸. Однако этот труд смог увидеть свет только в 2007 г. В научном сообществе современной России и историки, и искусствоведы (Д. М. Володихин, Н. Н. Лисовой, Г. С. Колпакова, Д. М. Лидов, Т. Н. Вятчина, С. А. Шаров-Делоне и др.) выявляют сакральный замысел князя Андрея Боголюбского, воплотившего в храмоздательной парадигме Владимиро-Суздальской земли «Богоданный и богоизбранный образ служения Богу и своему народу».

Сверхмасштабные деяния князя Андрея Боголюбского имели теснейшим образом связанные библейские и национальные истоки, осуществляясь в широком контексте культуры Средневековья. Владимирское княжество раскрывало свою силу как духовно-государственное, великорусское ядро страны, впитывая импульсы всей Русской земли, утверждая свою самобытность в открытости миру, прежде всего благодаря свободным творческим контактам с Византией и с Западной Европой.

В XII в. зодчество Руси, обратившись к романскому опыту, сохраняя верность крестово-купольному канону православного византийского литургического пространства, пережило свой первый кардинальный перелом, состоявший в коренном переосмыслении принципов и образа церковного здания. При князе Юрии Долгоруком произошло рождение *русского типа храма*, который кажется русским «в современном российском значении этого слова»⁴⁶⁹. Во времена князя Андрея Боголюбского храмы этого типа, но уже не замкнутые на своем внутреннем пространстве, а открытые миру, свободно соединяющие горнее и дольнее, уникальные по пластике и образной сущности резной фасадной скульптуры, стали частью цельной храмостроительной идеи.

⁴⁶⁸ Письмо Д. С. Лихачева Н. Н. Воронину // Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский / Предисл. С. О. Шмидта, послесл. Ю. В. Кривошеева. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 268.

⁴⁶⁹ Швидковский Д. О. Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством. М.: Архитектура-С, 2016. С. 38.

Храм Покрова на Нерли, Дмитриевский собор во Владимире, Рождественский собор в Боголюбове⁴⁷⁰ восхищают своим совершенством. Их художественный язык — неисчерпаемый источник русских духовных архетипов, сакральный ключ к духовным идеалам России, представлениям о Божественной красоте мироздания, о пути преображения и спасения души.

При благоверном князе Андрее Боголюбском произошло прославление чудотворной иконы «Богоматерь Владимирская», его деяния определили всю дальнейшую историю почитания величайшей святыни. Благодаря литургической деятельности князя церковный календарь обогатился тремя новыми праздниками.

Князь Андрей Боголюбский имел сильных и ярких помощников, проблема конкретизации личности которых является интереснейшей для историков. С большой долей вероятности⁴⁷¹ в разработке храмовоздательного замысла принимал активное участие епископ Ростовский и Суздальский Феодор, а в его осуществлении в качестве архитектора важная роль принадлежала «русскому Микеланджело» Кузьмище Киянину⁴⁷². При владыке Феодоре (1155–1169) были возведены главные Богородичные храмы: храм Успения во Владимире (1158), церковь Рождества Богородицы в Боголюбове (1158–1165), церковь Покрова на Нерли (1165), свидетельствовавшие о восприятии Владимирской земли как места пребывания Богоматери, распростершей над ней чудотворный мафорий. К творческому наследию Кузьмищи Киянина⁴⁷³ принадлежит Успенский собор во Владимире, архитектурный ансамбль в Боголюбове, Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском. Успенский собор, будучи чудесным олицетворением Богоматери, был призван олицетворять и Святая Святых, бывшую некогда в храме Соломона, а при князе Всеволоде Большое Гнездо его обновленный архитектурный облик явился также символом «симфонии властей».

Построив столицу своего княжества, город Владимир, «сразу», по единому плану и замыслу, как в свое время император Константин Великий возвел на берегах Босфора столицу империи — Новый Рим, посвятив его Богородице, князь Андрей Боголюбский предстает в истории культуры великим художником, подобно императору Юстиниану Великому и патриарху Никону. Чем жила Русь и для чего она жила, каким был

⁴⁷⁰ Храм был центром соборного комплекса Боголюбского замка 1157–1165 гг. князя Андрея Боголюбского — прекрасного ансамбля, возвращенного из небытия благодаря величайшему открытию и исследованию Н. Н. Воронина.

⁴⁷¹ *Вятчина Т. Н.* Храм домонгольской эпохи // *Архитектура русского православного храма / Под общ. ред. доктора архитектуры А. С. Щенкова.* М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 65.

⁴⁷² *Бурыкин А. А.* Киевский Микеланджело — Кузьмище Киянин: архитектор, художник, переводчик, писатель. Опыт воссоздания биографии // *Бурыкин А. А.* «Слово полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 180–195.

⁴⁷³ Там же. С. 181.

высший смысл ее бытия, свидетельствует совершенная красота владимирского храмового зодчества XII в., в своей духовно-ансамблевой целостности словно звучащая Акафистом Русской земле. «О, если не бесплоден был бы камень, кусочек храмовых руин посеял бы я в землю как зерно» (Юрий Шестаков).

Верность Православию была священной целью жизни человека средневековой Руси, а церковное искусство — выражением сущности веры, формой реального Богообщения, путем к Истине через Красоту. Сущностные основы национального духовного бытия воплощены в несравненном по духовной силе и глубине замысле князя Андрея Боголюбского, созидавшего Русскую землю как «царство Марии».

Знаменитый своими несказанными по красоте фресками XII в. Спасо-Преображенский храм в Мирожском монастыре Пскова расположен у небольшой речки Мирожки, питающейся родниками и впадающей в реку Великую. Это удивительно многозначный символ. Храмы Владимирской земли XII в. — «великая река» русской культуры. Они порождены духовными родниками русской души, преображенной, вдохновленной верностью Православию, души, воплотившей в них Красоту Божьего мира и своё призвание к служению Святому Духу.

А. В. Смокотина

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь)

Керамика ранневизантийского времени из боспорского рыбозасолочного комплекса: предварительный анализ*

В результате раскопок археологической экспедицией под руководством А. И. Айбабина в Босфорском переулке г. Керчь в 2009 г. был исследован большой рыбозасолочный комплекс, состоящий из 16 цистерн разных размеров. Весь комплекс был сооружен в римское время, а в период с конца IV / первой половины V вв. и до второй четверти VI вв. цистерны постепенно перестали использовать и засыпали.

Керамические комплексы ранневизантийского времени из заполнения рыбозасолочных цистерн предварительно подразделяются на несколько хронологических периодов. Шесть из шестнадцати цистерн предположительно прекратили функционировать с конца IV до первой половины V вв. (цистерны II-1, II-3, II-6, II-7, II-11, II-12). Керамический материал из заполнения этих цистерн характеризуется преобладанием амфор боспорского (Зеест 84 и Зеест 96/97) и синопского (С Snp I/Зеест 100) производства, присутствуют многочисленные фрагменты гераклейских узкогорлых светлоглиняных амфор типа Шелов Е. Среди краснолаковой

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

керамики абсолютно доминируют находки понтийских сосудов (Pontic Red Slip Ware – PRS), которые хорошо представлены формами второй половины IV – первой половины V вв., в то время как находки североафриканской и фокейской краснолаковой посуды этого времени единичны.

Три цистерны (II-4, II-8A1, II-8A2), вероятно, были засыпаны немного позднее – около середины-третьей четверти V в. Керамический комплекс этих цистерн характеризуется тем же набором амфорных типов, но при немного большей доли синопского импорта. В их засыпи впервые появляются некоторые новые формы понтийской краснолаковой керамики, которые указывают на формирование засыпи не ранее середины V в. (PRS 7). Краснолаковая посуда понтийского производства продолжает доминировать, в то же время слегка возрастает импорт фокейских сосудов.

Две цистерны (II-2, II-9) были заброшены и засыпаны предположительно в конце V – первой четверти VI вв. В этот период уменьшается доля импорта синопских товаров в амфорах, появляются некоторые новые типы амфор. Понтийская краснолаковая посуда (PRS) по-прежнему доминирует и составляет около половины всей краснолаковой керамики, в то же время увеличивается доля фокейского импорта (Late Roman C/Phocian Red Slip ware – LRC/PhRS), в комплексах появляются некоторые новые формы краснолаковых сосудов этой группы (LRC/PhRS 3E, 5). В заполнении цистерны II-9 отмечаются также несколько интересных фрагментов мисок редкой малоазийской группы краснолаковой керамики группы «Позднеримская светлоглиняная» (Late Roman Light-Colored ware – LRL-C).

Пять последних цистерн (II-5, II-10A1, II-10A2, II-10B1, II-10B2), очевидно, прекратили функционировать во второй четверти VI в. В керамическом комплексе этого времени происходят существенные изменения – появляются и начинают доминировать новые типы амфор понтийского и критского производства (V/АДСВ-71 и TRC 4/Зеест 99), серьезно увеличивается импорт вина из региона Киликии и Кипра (LR 1B), производство понтийской краснолаковой посуды (PRS) прекращается, при этом резко возрастают поставки фокейской краснолаковой керамики (LRC/PhRS 3F и 3G).

Таким образом, на основании предварительного анализа керамических находок можно сделать вывод, что комплекс боспорских рыбозасолочных цистерн использовался в течение нескольких веков вплоть до ранневизантийского времени. Вероятно, на протяжении этого периода он перестраивался, прекращал работу полностью или частично, затем снова расчищался и задействовался в производстве, о чем свидетельствует, в частности, наличие на территории рядом с цистернами слоя присыпанных золой рыбных костей. Дальнейший детальный анализ керамики из заполнения и стратиграфической ситуации на участке исследований позволит уточнить хронологию различных периодов функционирования рыбозасолочных цистерн, проследить эволюцию торгово-экономических связей города в ранневизантийский период.

С. Л. Соловьев, А. М. Байбуртский, В. Л. Мыц, Н. П. Турова, С. В. Ушаков
Институт истории материальной культуры (Санкт-Петербург)
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Новый археологический комплекс второй половины XIII в. из раскопок в Южном пригороде Херсонеса Таврического

Масштабные археологические работы ИИМК РАН (рук. экспедиции С. Л. Соловьев) на территории ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический» позволили выявить многочисленные комплексы как античного, так и средневекового времени. Особое место среди них занимают материалы второй половины XIII в., которые являются хронологическими реперами последнего этапа существования средневекового Херсонеса как городской структуры.

Один такой объект открыт на участке раскопа № 6 (ИА Крыма РАН, квадраты 102/157 и 103/157). Это округлый в плане колодец (диаметром до 1,4–1,5 м), вырубленный в материковой скале общей глубиной 3,3 м. В его верхней части с северо-запада имеются вырубленные в скале ступени. Верхняя часть колодца была заполнена мусором времен Великой Отечественной войны и фрагментами изделий XIX–XX вв. В остальном заполнении обнаружены фрагменты керамических сосудов средневекового времени, фрагменты изделий из металла и монеты; обработанные и необработанные известняковые камни.

На глубине 2,4 м находился крупный известняковый блок, который был удален. Нижняя часть колодца, мощностью до 1,5 м представляла собой суглинок, насыщенный бутовым камнем и керамикой, и именно она представляет особый интерес.

Этот керамический комплекс представлен четырьмя основными категориями находок. Во-первых, это кухонная гончарная керамика (кувшины, горшки). Во-вторых, это амфоры трех основных типов (почти все в мелких фрагментах): 1) толстостенные ветеренообразные борозчатые с массивными высоко поднятыми ручками; 2) с яйцевидным корпусом и дуговидными ручками, 3) с бугристой внутренней поверхностью, плоским дном и уплощенными ручками. Типы XXV, XXIII, XXII по классификации 1971 г.⁴⁷⁴, классы 52, 45, 48 по публикации 1995 г.⁴⁷⁵, типы Günsenin 3 и Günsenin 4 позднего XII – раннего XIII вв.⁴⁷⁶ На семи фрагментах ручек имеются граффити из насечек и знаков.

⁴⁷⁴ Антонова И. А., Даниленко В. Н., Иващута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 93–94.

⁴⁷⁵ Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 73–88.

⁴⁷⁶ Günsenin N. Recherches sur les Amphores Byzantines dans les Musées Turcs // Recherches sur la Céramique Byzantine / Éd. par V. Déroche, J.-M. Spieser. Athènes: École Française d'Athènes, 1989. P. 271–276. Fig. 12–13.

В-третьих, это неполивные кувшины-куманы с округлыми или ойнохоевидными венчиками, накладным рельефным орнаментом, носиками-сливами и плоскими доньями. Они хорошо известны по раскопкам на территории херсонесского городища, хотя целые экземпляры там встречаются редко⁴⁷⁷.

Особое значение имеют, в-четвертых, находки фрагментов глазурованной (поливной) посуды: преобладали светлоглиняные и красноглиняные плоскодонные кувшины с носиками. Часть сосудов может быть отнесена к группе ранней золотоордынской керамики XIII в.

Особый интерес представляют находки восьми перстней, стилистически и морфологически близкие украшениям XII–XIV вв. из раскопок последних лет на Эски-Кермене⁴⁷⁸.

В колодце хорошо сохранились деревянные изделия: три кола и плоская крышка, на лицевой стороне которой имеется резное изображение креста в центре.

Сопоставление датировок основных групп археологических находок из комплекса позволяет заключить, что он образовался в пределах конца третьей – начала четвертой четвертей XIII в. Этому не противоречат и даты нумизматических находок. Аналогичные или близкие (по материалу) комплексы обнаружены на всей территории херсонесского городища⁴⁷⁹. Вероятней всего это связано с катастрофическими событиями при установлении монгольского господства в регионе и исторически соотносится с событиями 1278 г.⁴⁸⁰

В. П. Степаненко

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

О «временных» фемах в Крыму X–XI вв.

В последнее время все большее внимание исследователей привлекают судьбы византийских фем в Крыму. Благодаря работам И. В. Соколовой, продолженных Н. А. Алексеенко, преимущественно по сфрагистическим данным прослежены история и структура главной и до недавнего времени единственно известной из них фемы Херсон. Ранее по надписи 1057 г. из

⁴⁷⁷ *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 117–118. Рис. 72, 8, 9, 11, 12; *Ивашута Л. П.* Неполивная керамика позднесредневекового Херсона. (По материалам раскопок портового квартала) // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 15–16. Рис. 2.

⁴⁷⁸ *Хайрединова Э. А.* Кольца и перстни XII–XIV вв. из Эски-Кермена // МАИЭТ. 2021. Вып. 26. С. 205–228.

⁴⁷⁹ *Ушаков С. В., Байбуртский А. М., Игнатьева А. В.* К финальной истории Византийского Херсона (Средневекового Херсонеса): Археологические комплексы // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Том 2. Самара, 2020. С. 284–286.

⁴⁸⁰ *Мыц В. Л.* О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции. Симферополь, 1997. С. 65–67.

Херсонеса было известно о существовании объединенных фем Херсон и Сугдея. Позже появились сфрагистические данные, подтвердившие сам факт существования фемы Сугдея как минимум в 60–90 гг. XI в.

Еще Г. Шлюмберже издал печать протоспафария и стратига Боспора Аркадия (Афинский нумизматический музей). Второй ее экземпляр из Преслава (Болгария) недавно был издан И. Иордановым с широкой датировкой третьей четвертью X – первой половиной X в. Показательно, что раскопки в Керчи и в Крыму в целом до сих пор не дали находок печатей стратигов Боспора. Остается предположить, что фема действительно существовала короткое время и возникновение ее было связано с быстро менявшейся внешнеполитической ситуацией в Северном Причерноморье в X–XI вв. Напомню лишь, что существование фемы Боспор в 975 г. известно по т. н. Тактикону Икономидиса. Тем же временем принято датировать и печати стратига Аркадия.

Но фема явно была создана ранее, в пользу чего свидетельствует находка второго известного экземпляра печати в Преславе. Город, как известно, был захвачен Иоанном Цимисхием в 971 г. и удерживался греками до 986 г. Печать при послании, которое она скрепляла, могла появиться здесь между 971 и 986 гг. Тактикон 975 г. фиксирует факт существования фемы в это время. Возможно, создание и существование ее были связаны с ситуацией в районе Боспора Киммерийского. Лев Диакон пишет, что во время переговоров Иоанна Цимисхия со Святославом в 971 г. император требовал, чтобы «он получил обещанную императором Никифором за набег на мисян награду и удалился в свои области и к Боспору Киммерийскому». По-видимому, к этому времени русское присутствие в регионе стало свершившимся фактом. Империя не могла игнорировать исходящую от него опасность, следствием чего вероятнее всего и было создание новой фемы⁴⁸¹. Она вряд ли просуществовала долго.

В 90-е гг. X в. (?) на азиатском берегу Боспора появилось т. н. Тмутараканское княжество. Время и причины его появления крайне смутны и неопределенны, что связано с плачевным состоянием источниковой базы. В отравлении князя Тмутаракани Ростислава на пиру (1066 г.), обвинили «катопана» Херсона, но не стратига Боспора. Остается предположить, что самостоятельной администрации во главе со стратигом в это время здесь уже не было. Отметим, что после этого в 80-90 гг. XI в. контакты князей Тмутаракани с византийской администрацией в Крыму шли уже не через близкий Боспор и далекий Херсон, но через Сугдею, где были найдены печати Давида Игоревича и Олега Святославича. Так что создание фемы Боспор могло быть связано именно

⁴⁸¹ По-видимому, во второй половине X в. появилась и турма Готия, о дальнейшей судьбе которой ничего не известно. Печати Льва, императорского спафария и турмарха Готии: *Алексеев Н. А.* Византийская администрация на Боспоре во 2 половине X в. по данным памятников сфрагистики // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* Т.12/2. Симферополь, 2006. С. 564–570.

с реакцией Византии на появление Руси на Боспоре. Позже необходимость держать здесь автономную администрацию отпала. В 1094 г., последний известный князь Тмутаракани Олег Святославич ушел на Русь. По-видимому, этим временем может быть датирована печать вестарха Никифора Алана, катепана Херсона и Хазарии. Создается впечатление, что под его контролем оказались огромные территории Крыма и Северного Кавказа⁴⁸². Надолго ли? В конце 90-х гг. все сведения о фемной структуре Византии полностью исчезают, в том числе печати представителей фемной администрации.

Е. В. Степанова

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

**Клир Святой Софии Константинопольской: диаконы
(по данным печатей)**

Исключительное положение Великой церкви, — как назывался храм Святой Софии в Константинополе — главный храм Византийской империи и кафедральный храм константинопольских патриархов, — наложило свой отпечаток на формирование ее административной структуры, которое среди прочего предполагало масштабность штата служащих. Известно более 100 печатей представителей клира Святой Софии⁴⁸³, большую часть которых составляют печати клириков, диаконов и пресвитеров храма.

В собрании Эрмитажа хранится несколько печатей диаконов и иподиаконов Великой церкви. Это печати Иоанна, диакона Великой церкви и хартулярия (XI/XII в.)⁴⁸⁴; Константина, диакона Великой церкви, клирика, патриаршего нотариуса и хартулярия (вторая пол. X в.); Льва, диакона Великой церкви, канстрисия, хартулярия и человека деспины (XI в.)⁴⁸⁵; Михаила, диакона Великой церкви (XI в.); Михаила, диакона Великой церкви и патриаршего нотариуса (XI в.); Николая, диакона Великой церкви и кувуклисия (XI в.); Феофана, диакона Великой церкви, кувуклисия и императорского

⁴⁸² Алексеев Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // Херсонесский сборник. 2012. Вып. 17. С. 7–17.

⁴⁸³ Из них 45 печатей происходит из коллекции Дамбартон Оукс и музея Фогг (Вашингтон): Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by E. McGee, J. Nesbitt J., N. Oikonomides. Vol. 5 (The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings). Washington, 2005. № 42.1–45. 31 печать — из коллекции Государственного Эрмитажа: Степанова Е. В. Византийские печати с географическими названиями из собрания Государственного Эрмитажа. Часть 1 (Константинополь и западные провинции, фемы, города). № 6.1–25, 7.1–4 (в печати).

⁴⁸⁴ Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884. P. 132, 6; Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Vol. V/1 (L'Église). Paris, 1963. № 71; Шандровская В. С. Сфрагистика // Византийское искусство в собраниях СССР: каталог выставки. М., 1977. № 759.

⁴⁸⁵ Степанова Е. В. Лев — диакон Великой церкви и ὁ ἄνθρωπος деспины // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2 (Миры Византии). Симферополь, 2019. С. 287–300.

клирика (первая пол. XI в.); Константина, иподиакона Великой церкви (X в.); Михаила, иподиакона Великой церкви и кувуклисия (XI в.).

Диаконы имели важные литургические функции (участвовали в богослужении, произносили аккламации, помогали священнику при причащении и крещении и т. д.), помимо этого они исполняли разнообразные социальные и административные обязанности: многие из них занимали должности, связанные с письменной и юридической деятельностью (хартулярии, патриаршие нотариусы); некоторые из диаконов и иподиаконов имели чин кувуклисия. Они играли важную роль в церковной жизни Византии и в церковной иерархии, занимая там важные должности. Так, они принимали участие в заседаниях «пребывающего собора» (*σύνοδος ἐνδημοῦσα*) — постоянного соборного органа при константинопольском патриархе, имели право голоса при избрании архиереев, сами нередко избирались в епископы и константинопольские патриархи. Велика была их роль и в общественной жизни Византии. Например, сан диакона имел Алексей Аристин, выдающийся юрист и толкователь канонов середины XII в. Он занимал как церковные должности (протэкдика, скевофилака, великого эконома), так и светские (номофилака, дикэодота, орфанотрофа). Сохранились печати Алексея Аристина, на двух из них он указывает свою должность номофилака⁴⁸⁶, в легенде третьей — что он диакон, номофилак и протэкдик⁴⁸⁷.

Сфрагистический материал также показывает, что многие священнослужители высшего ранга, входящие в первую пентаду, такие как скевофилаки, хартофилаки и эконома, нередко сохраняли сан диакона. Это мы видим на примере печатей Михаила, императорского диакона, кувуклисия и скевофилака Великой церкви (IX в.)⁴⁸⁸; Иоанна, кувуклисия, императорского клирика, диакона и скевофилакса Великой церкви (первая половина IX в.)⁴⁸⁹; Никифора, диакона Великой церкви и хартофилака (XI в.)⁴⁹⁰; Константина, диакона и хартофилака Великой церкви (середина XII в.)⁴⁹¹.

Особо следует отметить печать Льва, диакона Великой церкви, кантрисия, хартулярия и человека деспины. Ее возможным заказчиком был Лев Параспондил (или по другим источникам Стравоспондил) — фаворит и «первый министр» императрицы Феодоры (1055–1056).

К сожалению, материал источников очень фрагментарен и не дает полного представления о том положении, которое занимали диаконы в очень сложной церковной иерархии и общественной жизни Византийской империи. Сфрагистический материал в какой-то степени позволяет восполнить многочисленные лакуны.

⁴⁸⁶ *Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Vol. II. Paris, 1981. № 912–913.*

⁴⁸⁷ *Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Vol. V/3 (L'Église). Paris, 1972. № 1650.*

⁴⁸⁸ *Laurent V. Corpus... Vol. V/1. № 77 (=DOS 5. № 42.45)*

⁴⁸⁹ *Ibid. № 81*

⁴⁹⁰ *Ibid. № 94 (=DOS 5. № 42.3)*

⁴⁹¹ *Ibid. № 99–100.*

А. Д. Стржалковская

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Новая Лавра как оплот оригенизма среди палестинских монастырей VI в.

Проблематика развития оригенизма в Палестине VI в. тесно связана с историей монашества, процветавшего в данном регионе. В историографии отмечается, что Новая Лавра — одна из самых противоречивых и интересных с этой точки зрения обителей в Иудейской пустыне. Новая Лавра, по сведениям православного византийского монаха и духовного писателя конца VI в. Иоанна Мосха, была создана св. Саввой Освященным. Причиной ее основания стали некоторые конфликты, происходившие в Великой Лавре. В результате этих конфликтов группа иноков удалилась в пустыню, где св. Савва основал другую Лавру, получившую название Новой.

Ее настоятелем был назначен инок Иоанн; некоторые источники называют его Прозорливым (якобы он перед смертью увидел будущие волнения в Новой Лавре). После смерти инока Иоанна настоятелем стал Павел, но через полгода управления монастырем он удалился в Аравию. После Павла настоятелем лавры стал Агапит: именно он выделил из числа насельников монастыря четырех последователей оригенизма, среди которых самым известным был Нонн. Именно Нонн был активным борцом за принятие учения Оригена, вследствие чего, по просьбе св. Саввы, был изгнан патриархом Илией вместе с тремя своими сторонниками. Далее через пять лет новый настоятель Лавры Мамант вернул Нонна и его сторонников⁴⁹².

В истории Новой Лавры почти не было «мирной жизни», так как мятежные иноки превратили новый монастырь в лагерь оригенизма. В стенах монастыря начали активно исповедовать учение Оригена. После смерти св. Саввы оригенисты уже не скрывали своих мнений и распространили свое учение на окрестные монастыри, например, на обитель Фирмина и Мартирия. Кроме того, они двинулись дальше, и еретическое учение распространилось на новые территории. Также имели место попытки оригенистов привлечь на свою сторону монастырь киновиарха Феодосия, но усилиями нового настоятеля Софрония были пресечены. В борьбе с Софронием оригенисты попросили помощи у жителей близлежащей деревни. Далее, вооружившись, они двинулись к Великой Лавре, но, по всей видимости, сбились с пути и пришли к обители блаженного Маркиана, которая находилась в другом направлении от Великой Лавры, после чего открытый мятеж прекратился.

Многие оригенисты-насельники Новой Лавры окончательно отделились от общения с остальной Церковью и уединились в стенах Новой

⁴⁹² *Муравьев А. Н.* История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших. Ч. 1–2. СПб., 1844. С. 219–220.

Лавры. Когда на V Вселенском соборе последовало осуждение Оригена, иноки-оригенисты были изгнаны из Новой Лавры, а монастырь опустел. Спустя некоторое время ее заселили новые монахи.

Таким образом в истории палестинского монашества Новая Лавра стала связываться с распространением ереси оригенизма, а также с именами самых известных оригенистов, таких как упомянутый Нонн, а также Домициан Анкирский и Феодор Аскида⁴⁹³. Упомянутое выше новое заселение Лавры после изгнания оригенистов не было столь же масштабным и не привело к заметному оживлению ее деятельности.

Говорить о месте нахождения монастыря можно только предположительно. При описании места расположения Новой Лавры исследователи отталкиваются от местоположения действующей Великой Лавры. Можно попытаться найти место Лавры, следуя указанию Евфимия, описывавшего житие инока Кирилла, который сам жил в ней после изгнания мятежных оригенистов⁴⁹⁴. Именно так было определено место, где находилась Новая Лавра. П. М. Сладкопевцев попытался уточнить место нахождения Новой Лавры как места неподалеку от Фекои, к югу, при Фекойском потоке.

Современные маршруты описывают ее к югу от Магарат Харитун («Пещеры Харитона») в вади эль-Арруб на Фекойском потоке. Тамошние развалины носят у местных арабов название Хирбет-эль-Куссеир. Они лежат в скалистом ущелье Фекойского потока⁴⁹⁵. Такое положение развалин вполне соответствует месту, на котором, по свидетельству древних писателей, была расположена Новая Лавра.

Таким образом вырисовывается основной контур истории Новой Лавры и места ее нахождения. Отметим, что на данный момент Новая Лавра, в отличие от Великой Лавры и некоторых других палестинских обителей, не функционирует, а пребывает в запустении.

К. С. Тупицына

*Московская государственная художественно-промышленная академия
имени С. Г. Строганова*

Мозаики купола Св. Софии в Фессалонике: предварительные размышления о мастерах

Мозаики купола Св. Софии в Фессалонике при общей стилистической целостности демонстрируют, что художники, трудившиеся над их созданием, ориентировались на разные художественные традиции, а также обладали разным уровнем мастерства. При внимательном рассмотрении

⁴⁹³ Курэ А. Палестина под властью христианских императоров. СПб., 1894. С. 110.

⁴⁹⁴ Сладкопевцев П. М. Древние палестинские обители и прославившие их святые подвижники. М., 1896. С. 226.

⁴⁹⁵ Там же. С. 227.

композиции Вознесения удалось выявить, что над ее созданием трудилась большая артель мастеров. Многочисленные сбивки рисунка, а иногда и оставленные швы, заполненные раствором, говорят о том, что работа велась в спешке и, вероятно, была выполнена в короткие сроки. В ходе исследования удалось выделить различные манеры исполнения художников, работавших над пейзажем и над фигурами.

По-видимому, над созданием позёма одновременно трудилось более восьми мастеров. Над созданием крон деревьев работало более десяти мастеров, причем большинство стволов деревьев было выложено другими художниками, количество которых сложно определить из-за схожести и простоты их исполнения. Точное количество мастеров, работавших над фигурами, определить невозможно. Во многом это затруднение связано с тем обстоятельством, что над одной фигурой подчас работало сразу несколько художников.

Однако существующие манеры исполнения можно объединить в три группы. Две из них представляют ведущие манеры, в которых работали мастера первой и второй руки, а третья группа представляет слабых мастеров. Часть художников, очевидно, обладала столичной выучкой и ориентировалась на раннехристианские образцы, тогда как другая часть мастеров могла происходить из Малой Азии и опиралась на местные традиции. Также при изучении мозаики Вознесения стало возможным отчасти проследить, в какой последовательности велась работа и какие изменения вносились в художественный замысел главным художником по ходу исполнения композиции. Подробному рассмотрению вышеперечисленных аспектов будет посвящен наш доклад.

Э. А. Хайрединова

Институт археологии Крыма РАН

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Повседневная жизнь провинциального византийского города на плато Эски-Кермен в Юго-Западном Крыму*

В последней четверти VI в. на плато Эски-Кермен под руководством византийских инженеров была построена крепость. Одновременно с оборонительными сооружениями на плато проложили две главные продольные и несколько поперечных улиц, а в центре возвели трехнефную базилику. В масштабных строительных работах использовалось большое количество местного известняка – наиболее доступного и качественного строительного материала. Блоки и бут для построек выламывались в

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

окрестностях будущей крепости, в балках к югу от нее и непосредственно на плато – у подножья западной оборонительной стены. Выломанные блоки обтесывались и по подъемной дороге перевозились на плато. Метод добычи камня, а также размеры блоков, базирующиеся на византийской системе линейных мер, подтверждают вывод о строительстве крепости на плато Эски-Кермен византийскими инженерами.

Со временем крепость превратилась в небольшой провинциальный город с характерной для Византии планировкой. От главных ворот вела вырубленная в скале главная улица шириной до 5,0 м, которая в центральной части плато выходила к главной базилике. Перед ней, на пересечении главной и широкой поперечной улиц была спланирована площадь. С запада, со стороны широкой поперечной улицы к площади вела ступень. Площадь была обустроена, как и положено для общественного пространства, где собирались горожане: в ее юго-западной части напротив базилики, вдоль стены усадьбы располагались скамьи. В месте соединения поперечной улицы и площади, напротив центрального входа в базилику стояла каменная стела, по которой, как по гномону солнечных часов горожане могли определять полдень, некоторые даты и праздники, привязанные к дням равноденствий и солнцестояний. С юго-западной стороны площадь ограничивалась усадьбой богатого горожанина. Подобно другим жилым постройкам в городе, усадьба была двухэтажной, крытой черепичной крышей. Находки многочисленных фрагментов оконного стекла около стены в угловом помещении позволяют говорить о наличии в усадьбе окон с видом на главную площадь и на западный фасад базилики. Отметим, что в жилых постройках, раскопанных на других участках города, оконные стекла не выявлены.

Судя по сохранившимся на поверхности руинам, в X-XIII вв. заселенная в предшествующее время часть плато была плотно застроена. Почти всю территорию южной половины плато занимали прямоугольные кварталы, сооруженные по обе стороны главной и параллельной ей улиц. Между кварталами под прямым углом к главной улице были проложены более узкие улочки. Полностью раскопанный в 2003-2018 гг. квартал, расположенный между главной улицей и восточным обрывом, занимал площадь 750 кв. м. (длина участка – 30 м, ширина с учетом построек и поперечных улиц – 25 м).

В каждом квартале размещалось несколько усадеб и часовня, в которой хоронили представителей одного рода или одной общины. Постройки возводились на скале. Дома строили, в основном, из дикарного камня, сложенного на земляном или глиняном растворе. Более крупные, подтесанные камни вторичного использования закладывали в углах домов или использовали в обрамлении дверных откосов. В богатых домах дверные и оконные откосы обрамляли каменными блоками с декоративной резьбой. Стены большинства помещений внутри штукатурились. Первые этажи домов были хозяйственными. Большинство хозяйственных помещений использовалось в качестве кладовых. В них почти все пространство пола

занимали вырубленные в скальной поверхности глубокие подвалы, перекрывавшиеся деревянной крышкой или прямоугольные в плане хранилища со стоящими внутри пифосами и амфорами. Число пифосов в таких хранилищах и подвалах могло достигать десяти. Пифосы закрывались круглыми каменными или керамическими крышками, размер которых соответствовал диаметру венчика тарного сосуда. Часто пифосы помечались хозяевами: на их стенках по обожженной глине процарапывались греческие буквы «θ» и «ЄΛ». На стенке одного из пифосов прочерчена монограмма Иоанна Крестителя «Предтече Христа». Рядом с пифосами в хранилищах находились крупные амфоры: византийские круглодонные желобчатые с высоко поднятыми над горлом дуговидными ручками типа Günsenin IV (класс 45/ХК-95) и херсонесские плоскодонные с ангобириванной внешней поверхностью и бугристой внутренней класса 52/ХК-95. Горло амфор закрывалось керамическими пробками, выточенными из стенок пифосов или черепицы. Тарные сосуды предназначались, скорее всего, для хранения зерна и бобовых. Так, в одном из подвалов усадьбы 4, раскопанной в квартале 1 на главной улице, находилось три пифоса с остатками зерна и четыре амфоры, среди обломков которых лежали бобы. В Херсоне пифосы и крупные амфоры использовали еще и для хранения вина и мелкой соленой рыбы (анчоусов). Амфоры с соленой рыбой могли поступать из Херсона и в город на плато Эски-Кермен. Судя по находкам костей рыб в жилых постройках квартала 1 и створки устрицы в одном из хранилищ усадьбы в центре города, морепродукты входили в состав рациона горожан.

В кладовых усадеб также хранились необходимые в хозяйстве предметы: железные орудия труда – серпы, виноградарские и садово-виноградарские ножи, скребницы, щетки для чесания шерсти, напильники, а также точильные камни, конская упряжь, рычажные весы. В одной из усадеб найдены каменная литейная форма для изготовления небольших сферических пуговиц с петелькой для пришивания и бронзовая матрица для штамповки овальных медальонов. Судя по ассортименту орудий труда, жители города занимались как сельским хозяйством (садоводством, зерноводством и скотоводством), так и ремеслами.

В некоторых усадьбах помещения первых этажей были приспособлены для содержания мелкого рогатого скота. В скальных цоколях стен этих помещений были вырублены кормушки, а рядом с ними – отверстия для привязи животных.

Рассмотренные археологические свидетельства весьма красноречиво характеризуют экономику города. Даже беглый перечень археологических материалов указывает на преобладание в экономике города в рассматриваемый период основных отраслей сельского хозяйства – выращивания и переработки злаков, виноградарства, садоводства, огородничества и животноводства.

Н. И. Храпунов

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Псевдо-Византия и псевдо-история: о медиевализации некоторых объектов культурного наследия Крыма*

Сравнительно небольшая территория Крымского полуострова характеризуется уникальной концентрацией памятников различных эпох и культур, отражающих бурную историю региона. В Новое время происходит мифологизация ряда памятников, которые «обрели» новое прошлое и иные культурные параллели. В докладе анализируются некоторые такого рода мифы, так или иначе связанные с Византийским миром. Их можно рассматривать как проявление распространенного в европейской культуре феномена медиевализма — обращения к средневековью для описания и истолкования современности⁴⁹⁶.

В центре города Керчи находится византийская церковь Иоанна Предтечи IX–X вв. Среди многочисленных фрагментов скульптуры, встроенных в кладку храма или лежавших вокруг него, оказался античный постамент, очевидно, взятый с близлежащего городища Пантикапей. Люди, прибывшие в Керчь в российскую эпоху, переосмыслили крепления для статуи в постаменте как «отпечатки ног святого» — патрона церкви или апостола Андрея⁴⁹⁷. Окончательный вид легенде придал какой-то образованный человек, снабдивший ее деталями, взятыми из жития апостола и «Степенной книги»⁴⁹⁸.

Крымские горы, расположенные в южной части полуострова, сложены из мягких известняков, позволявших сооружать искусственные пещеры. В византийское время здесь возникли многочисленные «пещерные города» и «пещерные монастыри», история которых к 1783 г. была забыта. В отсутствие источников образованные путешественники были вынуждены доверять своей фантазии. Среди выдвинутых предположений — мысль о связи между крымскими «пещерными монастырями» и важнейшей православной святыней — Киево-Печерской лаврой. К ней независимо друг от друга пришли чутко

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

⁴⁹⁶ См.: Мобилизованное средневековье / Ред. Д. Е. Алимов, А. И. Филюшкин. Т. I. СПб., 2021.

⁴⁹⁷ Измайлов В. Путешествие в Полуденную Россию. Нов. изд. Ч. 3. М., 1805. С. 109; Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800. С. 71; Гавриил, архиепископ. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. 1844. С. 324; Зенкевич Х. Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк. Керчь, 1894. С. 148, 149.

⁴⁹⁸ Ср.: Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1909. С. 275, 276; Греческие предания о св. апостоле Андрее / Подгот. А. Ю. Виноградов. Т. 1 (Жития). СПб., 2005. С. 42, 311, 312; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 242.

воспринимавший выработанные в России идеологические модели Станислав Сестренцевич-Богуш и скептически относившийся к успехам империи Шарль-Жильбер Ромм⁴⁹⁹. Подобные наблюдения способствовали развитию представлений о Крыме как важнейшем звене в культурных и религиозных связях Византии и Руси (России).

У крымских татар были распространены легенды о том, что Херсонес и «пещерные крепости» некогда принадлежали «генуэзским франкам», с которыми их предки вели триумфальную войну. Многие путешественники воспринимали их с доверием. Сказывалось видимое сходство крепостных стен Мангупа и оборонительных сооружений Каффы (Феодосии) и Солдайи (Судака). Деятелям Просвещения генуэзцы казались носителями творческого начала, прогресса и «цивилизации», в противоположность туркам и татарам, а потому они склонны были преувеличивать их влияние⁵⁰⁰. Это породило неверную, но устойчивую интерпретацию византийских «пещерных» памятников как «генуэзского наследия».

В 1634 г. в Крым прибыло русское посольство, в составе которого был священник по имени Иаков. По его словам, «в Козлеве церковь соборная зело велика и украшена, сделана мечетью; в Бахчисараях, где царь живет, христианская ж церковь велика и высока, сделана мечетью...»⁵⁰¹. Христиане восприняли монументальные мусульманские постройки как перестроенные церкви. Иаков единственный счел таковой большую мечеть ханского дворца в крымской столице, а вот о пятничной мечете в Козлеве (Евпатории) это писали нередко, особенно в российскую эпоху. Предполагаемыми строителями ее иногда называли средневековых генуэзцев⁵⁰². Евпаторийская мечеть с большим центральным и несколькими малыми куполами, построенная знаменитым османским архитектором Синаном в XIV в., отличалась от большинства крымских мечетей. Единственное похожее здание — не сохранившаяся до наших дней большая мечеть в Каффе, вокруг которой тоже сложились представления о том, что прежде этот храм был церковью⁵⁰³. По-видимому,

⁴⁹⁹ *Romme Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786. Paris, 2016. P. 126; Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. T. 1. Brunswick, 1800. P. 23, 24.*

⁵⁰⁰ *Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. 22. С. 418–421.*

⁵⁰¹ *Сказание священника Иакова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 691.*

⁵⁰² *Тепляков В. Письмо из Крыма к М. И. Л. // Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017. С. 352; Спасский Г. Евпатория (из «Путевых заметок о Крыме») // Отечественные записки. 1850. Вып. 73/11. Отд. VIII. С. 14; Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 14. СПб., 1875. С. 28.*

⁵⁰³ *Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и ногайских татар и во весь Крым. СПб., 1783. С. 147; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. 20. С. 408; *Dubois de Montpereux Fr.**

подобные суждения определяли два обстоятельства. С одной стороны, путешественники знали об обыкновении мусульман переделывать церкви в мечети. С другой — сказывался стереотип «восточного варварства», согласно которому мусульмане вряд ли могли самостоятельно построить величественные здания.

Свято-Троице-Параскевиевский Топловский женский монастырь находится в восточной части полуострова, между Белогорском и Старым Крымом. Название он получил от близлежащего селения Топлы (ныне Тополевка Курского сельского поселения Белогорского района Республики Крым). Монастырь основан в 1864 г. в рамках проекта «Крымского Афона», призванного покрыть полуостров сетью обителей в местах «чтимых издавна в народе по христианским воспоминаниям» и тем самым сделать Крым православной святыней. В монастыре находится источник, издавна почитавшийся местными жителями разных вероисповеданий⁵⁰⁴. Не позднее начала 80-х гг. XIX в. фиксируется, «что в народе существует верование, что св. Преподомномученица Параскева именно в этой местности претерпела свои последние страдания и здесь восприяла мученический венец». Писательница Е. С. Горчакова рассудила, что раз в житии святой прямо не говорится о месте ее гибели, то она могла, по крайней мере, посетить Топлы⁵⁰⁵.

Это случай *translatio memoriae* — переноса памяти о деяниях святого с территории Римской империи в Крым. Неясно, возникло ли предание до или после основания современного монастыря. Официально Православная церковь не упоминает о деятельности самой св. Параскевы в Крыму, утверждая лишь, что источник когда-то в прошлом начал бить из-под развалин посвященной ей древней церкви, и что рядом была найдена древняя икона с изображением святой⁵⁰⁶.

Проанализированные случаи демонстрируют интеллектуальное взаимодействие местных жителей, принадлежавших к разным конфессиям и создававших легенды, которые образованные путешественники популяризовали и делали более «аргументированными». Эти легенды не только «открывали» историю края, но делали более комфортной жизнь переселенцев, в новой стране искавших опору в православии. Соответствующие памятники становились туристическими достопримечательностями и способствовали превращению Крыма в центр православия и туризма.

Voyage Autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée. T. V. Paris, 1843. P. 291.

⁵⁰⁴ Тур В. Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. Киев, 2006. С. 80–82, 90–91, 160–162.

⁵⁰⁵ Горчакова Е. Воспоминания о Крыме. Ч. II. М., 1884. С. 127; Горчакова Е. Троице-Параскевиевский Топловский женский монастырь в Крыму. 2-е изд. М., 1894. С. 4–7.

⁵⁰⁶ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 499.

В. Н. Чхаидзе, И. А. Дружинина

Институт востоковедения РАН

Институт археологии РАН (Москва)

**Христианский мир Северного Кавказа X–XIII вв.:
визуализация и обобщение результатов комплексных
междисциплинарных исследований***

История христианства на Северном Кавказе является не только одной из наиболее актуальных фундаментальных проблем, изучение которой имеет непреходящее научное значение, но и темой, получившей в последние годы злободневное культурное и социальное звучание.

Несмотря на десятки специальных работ, до настоящего времени нет ни одного междисциплинарного исследования, которое бы объединило весь массив письменных, эпиграфических, археологических, сфрагистических, ставрографических, антропологических, архитектурных и изобразительных источников и представило общую картину жизни православных общин Северного Кавказа в Средине века⁵⁰⁷.

Специалистами центра византийско-кавказских исследований Института востоковедения РАН инициирован междисциплинарный научный проект, в рамках которого история христианства на Северном Кавказе рассматривается в русле исторической антропологии. Такой подход к изучению проблемы на порядок расширяет источниковую базу исследования, прежде всего за счет впервые привлекаемых биоархеологических и естественнонаучных данных, позволяет осветить вопросы политической и конфессиональной истории христианства с нового ракурса — с позиций социальной истории, а также создает возможность для постановки и решения новых вопросов, на которые классические исследования, основанные только на письменных и археологических источниках, ответить не могли.

Основной задачей проекта является обобщение и историческая интерпретация уникальных материалов, полученных в ходе комплексной археологической, историко-архитектурной, палеоантропологической программы изучения ключевых памятников двух столиц византийского христианского мира Северного Кавказа X–XIII вв.: Матархи — центра

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01488, <https://rscf.ru/project/22-28-01488/>

⁵⁰⁷ Чхаидзе В. Н. Историко-культурное наследие Византии в Северо-Западном Предкавказье (новые археологические данные) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. V Международная научная конференция. Материалы конференции. М., 2021. С. 301–304.

Зихской епархии⁵⁰⁸ (Таманское городище) и Нижнего Архыза — центра Аланской епархии⁵⁰⁹ (Средний Зеленчукский храм и его некрополь, монастырь у Северного храма, а также Сентинский храм и мавзолей), и результатов их естественнонаучных исследований, проведенных с использованием новейших методик⁵¹⁰.

Актуальность проекта, его научный, образовательный, просветительский потенциал и значение его результатов для социальной и культурной жизни такого сложного региона, каким является Северный Кавказ, отчетливо проявляется на фоне неугасающих споров об «аланском наследстве», особенно в преддверии празднования на федеральном уровне 1100-летия крещения Алании.

В рамках проекта создается не имеющий аналога в отечественной науке электронный ресурс «Христианство и христиане Северного Кавказа X–XIII вв.». Его основой является геоинформационная система, в которой определенные локации (известные по археологии и письменным источникам средневековые города, крупные поселения, церкви и храмы) связываются с наиболее важными археологическими, эпиграфическими, сфрагистическими, изобразительными памятниками, свидетельствующими о распространении христианства.

Другой неотъемлемой частью ресурса является электронная база данных о достоверно известных по письменным, сфрагистическим, эпиграфическим, изобразительным, антропологическим источникам христианам Северного Кавказа X–XIII вв., представленная в виде именного каталога биографий, в основе которых описание, ориентирующееся на общий алгоритм (портрет — по фрескам или созданная в рамках настоящего проекта реконструкция лица по черепу, сведения о датах или периоде жизни, этнокультурном происхождении, социальном статусе, профессиональной деятельности, грамотности, родственных и деловых связях, роли в истории, а также исчерпывающий перечень источников и список библиографии о персонаже), но обусловленное, тем не менее, информативными возможностями источников. Электронная база данных представляет самостоятельное научное значение, как первый свод данных о христианах Северного Кавказа домонгольской эпохи.

Электронный ресурс будет размещен на сайте Института востоковедения РАН, останется открытым для постоянного пополнения новой информацией, тем самым становясь беспрецедентной в отечественной науке галереей лиц и биографий людей, населявших один из регионов византийской Ойкумены.

⁵⁰⁸ Чхаидзе В. Н. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ 01: «империя» и «полис». Сборник научных трудов. Севастополь, 2013. С. 47–68.

⁵⁰⁹ Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. 2-е издание, исправленное. М., 2021. С. 246–250.

⁵¹⁰ Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю., Дружинина И. А. Результаты комплексных исследований Среднего Зеленчукского храма X в. на городище Нижний Архыз в 2018–2019 гг. // «Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации». Всероссийская конференция. М., 2021. С. 43–44.

А. А. Шевченко

*Северо-Западный государственный медицинский университет
имени И. И. Мечникова (Санкт-Петербург)*

Общественное и правовое положение колонов в Ранней Византии (возможные причины и особенности)

В ранней Византии большинство населения было прикреплено к своему месту жительства. Лично свободные крестьяне — колоны — также лишились права на свободу передвижения (С.Th. V.17.1), при этом они сохранили за собой все остальные права свободных граждан. В качестве примера следует отметить, что колоны могли судиться с другими лицам, включая своих патронов (С.J. XI.50.1 и т. п.). Они также могли вступать в брак, при этом было запрещено разделить семью колона среди патронов. Рабы не обладали вышеупомянутыми правами. К примеру, они не могли принимать участие в суде. Однако ранневизантийское законодательство осуждало чрезмерную жестокость к рабам, так же, как и деление семьи раба (С.Th. II.25.1).

Известны попытки императорской власти приравнять колонов к рабам, что можно подтвердить словами следующей конституции Юстиниана от 530 г.: «Нет никакого различия между колонами и рабами, поскольку и те, и другие находятся во власти их владельцев...» (С.J. XI.48.21).

Мы можем предположить, что колоны время от времени собирались в Константинополе, с целью защитить свои права. Мы попытаемся привести доказательства на основании некоторых косвенных источников. В 539 г. Юстиниан издал конституцию, согласно которой колоны, с одной стороны, сохраняли право судиться, а с другой — им не разрешалось приходить толпой в Константинополь, чтобы защитить свои права, как они имели обыкновение делать. В конституции предписывается, чтобы в столице оставалось не больше двух-трех колонов, которые должны были принимать участие в суде. Соответствующий чиновник (квестор) должен был решить их дела как можно скорее (Nov.Just. LXXX.2).

В этом же году другое постановление Юстиниана разрешало разделить детей колонов между патронами, если их родители относились к различным имениям (Nov.Just. CLXII.3). Подобные действия в отношении семей колонов были ранее запрещены (напр.: С.J. III.38.1). С одной стороны, правительство опасается толпы колонов, которые могут собраться в Константинополе, с другой стороны, умаляет их права. Три года спустя в 542 г. Юстиниан издал новую конституцию (Nov.Just. CLVII.1), которая снова запрещала разделять семьи колонов даже в вышеупомянутом случае.

Подводя итоги, следует отметить, что на основании конституций, запрещающих колонам собираться в Константинополе, а также ввиду отмены постановлений, которые ограничивали права колонов, мы можем предположить, что представители данного сословия могли собираться в столице и в некоторых случаях отстаивать свои права, которые отличали их от рабов.

Ю. В. Шелудченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Монастыри и храмы традиции св. Евфимия в иудейской пустыне

Данная работа связана с изучением монастырей традиции подвижника и монаха-пустынника V в. св. Евфимия Великого (377–473), считающегося одним из отцов палестинского монашества. Он и его ученики основали множество монастырей в Иудейской пустыне. Жизнеописание св. Евфимия подробно дано в житиях монаха-агиографа VI в. Кирилла Скифопольского.

Св. Евфимий обратился к отшельнической жизни в 405 г., когда ушел в Иудейскую пустыню и поселился в Лавре Фаран, в верхней части Нахаль Перат (Вади-Кельт), прожив там 5 лет. В Фаране святой познакомился еще с одним подвижником и своим другом св. Феоктистом Палестинским. Позже они вместе покинули Лавру и отправились вглубь пустыни, в район Фекоа, поселившись в пещере в овраге в местности Нахаль Ог (Вади-Мукаллик). Там ими был основан киновий — первый общежительный монастырь Иудейской пустыни⁵¹¹. В этом монастыре св. Евфимий прожил 10 лет с 411 по 421 г. (Сур. Vita Euth., 14–15).

Затем у отшельников появились первые ученики — братья Марин и Лука, которые основали монастыри около селения Метопа. Их учеником стал авва Феодосий, который основал множество киновийных монастырей в этом регионе (Сур. Vita Theodos., 1).

Св. Евфимий любил уединение, поэтому всех приходящих к нему учеников посылал в киновий св. Феоктиста, расположенный внизу горы, в то время как из пещеры была сделана церковь (Сур. Vita Euth., 16).

В этот период св. Евфимий обратил в христианскую веру сарацинское племя. Эпизод связан с чудом исцеления Теревона, сына вождя арабского племени Аспевета⁵¹². После исцеления все сарацины племени обратились в христианство, сам Аспевет принял имя Петр, а его шурина Марис (Марин)⁵¹³ принял монашество и остался в монастыре св. Евфимия и Феоктиста, пожертвовав туда свое имущество (Сур. Vita Euth., 17–19).

Так как много посетителей стремилось попасть к Евфимию, он решил покинуть монастырь и ушел в пустыню Руву с учеником и земляком Домецианом. Они поселились на горе Марда около Мертвого моря (Масада). Там они выстроили церковь с алтарем, а затем удалились в пещеры пустыни Зиф, где по преданию, прятался Давид от Саула (1 Цар. 24:4–9). Часовня, воздвигнутая Евфимием, позже послужила ядром для небольшой лавры на

⁵¹¹ О монастыре Феоктиста: Kühnel G. Wiederentdeckte monastische Malereien der Kreuzfahrerzeit in der Judäischen Wüste // Römische Quartalschrift. 1984. Bd. 79. S. 163–188.

⁵¹² Casey P. J. Justinian, the limitanei, and Arab-Byzantine relations in the 6th Century // Journal of Roman Archaeology. 1996. Vol. 9. P. 214–222.

⁵¹³ Чумми Д. Град Пустыня. СПб., 2007. С. 145.

вершине холма⁵¹⁴. Евфимий и его ученик позже переехали в пустынную область к востоку от Телль-Зиф. Здесь Евфимий основал еще один киновий Кафар Вариха (Бани Наим)⁵¹⁵.

Под наплывом посетителей Евфимий с Домецианом покинули монастырь Зиф и поселились по соседству с монастырем Феоктиста в пещере, в Мишор-Адуммим (Сур. Vita Euth., 22–23). С основанием Лавры помогли многочисленные сарацины, которые были крещены и поселились рядом с монастырями. Благодаря св. Евфимию, для сарацин был назначен первый собственный епископ — Петр (Аспевет) («епископ лагерей/палаток»⁵¹⁶) (Сур. Vita Euth., 24–25). Эти поселения были разграблены и уничтожены в правление Анастасия другими варварами (Сур. Vita Euth., 72).

Всех, кто приходил к Евфимию, святой, стремясь к уединению, сначала отсылал в Нижний монастырь к Феоктисту, пока к нему не пришли три брата Косьма, Хрисипп и Гавриил из Каппадокии. После их прихода св. Евфимий стал принимать всех, основав Лавру по образцу Фаранской. Ее освятил патриарх Иерусалимский Ювеналий в 428 г. (Сур. Vita Euth., 26–27).

Состав Лавры формировался за счет жителей близлежащих палестинских и сирийских городов, но также из Каппадокии и даже Армении. Однажды ее посетило 400 армянских паломников (Сур. Vita Euth., 28). Посещали часто Лавру и египетские монахи (Сур. Vita Euth., 33, 37).

Первоначально в монастыре было 12 человек братии, но затем она увеличилась до 50, тогда хозяйство расширили, заведя скот (Сур. Vita Euth., 28–29). Слава о монастыре распространялась, туда стали прибывать монахи из городов Палестины и других городов и регионов империи: Иерихона, Скифополя, Газы, Антиохии, Мелитины, Милета, Триполиса, Коринфа, Рима, городов Малой Азии, Галатии, Киликии, Каппадокии, Синая (Сур. Vita Euth., 29–30, 33, 36, 56, 72, 75, 77, 78; Vita Syriac., 3–4; Vita Geras., 5; Mosch. Prat. spir., 124).

Из-за религиозных смут в Александрии при Льве I (457–474), в Иудейскую пустыню потянулись монахи-беженцы из Египта. В частности, учениками св. Евфимия стали Мартирий Каппадокиец и Илия Аравийский из Нитрийских гор. Они затем ушли из монастыря, основав собственные обители (Сур. Vita Euth., 48).

Под влиянием св. Евфимия императрица Евдокия, супруга Феодосия II, выстроила большую башню («столп-замок») в самом высоком месте восточной пустыни (Джебель-Мунтар) в 30 стадиях к югу от его

⁵¹⁴ Hirschfeld Y. Masada during the Byzantine Period — the Monastery of Marda // Eretz Israel. 1989. Vol. 20. P. 262–274.

⁵¹⁵ Hirschfeld Y. Khirbetel-Quneitra — a Byzantine Monastery in the Wilderness of Ziph // Eretz Israel. 1985. Vol. 18. P. 243–244.

⁵¹⁶ Hirschfeld Y. Monastery of St. Euthymius // Survey and Excavations. Excavations and Surveys in Israel. 1984. Vol. 3. P. 43–44.

монастыря (в VI в. там находился монастырь схолариев: *Cyr. Vita Euth.*, 44–45). Эту башню потом поочередно захватывали монофизитские и несторианские монахи в конце V в. (*Cyr. Vita Sab.*, 38).

В пещере, где жил святой, усилиями диакона Фида возвели храм в честь святого, где впоследствии находилась и рака с его мощами (*Cyr. Vita Euth.*, 59, 61). В 478 г. Фид также перестроил Лавру, обнеся ее стеной, выстроив дополнительную церковь и другие строения (*Cyr. Vita Euth.*, 56, 62–66, 71). Обитель была освящена архиепископом Мартирием в 485 г. Монастырю св. Евфимия также принадлежали гостиницы в Иерусалиме и Иерихоне, которые были куплены на пожертвования Лавре⁵¹⁷. Таким образом, св. Евфимий стал основателем ряда монастырей Иудейской пустыни, заложив здесь традицию кинувийного монашества.

С. В. Ярцев

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
Еще раз о восстании Гайны в Восточной Римской империи

Восстание готов Гайны и Трибигильда на территории Восточной Римской империи в конце IV в., до сих пор продолжает вызывать интерес среди ученых. Однако, несмотря на значительное количество трудов, посвященных этой теме, многие вопросы истории данных событий, остаются нерешенными.

Наиболее сложной проблемой указанного восстания является противоречивый узел взаимоотношений военного магистра Гайны с Аларихом, Стилихоном и готами Северного Причерноморья, особенно накануне и в первые месяцы восстания варваров на территории Восточной Римской империи в конце IV в. На основе тщательного анализа источников становится очевидным, что заговор Гайны стал возможен благодаря разрыву Алариха и Евтропия. Вероятно, готам-федератам Алариха главным мятежником были предложены более выгодные условия проживания и службы в империи, чем те, которые смог им предоставить препозит священной опочивальни и фаворит императора Евтропий. Если же говорить о характере мятежа, то очевидна его радикализация, направленность как против Евтропия, так и, в дальнейшем, против Стилихона. По-видимому, только таким способом можно было окончательно привлечь на свою сторону готов Алариха, оторвав их от союза с Евтропием. При этом не исключено, что речь могла идти также и об организации похода готов-федератов на Запад против армии Стилихона, в случае успеха которого варварам вполне могли быть обещаны земли для расселения на Апеннинском полуострове.

Представляется, что согласиться на участие в такой военной экспедиции могли и готы Северного Причерноморья. Сильно пострадавшие

⁵¹⁷ *Corbo V. L'ambiente materiale della vita dei monaci di Palestina nel periodo bizantino // Orientalia Christiana Analecta. 1958. Vol. 153. P. 243–244.*

от гуннского нашествия, они желали освободиться из-под власти кочевников, прекрасно осознавая, что добиться этого в изменившихся условиях, было возможно, только переселившись на территорию империи. Учитывая полное отсутствие у главного мятежника других союзников, с опорой на которых он мог бы эффективно достичь поставленных целей, можно прийти к выводу, что только мощная варварская и беспрекословно подчиняющаяся Гайне армия должна была стать главной опорой его устремлений и привести могущественного гота к победе над своими многочисленными врагами. Вероятно, Гайна планировал назначить на все центральные посты в государстве своих людей варварского происхождения. Достигнутый таким образом контроль над всеми ключевыми государственными ведомствами позволил бы ему фактически единолично править империей с опорой на верных готов. Другими словами, восстание Гайны и Трибигильда на территории Восточной Римской империи в конце IV в. являлось попыткой установления главным мятежником тиранического правления в государстве.

При этом, на основании свидетельств дошедших до нас источников, можно прийти к выводу о необходимости разделения событий готского мятежа на два этапа. Характерной особенностью первого этапа является согласованность действий Стилихона и Гайны по организации готского заговора. При этом последний на пике готского восстания должен был пригласить западного командующего вместе со своей армией в Константинополь. Однако вместо приглашения фактический правитель западной части государства был вынужден наблюдать феноменальное возвышение Гайны, который очень быстро стал на Востоке тем, кем являлся на Западе сам Стилихон.

С этого момента начинается второй этап восстания Гайны, когда из союзника Стилихон превращается во врага готов. Источники свидетельствуют, что на данном этапе Стилихон сосредоточил свои усилия на двух направлениях — отношениях с правящей элитой Константинополя и с варварским миром. На первом направлении, проигнорировав правительство Аврелия, Стилихон потребовал признать свою власть на Востоке, предложив за это помощь против готов. На втором, он активизировал армейские реформы, в рамках которых начал проводить широкий набор в армию сарматов и аланов. Возможно одновременно с этим Стилихон установил дружественные отношения с гуннами, что в свою очередь косвенно может свидетельствовать в пользу наличия планов готского вторжения на территорию Римской империи. Осознание того, что эффективно противодействовать готам как внутри империи, так и за ее пределами, могли лишь гунны и аланы, по-видимому, и стало главным определяющим фактором многих действий Стилихона по отношению к варварам в указанный период. В конечном итоге Гайна решил не дожидаться начала массовой миграции своих соплеменников на римскую территорию, задержка которой произошла, по-видимому, из-за поражения последних от

гуннов. Скорее всего именно данным обстоятельством объясняются загадочные особенности последующих событий, когда оставшиеся в городе готы пытались тайно поджечь императорский дворец, а другие участники заговора обвинить в этом представителей оппозиции, стремясь уничтожить людей из круга антиготской партии Аврелиана. Допущенные Гайной ошибки и спешка, с которой он действовал на заключительном этапе восстания, не позволили ему с опорой исключительно на свои силы установить тираническую форму правления в империи.

Гайну сложно назвать дилетантом, а его действия характеризовать как лишённые рационального содержания. Его проект был вполне осуществимым, хотя и был крайне опасен по своим последствиям для Римской империи. Очевидно, что неудачное стечение обстоятельств, недооценка сил оппозиции, неправильная политика по отношению к местному населению, вызвавшая ответное враждебное отношение к варварам, а также серьёзное сопротивление гуннов, судя по всему разбивших готов Северного Причерноморья и, в конечном итоге, убивших самого Гайну, не позволили осуществиться его грандиозным замыслам.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдулманова И. В.</i> Учение Оригена в письмах Феофила Александрийского.....	3
<i>Айбабин А. И.</i> Влияние Византии на этнокультурные процессы в Горном Крыму в V–XII вв.....	5
<i>Алексеев Н. А.</i> Византийская сфрагистика в Таврике: открытия последних лет.....	7
<i>Белорусова Т. Е.</i> Греко-латинское взаимодействие на Пелопоннесе во второй половине XIII в.: просопографический аспект	9
<i>Болгов Н. Н.</i> Трансформация города и городского пространства в Восточном Средиземноморье IV–VI вв.....	11
<i>Болгова А. М.</i> Кария как центр высшего образования в ранней Византии	14
<i>Бочаров С. Г. , Кочкина А. Ф.</i> Новая находка закладной плиты 1367 г. консула Каффы Калоджеро Гризольфи в Самарской области.....	16
<i>Бузанаков Ю. В.</i> Святые Антиохийской Церкви в IV – первой половине VII в.	20
<i>Бутырский М. Н.</i> Эволюция византийской нумизматической иконографии: от иконоподобия к десакрализации.....	22
<i>Быстрицкий Н. И. , Гришин Е. С.</i> Предлагаемые подходы к формированию цифрового атласа византийского Крыма.....	24
<i>Ванькова А. Б.</i> Монахи и книги (IV–VI вв.): душеполезность или полная нестяжательность?	26
<i>Веретенникова Е. П.</i> Ранневизантийский Родиаполь – город внутренней Ликии	29
<i>Воронова А. А.</i> Далматинские комплексные церкви-рефугии.....	31
<i>Гаврилович А.</i> О разлозима сликања фреске Богородице Одигитрије на западној фасади цркве Преображења у Новгороду (XIV в.).....	32

<i>Ганцев В. К.</i> Виноделие в средневековой Таврике: византийские традиции и местные реалии.....	34
<i>Гинькут Н. В.</i> Поливная керамика XIV-XV вв. из раскопок генуэзской крепости Чембало: к характеристике культуры трапезы позднего Средневековья.....	37
<i>Гоголев Д. А.</i> Городское пространство в «Церковной истории» Феодорита Кирского.....	40
<i>Грацианский М. В.</i> От языческого архиерея к христианскому: религиозная основа деятельности городских и провинциальных советов в ранневизантийский период.....	41
<i>Денисова И. В.</i> Идеальный античный мир в идеологии афинских интеллектуалов второй половины IV в. (Гимерий).....	44
<i>Душенко А. А.</i> Игры населения византийского и поствизантийского Мангупа (по данным археологии).....	46
<i>Елисеева А. Ю.</i> Панополь — культурный центр ранневизантийского Египта	48
<i>Еманов А. Г.</i> Городские центры Причерноморья в отражении геральдического перипла конца XIV в.	50
<i>Ендольцева Е. Ю.</i> Плетеный ленточный орнамент в период Македонской династии: истоки и значение мотива (на примере архитектурной пластики).....	53
<i>Ермак Е. С.</i> Семантика литер на облачении трубящих ангелов: к вопросу об интерпретации мозаики из церкви Сан Микеле ин Аффричиско (VI в.)...	56
<i>Жигалова Н. Э.</i> Военно-политическое противостояние византийцев, латинян и османов на Пелопоннесе во второй четверти XV в.....	57
<i>Зайцева Е. С.</i> Позднеантичная сенаторская аристократия и императоры в IV в.: от конфронтации к взаимодействию	60
<i>Зыкова А. В.</i> На чьей стороне? Константинопольский патриархат и гражданские войны в Византии в первой половине XIV в.	62

<i>Иванов А. В.</i> Культурный ландшафт Южнобережья Византийской Таврики, территория и акватория.....	64
<i>Иванов С. В., Зеленко С. М., Царенко С. А., Хохлов С. А.</i> Высокогорлые кувшины и амфоры «причерноморского типа» на подводных археологических памятниках в акватории Таврики.....	69
<i>Казанский Михаил</i> Восточная Империя, Киммерийский Боспор, готы и гунны (V–VI вв.)	71
<i>Казарян А. Ю.</i> Новации в произведениях столичной школы армянской архитектуры эпохи Багратидов	72
<i>Карашайски К. М.</i> Образ иноземца-наемника в сочинении Кекавмена	75
<i>Карпов С. П.</i> Тана — честь и выгода венецианской Синьории	78
<i>Кирилко В. П.</i> Средневековые капители Ласпи.....	80
<i>Кириллов В. М.</i> О взаимосвязи структуры административной и церковной организации в Сирии византийского времени	82
<i>Козлов А. С.</i> «Hesperium Romanae gentium imperium perit» – византийский конструкт?	85
<i>Конкин Д. В.</i> К вопросу о мусульманской благотворительности в Крыму: институт вакуфа в контексте его византийского происхождения и права пользования населением категории зимми	87
<i>Кузенков П. В.</i> Сакральный ландшафт Крыма как опорный элемент цивилизационной инфраструктуры византийской ойкумены	89
<i>Куц Т. В.</i> Участие М. Я. Сюзюмова в подготовке «Истории Византии» (1967).....	91
<i>Лавров В. В., Иожица Д. В.</i> К вопросу о монастырском комплексе у горы Килиса-Кая.....	93
<i>Литовченко Е. В.</i> Между Римом и Константинополем: эпистолярные усилия Авита Вьеннского в укреплении взаимоотношений между Западной и Восточной церквами в VI в.	96

<i>Лысиков П. И.</i> Гражданская война в Византии 1321–1328 гг.: проблемы хронологии в сочинениях Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина	99
<i>Майко В. В.</i> Основные проблемы византийской археологии Крыма на современном этапе.....	101
<i>Макаров Д. И.</i> Григорий Палама — экзистенциалист? Истолкование Исх. 3:14 у св. Григория Паламы и Феофана Никейского	104
<i>Манохин Я. В.</i> «Некипрские» периоды кипрского архиепископства свт. Епифания Саламинского	109
<i>Манохина О. А.</i> Палестинская ветхозаветная экзегетическая традиция IV–V вв.	111
<i>Масловский А. Н.</i> Византийская керамика в золотоордынском городе. Состав, хронология, объём поступления, влияние на местное производство	114
<i>Мастыкова А. В.</i> Византия и варвары на южном берегу Крыма (V – XIII вв.)	116
<i>Матвеева А. С.</i> Радость и печаль в письмах византийских интеллектуалов.....	117
<i>Могаричев Ю. М., Ергина А. С.</i> Росписи пещерных церквей Таврики	119
<i>Мыц В. Л.</i> Византийские амфоры XIII вв. из крепости Алустон	122
<i>Назаров А. Д.</i> Из Ирана в Византию: два аспекта пребывания Артабана Аршакуни на службе Юстиниана I.....	124
<i>Науменко В. Е., Герцен А. Г.</i> О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии?.....	126
<i>Охлупина И. С.</i> «Таково было гостеприимство персов»: пищевые привычки турок в описании Мануила II Палеолога	130
<i>Ошарина О. В.</i> К портрету ранневизантийской цивилизации Египта (позднеантичные ткани и их взаимодействие с другими видами искусства)	132

- Пашкин Н. Г.*
Судьба Яна Гуса в зеркале византийской миссии на Констанцкий собор134
- Пашкова А. Ю.*
К вопросу о христианизации Писидии136
- Попов И. Н.*
Евсевий Памфил и Мамврийский дуб Авраама: культурная память ранних христиан и ее влияние на развитие христианской Св. Земли138
- Постернак А. В.*
Проблемы историографии женского церковного служения в Византии139
- Пржегорлинский А. А.*
Богатство и бедность в Византии как контекст разночтений в евангельских рукописях141
- Прудников В. В.*
Норманны и византийцы: симбиоз или отторжение144
- Радченко М. Л.*
Первые годы работы школы Либания в Антиохии (по его автобиографии).....146
- Родионов О. А.*
Неизвестная страница истории исихастских споров? К вопросу о значении 1-2 Слов «Исихастского утешения» Каллиста Ангеликуда149
- А. А. Роменский*
Власть и знатность в Таврике XIII в. по данным «Аланского послания» епископа Феодора151
- Руднева М. А.*
Волнения в ранневизантийской Александрии: убийство Протерия.....153
- Седикова Л. В.*
К вопросу о погребальном обряде в Херсоне XI–XIII вв.155
- Синица М. М.*
Ранневизантийский энциклопедический антикварианизм: Иоанн Лид, Гесихий Милетский, Стефан Византийский.....158
- Скотникова Г. В.*
Князь Андрей Боголюбский как великий художник: истоки и смысл храмоздательной парадигмы.....160
- Смокотина А. В.*
Керамика ранневизантийского времени из боспорского рыбозасоленного комплекса: предварительный анализ163
- Соловьев С. Л., Байбуртский А. М., Мыц В. Л., Турова Н. П., Ушаков С. В.*
Новый археологический комплекс второй половины XIII в. из раскопок в Южном пригороде Херсонеса Таврического.....165

<i>Степаненко В. П.</i> О «временных» фемах в Крыму X–XI вв.....	166
<i>Степанова Е. В.</i> Клир Святой Софии Константинопольской: диаконы (по данным печатей).....	168
<i>Стржалковская А. Д.</i> Новая Лавра как оплот оригенизма среди палестинских монастырей VI в.....	170
<i>Тупицына К. С.</i> Повседневная жизнь провинциального византийского города на плато Эски-Кермен в Юго-Западном Крыму.....	171
<i>Хайрединова Э. А.</i> Повседневная жизнь провинциального византийского города на плато Эски-Кермен в Юго-Западном Крыму.....	172
<i>Храпунов Н. И.</i> Псевдо-Византия и псевдо-история: о медиализации некоторых объектов культурного наследия Крыма	175
<i>Чхаидзе В. Н. , Дружинина И. А.</i> Христианский мир Северного Кавказа X–XIII вв.: визуализация и обобщение результатов комплексных междисциплинарных исследований.....	178
<i>Шевченко А. А.</i> Общественное и правовое положение колоннов в Ранней Византии (возможные причины и особенности).....	180
<i>Шелудченко Ю. В.</i> Монастыри и храмы традиции св. Евфимия в иудейской пустыне.....	181
<i>Ярцев С. В.</i> Еще раз о восстании Гайны в Восточной Римской империи.....	183

Научное издание

Византийский «круг земель» Orbis terrarum Byzantinus...

Тезисы докладов
XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ,
Судак, 24-30 октября 2022 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 13.07.2022
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 300 экз. Заказ № 06А/19.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru